

ISSN 2079-0295

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 1 (41) 2020
Выходит ежеквартально



SALUS POPULI SUPREMA LEX

Благо народа – высший закон (*лат.*)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
ПИ № ФС77-38792 от 8 февраля 2010 г.

**Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
(Распоряжение Минобрнауки РФ от 28.12.2018 № 90-р)**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Учредитель и издатель:

Автономная некоммерческая организация

**«Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

Сайт издателя: www.niiapsp.ru; e-mail: nii.pravo@gmail.com

Сайт журнала: www.vzlaw.ru; e-mail: vzlaw@yandex.ru

Подписано в печать 27.03.2020. Формат 70×100 1/16. Объем 17. 1875 п. л. Тираж 1000 экз.

При использовании материалов данного печатного издания
обязательна ссылка на источник публикации.

Мнения, высказанные в публикациях, размещенных в данном печатном издании,
являются субъективными позициями авторов относительно рассматриваемых ими
вопросов, за которые редакция журнала ответственности не несет.

© Власть Закона, 2020

Главный редактор

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Заместитель главного редактора

Руденко Евгения Юрьевна, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Редакционный совет

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Андреев Владимир Константинович, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (РГУП), заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН.

Белых Владимир Сергеевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заслуженный деятель науки РФ.

Губин Евгений Парфирьевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова», заслуженный юрист РФ.

Диденко Анатолий Григорьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры частноправовых дисциплин Каспийского общественного университета (Казахстан).

Кузнецова Ольга Анатольевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Лескова Юлия Геннадьевна, д. ю. н., доцент, заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ».

Филиппов Петр Мартынович, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», заслуженный юрист РФ.

Малько Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права РАН», заслуженный деятель науки РФ.

Муртазакулов Джамшед Саидалиевич, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Таджикского национального университета (Таджикис-тан).

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой коммерческого права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заслуженный деятель науки РФ.

Турлуковский Ярослав Владимирович, доктор права, доцент кафедры коммерческого права Института гражданского права Варшавского университета (Польша).

Цыбуленко Зиновий Иванович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Редакционная коллегия

Барков Алексей Владимирович, д. ю. н., профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Вавилин Евгений Валерьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», судья Высшего Арбитражного Суда РФ в отставке.

Дзидзоев Руслан Мухарбекович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Долинская Владимира Владимировна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина» (МГЮА).

Анисимов Алексей Павлович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления.

Емелькина Ирина Александровна, д. ю. н., профессор факультета права Департамента дисциплин частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Иншакова Агнесса Олеговна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет».

Курманалиева Асель Абылкановна, к. ю. н., проректор по научной работе, доцент кафедры международного и предпринимательского права и политологии учреждения «Международный университет Кыргызской Республики».

Молчанов Александр Александрович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД РФ».

Морозов Сергей Юрьевич, д. ю. н., профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет».

Параскевова Светлана Андреевна, д. ю. н., профессор, судья Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда в отставке.

Рузанова Валентина Дмитриевна, к. ю. н., доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарский

национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева».

Серова Ольга Александровна, д. ю. н., профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет».

Тужилова-Орданская Елена Марковна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».

Тычинин Сергей Владимирович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Харитонов Юлиа Сергеевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Editor-in-Chief

Kamyshansky Vladimir Pavlovich, D.J.S., professor, head of the department of civil law of the FSBEI of HE «Kuban state agrarian university named after I. T. Trubilin», head of ANO «Scientific Research Institute of Contemporary Issues Of Modern Law», Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, honorary scientist of Kuban.

Deputy Chief Editor

Rudenko Evgeniya Yurievna, Ph. D. (candidate) in Law, PhD in Judicial Science, associate professor of the department of civil law of the FSBEI of HE «Kuban state agrarian university named after I. T. Trubilin».

Editorial Council

Rasskazov Leonid Pavlovich, D.J.S., professor, head of the department of theory and history of law and state of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University», Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, honorary scientist of the Russian Federation, honorary scientist of Kuban.

Andreev Vladimir Konstantinovich, Ph. D in Law D.J.S., professor, head of the department of civil law of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Russian University of Justice», honorary scientist of the Russian Federation.

Belykh Vladimir Sergeevich, D.J.S., professor, head of the department of business law of FSBEI of HPE «Urals State Law University», honorary scientist of the Russian Federation.

Gubin Evgeniy Parfirievich, Ph. D in Law, professor, head of the department of business law of Federal State Educational Institution of Higher Education « M. U. Lomonosov Moscow State University».

Didenko Anatoly Grigoryevich, D.J.S., professor of the department of private law disciplines of Caspian Public University (Kazakhstan).

Kuznetsova Olga Anatolyevna, D.J.S., professor of the department of civil law of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Perm State National Research University».

Leskova Yulia Gennadyevna, D.J.S., associate professor, head of the department of entrepreneurial and corporate law of the Institute of Law and National Security for the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «President of the Russian Federation Academy of State Security and National Economy»

Filippov Petr Martynovich, D.J.S., professor of the Civil Law Department at the Astrakhan State University, Honorary Lawyer of the Russian Federation.

Malko Alexandr Vasilyevich, D.J.S., professor, head of Saratov Branch of Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of State and Law (Russian Academy of Science)», honorary scientist of the Russian Federation.

Murtazakulov Jamshed Saidalievich, D.J.S., professor of the department of civil law of Law Faculty of Tajik National University.

Popondopulo Vladimir Fedorovich, D.J.S., professor, head of the department of commercial law of Federal State Budgetary Educational Institution of

Higher Education «St.-Petersburg State University», honorary scientist of the Russian Federation.

Turlukovskii Yaroslav Vladimirovich, PhD in Judicial Science, associate professor of commercial law of Institute of Civil Law at Warsaw University (Poland).

Tsibulenko Zinoviy Ivanovich, D.J.S., professor of the department of civil and family law of FSBEI of HPE «Saratov State Law Academy», honorary worker of higher professional education of the Russian Federation.

Editorial Board

Barkov Alexey Vladimirovich, D.J.S., professor, professor of the department of legal regulation of economic activities for the «Government of the Russian Federation Financial University»

Vavilin Evgeniy Valeryevich, D.J.S., professor of the department of civil and international private law of FSBEI of HPE «Saratov State Law Academy», former judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation.

Dzidzoev Ruslan Muharbekovich, D.J.S., professor of the department of constitutional law and municipal law of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University».

Dolinskaya Vladimira Vladimirovna, D.J.S., professor, professor of the department of civil law of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kutafin Moscow State Law University».

Anisimov Aleksey Pavlovich, D.J.S., professor, professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Institute of Management

Emelkina Irina Alexandrovna, D.J.S., professor of the faculty of law for the department of private law of the National Research University «Higher School of Economics».

Inshakova Agnessa Olegovna, D.J.S., professor, head of the department of civil and private international law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Volgograd State University».

Kurmanalieva Asel Abylkanovna, Ph.D. Vice-Rector for Research, Associate Professor of the Department of International and Entrepreneurial Law and Political Science of the International University of the Kyrgyz Republic, Candidate of Legal Sciences.

Molchanov Alexander Aleksandrovich, D.J.S., professor, professor of the department of civil law and civil process of Federal State Owned Educational Institution of Higher Education «St.Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation».

Morozov Sergey Yuryevich, D.J.S., associate professor, head of the department of civil-law and civil procedure of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ulyanovsk state university».

Paraskevova Svetlana Andreevna, D.J.S., professor, retired judge of the Sixteenth arbitration court of appeal.

Ruzanova Valentina Dmitrievna, Ph. D. (candidate) in Law, associate professor, head of the department of civil law and business law of FSAEI of HE « Academician S. P. Korolev Samara National Research University».

Serova Olga Aleksandrovna, D.J.S., professor, Vice-rector for academic Affairs of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pskov state University».

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna, D.J.S., professor, head of the department of civil law of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Bashkir state university», professor of the Civil Law De-

partment of the State Educational Establishment of Astrakhan State University

Tychinin Sergey Vladimirovich, D.J.S., professor, head of civil law and procedure of Law institute of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National State Research University».

Haritonova Yulia Sergeevna, D.J.S., professor of the department of business law of Federal State Educational Institution of Higher Education « M. U.Lomonosov Moscow State University».

Содержание

Колонка главного редактора

*Камышанский В.П. О национальной стратегии развития
искусственного интеллекта..... 13*

Актуальные проблемы современного права

*Беспалов Ю.Ф. О некоторых тенденциях
совершенствования семейного законодательства РФ
в свете осуществления национальных проектов РФ
на период до 2024 года..... 19*

*Дерюгина Т.В., Дерюгина С.Р. Правовая природа договора
райдшеринга (карпулинга)..... 32*

*Дзидзоев Р.М. Вопросы формирования должности главы
субъекта Российской Федерации 42*

*Камышанский В.П. Понятие и содержание права на
жилище..... 52*

*Шаронов В.А. Возможность реализации единственного
«роскошного» жилого помещения гражданина-
должника в рамках дела о несостоятельности
(банкротстве). Поиск баланса интересов..... 61*

*Кабанова И.Е. Проблемы создания инфраструктуры
обеспечения общественной безопасности в «умных
городах» через механизмы публично-частного
партнерства..... 78*

*Рассказов В.Л. Истоки формирования и развитие торгового
правосудия в Древнерусском государстве 85*

*Степанов Д.В. Интеллект, искусственный интеллект и
право 97*

Наука и практика Республики Крым

*Галас Е.М. Компетенция третейского суда России:
историко-правовой аспект..... 105*

Трибуна молодого ученого

- Авдеев С.В. Модернизация института субсидиарной ответственности при несостоятельности (банкротстве) должника: причины следствия 118
- Атажахова Д.Д. Социалистическая реальность и варианты северокавказской государственности в 1920-х начале 1940 гг..... 128
- Кравец И.А. Организационно-правовые основы деятельности военно-воздушных сил РСФСР в годы гражданской войны 140
- Саров С.С. Основания возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения 150
- Семенов М.М. Особенности заключения договора аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения..... 157
- Славинская Т.И. Единый недвижимый комплекс с позиции правоприменителя. Теория и практика 167
- Слюсарев А.В. Некоторые проблемы международного правового регулирования осуществления и защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности 176
- Шагимарданов А.Р. Влияние исламской этики и российского права на формирование правосознания и персональной культуры предпринимателей-мусульман 183
- Чиришьян А.Р. Источники правового регулирования отношений энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии..... 192

Рецензии. Критика

- Бандо М.В. Рецензия на монографию Добрачёва Д.В. «Денежный долг и убытки в контексте динамики изменения обязательств». М.: Инфотропик медиа, 2018. 472 С. 204

Contents

Editor's column

Kamyshansky V.P. On the national strategy for the development of artificial intelligence 13

Actual problems of modern law

Bespalov Yu.F. On some trends in improving the family legislation of the Russian Federation in the light of the implementation of national projects of the Russian Federation for the period up to 2024 19

Deryugina T.V., Deryugina S.R. The legal nature of a ride-sharing agreement (carpooling). 32

Dzidzoev R.M. Formation of the position of the head of a constituent entity of the Russian Federation..... 42

Kamyshansky V.P. The concept and content of the right to housing 52

Sharonov V.A. The possibility of selling the only "luxurious" living quarters of a debtor citizen in the framework of an insolvency (bankruptcy) case. Finding a Balance of Interests 61

Kabanova I.E. Problems of creating public safety infrastructure in "smart cities" through public-private partnership mechanisms 78

Rasskazov V.L. The origins of the formation and development of trade justice in the Old Russian state..... 85

Stepanov D.V. Intelligence, Artificial Intelligence and Law 97

Science and practice of the Republic of Crimea

Galas E.M. Competence of the Arbitration Court of Russia: Historical and Legal Aspect 105

Tribune of a young scientist

Avdeev S.V. Modernization of the institution of subsidiary liability in case of insolvency (bankruptcy) of a debtor: reasons for the investigation 118

<i>Atazhakhova D.D. Socialist reality and variants of the North Caucasian statehood in the 1920s and early 1940s...</i>	128
<i>Kravets I.A. Organizational and legal framework for the activities of the RSFSF air force during the civil war.....</i>	140
<i>Sarov S.S. The grounds for the emergence of obligations duetounjustenrichment.....</i>	150
<i>Semenov M.M. Features of concluding a lease agreement for a land plot for agricultural use.</i>	157
<i>Slavinskaya T.I. A single real estate complex from the position of a law enforcement officer. Theory and Practice</i>	167
<i>Slyusarev A. V. Some problems of international legal regulation of the exercise and protection of rights to the results of intellectual activity</i>	176
<i>Shagimardanov A.R. Influence of Islamic ethics and Russian law on the formation of legal awareness and personal culture of Muslim entrepreneurs.....</i>	183
<i>Chirishyan A.R. Sources of legal regulation of energy supply relations using renewable energy sources</i>	192

Reviews. Criticism

<i>Bando M.V. Review of the monograph by D.V. Dobrachev "Monetary debt and losses in the context of the dynamics of changes in liabilities." M.: Infotropic Media, 2018. 472 p.</i>	204
--	-----



Колонка главного редактора



Камышанский Владимир Павлович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», директор Научно-исследовательского института актуальных проблем современного права (Россия)

**О НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ
РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

**ABOUT THE
NATIONAL STRATEGY FOR THE
DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE**

Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (далее – Национальная стратегия). Целью принятия Национальной стратегии является обеспечение ускоренного развития искусственного интеллекта в Российской Федерации (РФ), проведение научных исследований в области искусственного интеллекта, повышение доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, а также совершенствование системы подготовки кадров в этой области.

Согласно названному Указу Президента РФ Правительство Российской Федерации до 15 декабря 2019 г. обязано обеспечить

внесение изменений в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», в том числе разработать и утвердить федеральный проект «Искусственный интеллект».

Правовую основу Национальной стратегии составили Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, определяющие направления применения информационных технологий в России.

В Национальной стратегии (п. 5) получили закрепление такие ключевые понятия, как искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта, перспективные методы искусственного интеллекта. Это позволяет более определенно подходить к решению проблем правового регулирования общественных отношений в сферах создания и использования технологий искусственного интеллекта.

Под *искусственным интеллектом* предлагается понимать «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека». В структуру комплекса технологических решений входят информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение (в том числе такое, в котором используются методы машинного обучения), а также процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Все обозначенные элементы структуры комплекса технологических решений только в совокупности могут обеспечить получение результатов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Следует отличать комплекс технологических решений, способных создавать продукт, близкий к результатам интеллектуальной деятельности человека, от технологии

искусственного интеллекта. *Технологии искусственного интеллекта* – это технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта. К смежным областям относятся робототехника и управление беспилотным транспортом.

Перспективные методы искусственного интеллекта представляют собой методы, направленные на создание принципиально новой научно-технической продукции, в том числе в целях разработки универсального (сильного) искусственного интеллекта. Возможности сильного искусственного интеллекта предполагают автономное решение различных задач, автоматический дизайн физических объектов, автоматическое машинное обучение, алгоритмы решения задач на основе данных с частичной разметкой и (или) незначительных объемов данных, обработка информации на основе новых типов вычислительных систем, интерпретируемая обработка данных и другие методы.

Из определения метода искусственного интеллекта можно сделать вывод о том, что сам по себе искусственный интеллект неоднороден и подразделяется как минимум на два вида. Это может быть обычный искусственный интеллект, который обеспечивает создание принципиально новой научно-технической продукции, используемой в различных сферах экономики, образования, здравоохранения, иных сферах общественной жизни. Наряду с обычным искусственным интеллектом предполагается разработка универсального (сильного) искусственного интеллекта, обладающего значительно большими возможностями автономного воздействия на общественные отношения с участием физических и юридических лиц. Это означает, что и правовое регулирование отношений с использованием технологий искусственного интеллекта также должно быть дифференцировано в зависимости от возможностей, заложенных в искусственном интеллекте.

В Национальной стратегии получили закрепление шесть основных принципов развития и использования технологий искусственного интеллекта, которыми следует руководствоваться при ее реализации. Первостепенное значение имеет соблюдение принципа защиты прав и свобод человека, а также принципа

безопасности. Права и свободы человека, закрепленные в нормах российского и международного законодательства, должны быть надежно защищены. Недопустимо использование искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам.

Определены приоритетные направления развития и применения технологий искусственного интеллекта в отраслях экономики и социальной сфере, направленные на повышение эффективности деятельности хозяйствующих субъектов, создание условий для улучшения уровня жизни населения. Использование технологий искусственного интеллекта в социальной сфере предполагает своей целью повышение качества услуг в сфере здравоохранения, повышение качества услуг в сфере образования, повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг, снижение затрат на их предоставление.

Среди основных задач развития искусственного интеллекта – создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта (подп. «е», п. 24 Национальной стратегии). Надо полагать, что в значительной степени эту задачу предстоит решать юридическому сообществу путем принятия законодательства, регулирующего отношения, возникающие в связи с использованием технологий искусственного интеллекта. Это законодательство должно основываться на результатах научных исследований ведущих юридических школ Москвы и субъектов РФ. К сожалению, в разделе V «Цели и основные задачи развития искусственного интеллекта» Национальной стратегии, в перечне основных направлений научных исследований, по которым предполагается оказание приоритетной поддержки, не нашлось места для юридической науки.

Обращает на себя внимание и завершающий раздел VI под названием «Механизм реализации настоящей Стратегии» рассматриваемого нами документа. Содержание этого раздела носит общий характер и не вселяет оптимизма относительно счастливой судьбы и успешности реализации—Национальной стратегии в целом. Согласно п. 53 данного документа «координацию деятельности участников реализации настоящей Стратегии осуществляет Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных

технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Для координации деятельности бизнес-сообщества и научных организаций по реализации настоящей Стратегии создается объединение, в которое входят представители организаций, осуществляющих деятельность по развитию и внедрению технологий искусственного интеллекта.

Как нам представляется, ввиду особой социальной значимости и с учетом стратегического значения развития технологий искусственного интеллекта есть необходимость создания специального органа государственного управления при Правительстве РФ, который отвечал бы за этот сектор экономики. Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2019 г. № 1500¹, предусматривающее создание подкомиссии по развитию искусственного интеллекта в составе Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, эту задачу, конечно, не решит.

Состав подкомиссии был утвержден распоряжением Правительства РФ от 23 ноября 2019 г. № 2791-р. Согласно указанному распоряжению сопредседателями подкомиссии назначены известные всем Герман Греф и Максим Орешкин. К сожалению, в составе подкомиссии не нашлось место для представителей юридической науки. Это означает, что на данном этапе проблемы правового регулирования отношений с использованием технологий искусственного интеллекта будут решаться в рамках различных юридических форумов на уровне научных дискуссий, без особых перспектив их востребованности государством.

В. П. Камышанский,
*главный редактор
журнала «Власть Закона»,
доктор юридических наук,
профессор*

¹ О Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности: постановление Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2018 г. № 1065 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 38, ст. 5846.

Раздел



Актуальные проблемы современного права

Ю. Ф. Беспалов

профессор кафедры гражданского права
Тверского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
председатель Владимирского областного суда в отставке
nksmgs@mail.ru

**О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ В СВЕТЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РФ НА ПЕРИОД ДО 2024 ГОДА**

**SOME TRENDS IN THE IMPROVEMENT OF THE FAMILY LAW
IN THE LIGHT OF THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL
PROJECTS UNTIL 2024**

В статье исследуются тенденции совершенствования законодательства Российской Федерации (РФ) в свете реализации национальных проектов РФ на период до 2024 г. Автор заключил, что в Семейном кодексе (СК) РФ и семейном законодательстве субъектов России необходимо предусмотреть общие и специальные положения; четко обозначить основные начала семейных отношений: 1) укрепление семьи или свобода брачного союза; 2) семейные или гражданско-правовые начала; 3) ювенальные принципы или равенство участников семейных отношений; 4) личная, частная и семейная жизнь, их соотношение и основы; 5) самостоятельность члена семьи и/или самостоятельность самой семьи; 6) признаваемые государством формы семейных отношений и/или фактически сложившиеся формы; 7) интерес личный и/или интерес семейный; 8) основы семьи и основы бизнеса.

Ключевые слова: семейное законодательство; недостатки семейного законодательства; семейная политика; национальные проекты; семья и ее ценность; принципы, формы семейных отношений; специальные и общие положения; брак; ребенок; благополучие семьи.

The article investigates the tendencies of improvement of the legislation of the Russian Federation (RF) in the light of implementation of the national projects of the Russian Federation for the period till 2024. The author concluded that it is necessary to provide general and special provisions in the Family Code (FC) of the Russian Federation and family legislation of the subjects of Russia; to clearly indicate the basic principles of family relations: 1) strengthening of family or freedom of marital union; 2) family or civil law; 3) juvenile principles or equality of participants of family relations; 4) per-

sonal, private and family life, their correlation and foundations; 5) independence of a family member and/or independence of the family itself; 6) forms of family relations recognized by the state and/or actually established forms; 7) personal and/or family interest; 8) family foundations and business foundations.

Keywords: law; legal regulation; foreign trade activity; principles of law; foreign economic policy; international trade; advocacy; market relations; business entity; purchase and sale.

Одним из важнейших вопросов современности является вопрос о совершенствовании семейного законодательства РФ, прежде всего, Семейного кодекса (СК) РФ, решение которого имеет как теоретическое, так и практическое значение¹. Основания для этого существуют, можно утверждать, что они «перезрели».

Каждому здравомыслящему человеку ясно, что жизнь и деятельность российской семьи и ее членов находятся в постоянном развитии, они наиболее чувствительны и реагируют на любое социально-экономическое преобразование. К сожалению, действующее семейное законодательство РФ «не успевает» сопровождать возникающие семейные отношения, оно, к сожалению, не рассчитано на будущее российской семьи.

В целях обеспечения благополучия россиян Президент РФ В.В. Путин издал Указ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»², которым законодательно закрепил целый ряд национальных проектов, включающих в себя, наряду с

¹ Крашенинников П. В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. – 2017. – № 1. – С. 3–7;

Беспалов Ю. Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 5. – С. 4–6;

Беспалов Ю. Ф. Семья как социальная ценность: социально-правовой аспект // Образование, наука, научные кадры. – 2018. – № 3. – С. 55–57;

Беспалов Ю. Ф. Некоторые проблемы применения семейного законодательства в части государственной охраны и защиты ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью и пути их решения // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 4. – С. 4–7;

Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт, 2007. – С. 32; Нечаева А. М. К вопросу о совершенствовании Семейного кодекса РФ // Российская юстиция. – 2017. – № 4. – С. 16–18.

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 20, ст. 2817.

другими, человеческий капитал и комфортную среду для жизни. Действующий СК РФ оказался не готов сопроводить и их осуществление. В частности, СК РФ не определяет и не учитывает ряд положений:

1) самостоятельность и специфику семейных отношений, представляемых множеством правовых, экономических, физических, нравственных, имущественных, интеллектуальных и иных связей;

2) их назначение, социально-правовую ценность семьи, состоящую в продолжении здоровой жизни, благополучии членов семьи и семьи в целом, характеризующуюся взаимной заботой членов семьи друг о друге, в том числе о воспитании, развитии и социализации детей, помощи престарелым членам семьи, совместным решением социально-экономических и иных задач семьи;

3) объективную связь семейных отношений с другими формами отношений: жилищными, предпринимательскими, наследственными, трудовыми и т.д.;

4) многообразие форм и моделей семейных отношений: брачных (супружеских), включая добрачные и послебрачные; родительских; приравненных к родительским (усыновление); заменяющих их (опека, попечительство, приемная семья и т.д.); с иностранным элементом; фактических и иных, не реагируя на наличие однополых моделей брачных отношений; третьего пола; полигамии в обеих формах – полигинии и полиандрии; наличие неравных браков (морганатические), виргинальных (без детей), конкубинативных связей и т.д.;

5) существо имущественных отношений в семье, оставляя без должной правовой заботы социально незащищенных членов семьи, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Обилие гражданско-правовых механизмов, включая договорные конструкции, исковую давность, усугубляют независимое положение семьи. Имеющиеся правовые механизмы имущественной защиты членов семьи в случае ее распада или банкротства члена семьи несовершенны. Правовая неясность касается действия механизма права справедливости; разграничения имущества на семейное и предпринимательское; разных принципов семейной жизни и предпринимательской деятельности.

СК РФ устанавливает противоречащие друг другу, несогласующиеся и конфликтующие между собой принципы:

- укрепление семьи и свобода брачного союза;
- самостоятельность, равенство, свобода усмотрения, личная, семейная тайна и взаимная забота, взаимное согласие, взаимное понимание;
- супружеская верность, свобода усмотрения и поведения супругов;
- имущественная забота и личный имущественный интерес;
- равенство субъектов семейных отношений и приоритет интересов ребенка (элементы ювенальной системы);
- равенство и интерес членов семьи, в том числе оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Некоторые семейные отношения, требующие регламентации, не получили урегулирования, то есть можно констатировать наличие пробелов в правовом регулировании. Речь идет об усеченном варианте определения правового статуса субъектов семейных прав, в том числе ребенка-родителя, ребенка-супруга; неполном регулировании отношений, связанных с установлением происхождения ребенка, родившегося с применением вспомогательных репродуктивных технологий; об отсутствии положений о применении посмертной репродукции и о применении санкций за уклонение от уплаты алиментов, взыскиваемых по соглашению сторон, когда оно не предусматривает такое условие; об отсутствии положений относительно смены пола, в том числе судьбе брака, если трансгендерный переход совершен одним из супругов; отсутствии положений о добрачных процедурах, об объектах семейных прав, о семейной культуре, о семейных ценностях и другом.

Как известно, семейные отношения регулируются различными социальными регуляторами: нормами права, нормами нравственности, обычаями, общечеловеческими семейными ценностями. СК РФ не знает обычаев, многих общечеловеческих и семейных ценностей (за исключением ст. 59 СК РФ). Нормы нравственности представлены в нем косвенно.

Отношения с участием иностранного элемента урегулированы фрагментарно, бессистемно и без учета необходимости унификации законодательства. Например, ст. 161 СК РФ устанавливает, что личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства. Однако ст. 31 СК РФ

предусматривает право супругов на выбор места жительства и места пребывания, то есть допускает раздельное проживание супругов.

Некоторые положения СК РФ содержат механизмы ювенальной юстиции или системы (например, ст. 77 СК РФ). Нельзя не обратить внимание на неопределенность правового статуса уполномоченного по правам ребенка, который на основании Федерального закона «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ вправе лишь обратиться в суд в защиту прав ребенка с административным иском заявлением (ст.6). Данное положение не отвечает здравому смыслу. СК РФ не знает такое лицо.

Не устраняет СК РФ и гражданско-правовую размытость положений об органах опеки и попечительства, которые сегодня представлены на основании Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 2 июля 2013 г. № 167-ФЗ, ст.34 Гражданского кодекса (ГК) РФ органами исполнительной власти субъекта РФ, что также затрудняет их установление. Вне СК РФ остались дети-сироты, дети-инвалиды, дети-родители (за исключением ст.62 СК РФ) и ряд других категорий.

Семейный кодекс РФ создает и неопределенность относительно места семейного права в системе права. Многие положения СК РФ «бьют по хвостам» вместо искоренения и недопущения причин зла, укрепления нравственности и добросовестности в семье; предмета и метода семейно-правового регулирования. Толкование и применение положений СК РФ требует от правоприменителя не только правовых, но и иных знаний, умений, качественного уровня мировоззрения и правосознания.

Судебная практика не знает единообразия в правовой квалификации семейных отношений, в определении правового режима объектов семейных прав. Суды, например, понимают «бизнес» как имущество, подлежащее разделу. Так, отменяя в части решение Гурьевского городского суда Кемеровской области от 17 мая 2018 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Кемеровского областного суда от 7 августа 2018 г., судебная коллегия по гражданским делам

Верховного Суда РФ в определении от 26 марта 2019 г. № 81-КГ19-2 указала: «Суд не учел, что сам бизнес самостоятельным объектом права, предусмотренным гражданским законодательством, не является, а представляет собой деятельность, ведение которой происходит в одной из организационно-правовых форм коммерческих организаций, а также индивидуальными предпринимателями¹».

Усугубляется ситуация недостатками положений Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р. Неясно, о какой форме семьи государством проявляется забота, не учитываются обстоятельства, содействующие существованию семейных отношений (занятость, банкротство и т.д.). Неясно, как государство планирует сократить число разводов, число детей-сирот, реализовать все, что намечено Концепцией.

Низкая семейная культура в обществе в целом и в юридической сфере в частности также негативно сказывается на жизни и деятельности российской семьи и ее членов. СК РФ не является основным нормативным правовым актом в сфере российской семьи. Как известно, в семье закладываются основы жизнедеятельности человека: развитие, образование, здоровье, социализация, ответственность, благополучие, взаимная забота. Однако семейно-правовое сопровождение данных начал даже в целом отсутствует в СК РФ.

Таким образом, «слепота», иные недостатки СК РФ, отстраненность от реальной семейно-правовой действительности и нерассчитанность на будущее привели его к полной неготовности сопровождать осуществление национальных проектов, утвержденных Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», которые касаются семьи, человеческого капитала, экономического роста, комфортной среды для жизни. Эффективное правовое сопровождение данных мероприятий объективно необходимо и в данном случае не обойтись без

¹О разделе совместно нажитого имущества, взыскании компенсации: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 81-КГ19-2. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

совершенствования семейного законодательства РФ, в первую очередь СК РФ и семейного законодательства субъектов РФ. Именно СК РФ должен сопровождать увеличение и рост положительного человеческого капитала, как индивидуального, так и национального.

Вместе с тем прежде чем определиться с направлениями реформирования СК РФ следовало бы четко обозначить в рамках государственной семейной политики основные начала семейных отношений: 1) укрепление семьи или свобода брачного союза; 2) семейные или гражданско-правовые начала; 3) ювенальные принципы или равенство участников семейных отношений; 4) личная, частная и семейная жизнь, их соотношение и основы; 5) самостоятельность члена семьи и/или самостоятельность самой семьи; 6) признаваемые государством формы семейных отношений и фактически сложившиеся формы; 7) интерес личный и/или интерес семейный; 8) основы семьи и/или основы бизнеса.

Надо полагать, что для этого необходимо провести референдум – всенародное голосование с учетом важности вопросов семейной жизни. Представляется, что некоторые тенденции реформирования семейного законодательства должны состоять в следующем. В частности, в СК РФ и семейном законодательстве субъектов РФ необходимо предусмотреть общие и специальные положения.

Общие положения. Раздел 1 дополнить:

- гл. 1.1. Субъекты семейных отношений. Правой статус;
- гл. 1.2. Объекты семейных отношений, их правовой режим;
- гл. 1.3. Основания возникновения, изменения и прекращения семейных отношений (юридические факты в семейном праве);
- гл. 1.4. Семейные ценности и семейная культура;
- ст. 1 дополнить: продолжение рода, благополучие семьи и членов, право справедливости, устранить противоречия в принципах ныне действующих;
- ст. 2.1. Формы семейных отношений и их основы;
- ст. 6.1. Обычай в семейном праве; источники семейного права;
- ст. 6.2. Нормы нравственности и семейные отношения;
- ст. 6.3. Законные представители и иные лица, органы, участвующие в осуществлении, охране и защите прав ребенка

(родители; лица, их заменяющие; иные лица: органы опеки и попечительства и т.д.).

При этом следует максимально минимизировать применение гражданского законодательства. Целесообразно учитывать такие позиции:

– субъекты семейных отношений – семья; члены семьи; лица, желающие стать членами семьи; бывшие члены семьи; органы государственной власти; органы местного самоуправления;

– правовой статус должен включать в себя положения о семейной правоспособности, семейной дееспособности (полной, неполной), в том числе ребенка-сироты, ребенка-инвалида, ребенка-матери/отца, ребенка-супруга, ребенка, родившегося с применением вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), анонимного донорства, посмертной репродукции, недееспособных и ограниченных в дееспособности лиц;

– объекты семейных прав – вещи, имущественные права, имущественные обязанности, алименты, нематериальные блага (любовь, уважение, взаимное согласие, понимание и др.), результаты интеллектуальной деятельности, цифровых и иных технологий, информация о семье, личной жизни и т.д.;

– правовой режим отдельно для имущества с учетом цифровых и информационных технологий, нематериальных благ, результатов творческой деятельности, информации (личной, семейной) и т.д.;

– юридические факты – брак, брачный договор, материнство, отцовство, договор о принятии ребенка на воспитание, решение суда о расторжении брака и т.д.;

– семейные ценности и семейная культура – равенство субъектов, взаимная любовь, уважение, забота, ответственность; просветительская деятельность о семье, основы семейной жизни, продолжение жизни, справедливость и доброта в семейных отношениях;

– социальные регуляторы – нормы права, нормы нравственности, обычаи, традиции, международные нормы, признанные РФ, и международные договоры РФ. Обычаи – добрачные (сватовство), брачные (верность), родительские (чувства привязанности, отношение добра).

Специальные положения:

– семейные отношения, основанные на браке.

Раздел 2, главу 3 дополнить:

- 1) положениями о добрачных процедурах;
- 2) ст. 13 СК РФ «Брачный возраст» дополнить абзацем 3 следующего содержания: «Снижение брачного возраста возможно лишь на основании заключения медико-социальной экспертизы о способности ребенка быть супругом»;
- 3) дополнить ст.15.1 СК РФ «Запреты и ограничения брачных прав»: лица, вступающие в брак, обязаны уведомить друг друга о своем правовом статусе и состоянии здоровья (в России запрещаются однополые и полигамные браки, а фактические брачные отношения подлежат регистрации в органах местного самоуправления);
- 4) дополнить раздел 2 СК РФ гл.3.1 «Родство и свойство в семейном праве»:
 - прямые и боковые линии родства, свойство и его виды.
- 4) гл. 4 «Прекращение брака»:
 - п. 1 ст. 22 СК РФ дополнить абзацем 2 следующего содержания: «Основаниями для расторжения брака в суде и свидетельством невозможности сохранения семьи являются злоупотребление супружескими правами, неисполнение супружеских обязанностей без уважительных причин, длительный, не менее 3 лет фактический распад семьи, супружеская неверность»;
 - п. 2 ст. 22 СК РФ дополнить абзацем 3 следующего содержания: «Суд вправе отказать в удовлетворении иска о расторжении брака в целях сохранения семьи при наличии для этого достаточных оснований»;
 - ст. 19 СК РФ дополнить п.2.1 следующего содержания: «В случае смены пола органы ЗАГС расторгают брак по собственной инициативе, незамедлительно после внесения изменений в акты гражданского состояния о смене пола»;
 - главы 7 и 8 СК РФ дополнить положениями о результатах информационных и цифровых технологий, в том числе имущественного результата 3Д-станка, интернет-вещи; изменениями в сфере имущественных отношений в семье с учетом цифровых и информационных технологий:
 - имущество супругов – гл. 7–8 (режим);
 - родителей и детей – ст. 60;
 - алименты – гл.13–15 (безусловный характер, условный характер); члены семьи (родственники, свойственники);
 - семейные отношения, основанные на происхождении: полная и неполная семья. Многодетная семья. Многопоколенная

семья. Материнство, отцовство. Происхождение детей с применением ВРТ, посмертной репродукции, анонимного донорства;

– гл. 10 в ст. 52 СК РФ – уточнить понятие «фактические родители»;

– гл. 11. Права несовершеннолетних детей дополнить:

– п. 1 ст. 54 СК РФ со словами «с момента сформирования эмбриона»;

– ст. 54.1 СК РФ – интеллектуальное, психическое, физическое развитие ребенка;

– ст. 54.2 СК РФ – право ребенка на образование (основное общее, среднее общее, среднее специальное, высшее);

– ст. 54.3 СК РФ – право ребенка здоровье и на медицинскую помощь;

– ст. 54.4 СК РФ – право ребенка на юридическую помощь;

– ст. 54.5 СК РФ – государственное страхование жизни и здоровья ребенка;

– ст. 54.6 СК РФ – забота государства об образовании, воспитании, здоровье ребенка, страхование его жизни и деятельности;

– в гл.12ст.63 п.1 второе предложение уточнить: физическое, психическое, нравственное и интеллектуальное развитие;

– дополнить ст. 75 СК РФ: и лишены родительских прав;

– ст. 58 СК РФ дополнить п.б: «Если согласие между родителями по поводу имени ребенка не состоялось, то органы опеки и попечительства вправе определить имя ребенку»;

– дополнить п. 2 ст.77 СК РФ абзацами следующего содержания: «Виновное поведение усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей, патронатных воспитателей, создавшее непосредственную угрозу жизни или здоровью ребенка, влечет отмену усыновления, прекращение опеки, попечительства, приемной семьи. Виновное поведение иных лиц, создавших непосредственную угрозу жизни или здоровью ребенка, влечет установленную законом РФ ответственность, в том числе выселение из жилого помещения»;

– абзац 2 п. 1 ст.77 СК РФ следует дополнить следующим предложением: «До издания акта об отобрании ребенка органы опеки и попечительства при необходимости вправе получить заключение соответствующих специалистов о непосредственной

угрозе жизни или здоровью ребенка, созданной поведением родителей (лиц, их заменяющих), иных виновных лиц»;

– дополнить ст.77 СК РФ п.3 следующего содержания: «С момента отобрания ребенка и до устройства его в семью орган опеки и попечительства является законным представителем ребенка»;

– дополнить ст.77 СК РФ п.4 следующего содержания: «Отобрание ребенка производится лишь в случае, когда не имеется возможности применения мер к родителям, иным виновным лицам, состоящим в изоляции от ребенка»;

– дополнить п.2 ст.77 СК РФ после слов «...уведомить прокурора...» словами «...Уполномоченного по правам ребенка в субъектах РФ...»;

– дополнить ст.77 СК РФ п.5 следующего содержания: «временное устройство ребенка возможно лишь в случаях, исключающих передачу его другим родителям, близким родственникам»;

– слова «...в течение 7 дней...» в первом предложении абзаца 2 ст.77 СК РФ заменить словами «...в течение месяца...».

Важно преодолеть и не допустить причины, влекущие опасность для ребенка:

– своевременно обнаруживать трудные жизненные ситуации;

– оказывать эффективную и своевременную помощь семье;

– запретить продажу долей, когда на приобретаемую долю не приходится изолированное жилое помещение (ст.16 Жилищного кодекса РФ);

– немедленно предоставлять жилое помещение при наличии заболеваний, согласно Перечню тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание в одной квартире (приказ Минздрава России от 29 ноября 2012 г. № 987н «Об утверждении перечня тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире»).

Необходимо предусмотреть ответственность органов опеки и попечительства за несвоевременную или неэффективную помощь ребенку, оказавшемуся в опасной для его жизни или здоровья ситуации.

Следовало бы предусмотреть правила о взаимодействии медицинских организаций, органов опеки и попечительства, органов ЗАГС, Уполномоченного по правам ребенка, психологов,

иных специалистов при рождении ребенка ребенком и/или одинокой женщиной. Необходимо учитывать следующие положения:

– гл.14 СК РФ. Минимальный размер алиментов. Обязанность государства выплачивать пособия при уклонении родителей от содержания детей;

– дополнить ст. 71.1 СК РФ – ответственность за вред, причиненный ребенку;

– ст. 73 СК РФ – убрать слова «без виновного поведения» как основание.

Целесообразно внести изменения еще в ряд положений:

1) семейные отношения, основанные на принятии детей на воспитание:

– четко определить органы государственной власти, участвующие в семейных отношениях;

– взаимодействие органов государственной власти, органов местного самоуправления, участвующих в семейных отношениях;

– формы устройства (полномочия органов опеки и попечительства);

– досудебные процедуры.

2) семейные отношения с иностранным элементом:

– унификация законодательства;

– присоединение к важнейшим Международным и Европейским конвенциям по вопросам семьи.

Все эти изменения будут способствовать благополучию россиян, семьи, продолжению жизни, установлению нравственных начал семейной жизни.

Библиографический список

1. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. – 2018. – №5. – С. 4–6.

2. Беспалов Ю.Ф. Семья как социальная ценность: социально-правовой аспект // Образование, наука, научные кадры. – 2018. – № 3. – С. 55–57.

3. Беспалов Ю.Ф. Некоторые проблемы применения семейного законодательства в части государственной охраны и защиты ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью и пути их решения // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 4. – С. 4–7.

4. *Крашенинников П.В.* Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. – 2017. – № 1. – С. 3–7.

5. *Нечаева А.М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт, 2007. – 279 с.

6. *Нечаева А.М.* К вопросу о совершенствовании Семейного кодекса РФ // Российская юстиция. – 2017. – № 4. – С. 16–18.

Т. В. Дерюгина

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
гражданского и трудового
права, гражданского процесса
Московского университета МВД
России
имени В. Я. Кикотя
sofija96@mail.ru

С. Р. Дерюгина

магистрант 2 курса
института права
Волгоградского
государственного университета
sofiaderugina3764@mail.ru

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА
ДОГОВОРА РАЙДШЕРИНГА (КАРПУЛИНГА)**

**LEGAL NATURE OF A
RIDESHARING AGREEMENT (CARPOOLING)**

Развитие цифровых технологий обуславливает появление новых экономических отношений, что в свою очередь является предпосылкой для возникновения не существующих ранее договорных конструкций. Отсутствие адекватного правового регулирования порождает проблемы практического применения. В статье рассматривается один из непоименованных договоров гражданского права – договор райдшеринга (карпулинга), его правовая природа. Сделаны выводы относительно момента заключения договора и, как следствие, признания договора реальным/консенсуальным. Охарактеризованы особенности возмездного договора райдшеринга и конституирующие признаки договора, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий для его заключения и целью договора. Обоснована двойственность цели возникающих отношений. Указано, что отсутствие извлечения прибыли является ключевой особенностью, позволяющей разграничить договор райдшеринга и злоупотребление правом в форме обхода закона. Установлено наличие в отношениях райдшеринга двух договоров: оказания услуг и собственно райдшеринга. Проведен сравнительный анализ договора райдшеринга, договора перевозки пассажиров, договора перевозки пассажиров таксомоторным транспортом, договора фрахтования, а также выявлены признаки сходства и различия указанных договорных конструкций. Сформулированы существенные условия договора райдшеринга.

Ключевые слова: райдшеринг; карпулинг; договор перевозки; договор фрахтования; договор перевозки таксомоторным транспортом; правовая природа договора; существенные условия договора; электронный агрегатор; лицо, управляющее транспортным средством; попутчики.

The development of digital technology leads to the emergence of new economic relations, which in turn is a prerequisite for the emergence of previously non-existent contractual structures. The lack of adequate legal regulation raises practical application problems. The article deals with one of the unnamed civil law treaties - the contract of rendering (carpulling), its legal nature. Conclusions are made concerning the moment of conclusion of a contract and, as a consequence, recognition of the contract as real/consensual. The peculiarities of a payback contract of a rating and constitutional features of the contract related to the use of information and communication technologies for its conclusion and the purpose of the contract are described. The dual purpose of the arising relations is justified. It is specified that the lack of profit making is a key feature that makes it possible to distinguish between a rating contract and abuse of law in the form of bypassing the law. It is established that there are two agreements in the rating relations: rendering of services and the rating itself. A comparative analysis of a rating agreement, a contract of transportation of passengers, a contract of transportation of passengers by taxi, a contract of chartering was carried out, and also signs of similarity and distinction of the specified contractual constructions were revealed. The essential terms and conditions of the rating agreement were formulated.

Keywords: raiding; carpulling; contract of carriage; chartering contract; contract of carriage by taxi; legal nature of the contract; essential terms and conditions of the contract; electronic aggregator; person driving the vehicle; companions.

Изменение общественных отношений, связанное с интенсивным развитием информационных технологий, требует своевременной реакции права на трансформирующиеся связи¹. Отношения, урегулированные нормами современного права, приобретают иной окрас в связи с внедрением цифровых систем, и их правовая характеристика становится неоднозначной с позиции новой экономической ситуации. С развитием электронных систем и информационных технологий, упрощающих жизнь общества, появляются новые объекты, возникают не существующие ранее общественные отношения, требующие создания адекватно отражающих их

¹ См.: Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. – 2019. – № 1(37). – С. 14.

правовых норм¹. Одними из таких отношений, связанных с перемещением пассажиров в заранее определенном направлении, являются отношения райдшеринга (карпулинга).

В последнее время райдшеринг приобретает всю большую популярность в России и дает возможность путешествовать с наименьшими затратами. Определение его правовой дефиниции позволит регулировать рассматриваемые отношения, эффективно применяя связанные законодательные акты, регламентирующие смежные отношения перевозки.

Законодательство содержит понятия «перевозка», «фрахтование», «заказ таксомоторного транспорта», «регулярные перевозки». Однако, исходя из сущности данных категорий, лишь отчасти они могут характеризовать райдшеринг. Данный институт не нашел закрепления в российском праве, но активно используется на практике, что порождает ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных проблем, связанных в первую очередь с определением правовой природы возникающих договорных отношений. Отсутствие законодательного закрепления райдшеринга детерминирует произвольное установление сторонами либо агрегатором правил совместных поездок, не обеспечивая надлежащим образом прав потребителей услуг.

Под райдшерингом в цивилистической науке понимают осуществление несколькими физическими лицами (попутчиками) совместной деятельности по эксплуатации транспортного средства с целью передвижения в одном направлении, где поиск контрагентов (попутчиков) осуществляется с помощью использования цифрового информационного агрегатора². Анализируя правовую природу райдшеринга, можно предположить, что договорная конструкция перевозки вполне применима к возникающим отношениям. Однако дальнейший анализ правовых норм в совокупности с научным пониманием и судебной практикой выявляет существенные отличия договора перевозки и райдшеринга.

Райдшеринг представляет собой размещение физическим лицом на специализированной онлайн-платформе предложения

¹ См.: Казаченок О. П. Цифровые права в современном гражданском обороте: тенденции и перспективы развития // *Хозяйство и право*. – 2019. – № 11 (514). – С. 39–40.

² См.: Бибновская Т. А. Райдшеринг как объект правового регулирования // *Транспортное право*. – 2017. – № 4. – С. 11.

(оферты) о поиске попутчиков. Агрегатор предоставляет возможность установления связи с физическими лицами, желающими осуществить поездку в том же направлении, что и оферент. Данная оферта может быть публичной или непубличной в зависимости от решения оферента (водителя): он может отказать в перевозке пассажиру при условии указания на данную возможность на сайте агрегатора. Таким образом, в отличие от договора перевозки, где сущность оферты заключается в предложении осуществить доставку лица в пункт назначения¹, цель оферты райдшеринга – поиск попутчиков, следующих в одном направлении. Этой целью обусловлены и экономические различия сделок. В возмездной перевозке оферент извлекает определенную имущественную выгоду (плату за проезд), а в райдшеринге оферент, напротив, избегает определенных затрат.

Стоит учитывать, что осуществление райдшеринга невозможно без использования онлайн-сервиса. Физическое лицо, имеющее намерение воспользоваться цифровым сервисом по поиску попутчиков, вступает в договорные отношения по оказанию информационных услуг с агрегатором данного сервиса. Анализ возникающих отношений позволяет констатировать, что агрегатор не выступает стороной договора райдшеринга. Однако нельзя не отметить, что агрегатор является лицом, опосредующим отношения между оферентом и попутчиками, субъектом, кооперирующим контрагентов между собой. Данное обстоятельство отличает райдшеринг от «автостопа» или «попутки», не имеющих между субъектами отношений посредника в виде электронного агрегатора. Следовательно, наличие электронного информационного посредника – существенный признак для квалификации возникающих договорных отношений как райдшеринга.

Помимо этого, наличие договора оказания информационных услуг между электронным агрегатором и лицами, осуществляющими поиск попутчиков, необходимо считать неотъемлемой частью отношений райдшеринга. Следовательно, можно сделать вывод о том, что правовая конструкция правоотношений райдшеринга состоит из двух

¹ См: Гражданское право: учебник. В 4 т. Часть вторая. Т. 3/ отв. ред. Т. В. Дерюгина, Е. Ю. Маликов. – Волгоград: Волгоградский гуманитарный институт; М.: Зерцало-М, 2018. – С. 134.

взаимосвязанных договоров: оказания информационных услуг и райдшеринга (совместная поездка).

В качестве предмета договора райдшеринга выступает совершение совместных действий, направленных на достижение определенного результата (передвижения в одном направлении). В отличие от договора перевозки, где предметом служит обязательство перевозчика перед пассажиром, связанное с его перемещением в пункт назначения (ст. 786 Гражданского кодекса РФ ¹), в договоре райдшеринга каждая из участвующих сторон несет обязательства, связанные с конечной целью – прибытием в пункт назначения. Отсюда можно заключить, что цели обязательства перевозки пассажира и райдшеринга идентичны – перемещение в пункт назначения, но при этом предметы договорных соглашений – разные. Следует заметить, что цель райдшеринга имеет двойственную природу. Предметом договора райдшеринга является совокупность действий, направленных на достижение конечной цели. По сути, речь идет о тех же действиях, что и в договоре перевозки (предоставлении автотранспортного средства и услуг по управлению им, технической эксплуатации автомобиля, приобретении топлива). Но в договоре перевозки все эти действия входят в обязательство перевозчика, тогда как в райдшеринге они распределяются между попутчиками пропорционально либо с учетом их соглашения в ином порядке.

Обратим внимание еще на один существенный момент, позволяющий разграничить договор перевозки пассажира и договор райдшеринга. У лица, управляющего транспортным средством, по договору перевозки отсутствует цель попасть в пункт назначения, его цель – доставить туда пассажиров, а в райдшеринге эту цель преследуют все попутчики, включая лицо, управляющее транспортным средством. При этом попутчики присоединяются к маршруту поездки, установленному водителем, в достижении которого последний заинтересован равным образом, как и попутчики. Однако в свете того, что договор не имеет легального определения, в некоторых договорах

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 18.03.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 5, ст. 410.

райдшеринга указанная цель у лица, управляющего транспортным средством, может отсутствовать¹.

Помимо предмета, к существенным условиям договора райдшеринга, по нашему мнению, относится цена. Проблема цены напрямую связана с двойственной целью договора райдшеринга. О первой цели (перемещении попутчиков в пункт назначения) нами упомянуто выше. Вторая заключается в экономии денежных средств субъектами договора путем образования суммарного капитала, состоящего из равных (либо неравных) долей, необходимого для покрытия фактических затрат на эксплуатацию транспортного средства в целях перемещения в пункт назначения.

Множество вопросов вызывает и проблема определения момента возникновения договорных отношений в райдшеринге. Так, если считать данный договор консенсуальным, то момент его заключения определяется достижением соглашения по условиям договора посредством цифровой связи между владельцем (водителем) автотранспортного средства и попутчиком (пассажиром)². После размещения лицом, управляющим транспортным средством, на информационном сервисе агрегатора в публичном доступе оферты акцептант принимает ее условия посредством направления «онлайн-запроса» на бронирование места в автомобиле. В момент достижения согласия между сторонами агрегатор направляет контактные данные сторонам, что, на первый взгляд, следует считать моментом заключения договора и что подтверждает его консенсуальность.

Однако в случае отказа одной из сторон от договора юридическая ответственность не наступает. Правовые последствия не возникают ни при отказе от обязательства предполагаемым перевозчиком, ни попутчиками. Из этого следует, что договор предполагается реальным. Реальный договор райдшеринга считается заключенным с момента совместного начала движения сторонами по заранее обозначенному маршруту, где согласие на вступление в отношения райдшеринга

¹ См., напр.: Условия использования // BlaBlaCar. URL: <https://blog.blacar.ru/about-us/terms-and-conditions> (дата обращения: 21.12.2019).

²См.: Дерюгина С. Р. Райдшеринг: проблемы правового регулирования и гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. – 2019. – № 1 (37). – С. 204–206.

выражено конклюдентными действиями со стороны лица, управляющего транспортным средством, и попутчиков.

Представляется, что при легальном закреплении договора райдшеринга по умолчанию он должен предполагаться реальным. Однако норма должна быть сформулирована диспозитивно, что предоставляет возможность сторонам считать его консенсуальным в случаях согласования условий о негативных последствиях при отказе от договора.

В научной литературе существует мнение о том, что по своей правовой природе райдшеринг представляет собой коммерческую перевозку автотранспортом повышенной комфортности (такси) пассажиров на основании публичного договора фрахтования¹. Необходимо отметить, что степень смешения райдшеринга и перевозки пассажиров частным автотранспортным средством (такси) с использованием договора фрахтования велика. И в договоре райдшеринга, и в договоре фрахтования частного транспортного средства владельцы в собственных интересах, добровольно оказывают услугу перевозки по заранее заданному маршруту. Однако при наличии внешнего сходства райдшеринг нельзя приравнивать к перевозке такси. В последнем случае законодатель предусматривает необходимость получения перевозчиком разрешения на осуществление данной деятельности, выдаваемого уполномоченным лицом органа исполнительной власти субъекта РФ², чего не требуется для осуществления райдшеринга.

Райдшеринг не имеет и коммерческой направленности, которая служит предпосылкой для возникновения отношений перевозки таксомоторным транспортом. Этот вывод следует и из анализа положений Федерального закона от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров

¹См.: Затолокин А. А. О государственном контроле за автомобильными поездками, при которых пассажиры компенсируют часть расходов (карпулинг, райдшеринг) // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 3 (41). – С. 91–92.

²См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 21 апреля 2011 г. № 69-ФЗ (в ред. от 14.10.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 17, ст.2010.

метрополитеном»¹ (далее – Федеральный закон от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ).

При осуществлении перевозки пассажиров и багажа в коммерческих целях стоимость поездки формируется из многочисленных факторов, влияющих на образование цены, одним из которых является прибыль. Райдшеринг же предполагает формирование складочной суммы денежных средств, предоставляемых попутчиками, покрывающей реальные расходы владельца автотранспортного средства при осуществлении поездки. В некоторых случаях райдшеринг выступает как безвозмездная сделка. Существенное отличие райдшеринга от других видов договоров перевозки – его цель, которая состоит как в перемещении попутчиков в пункт назначения, включая непосредственного эксплуататора транспортного средства, так и в минимизации расходов на поездку. Таким образом, целью райдшеринга не может служить извлечение прибыли, а сама деятельность не должна относиться к предпринимательской.

Наличие либо отсутствие в качестве ключевого признака извлечения прибыли является решающим фактором при разграничении договора райдшеринга и случаев злоупотребления правом в форме обхода закона. В частности, в судебной практике верно квалифицируются действия лиц, не имеющих специального разрешения и не застраховавших свою ответственность за причинение вреда пассажирам, получающих систематически прибыль от перевозки пассажиров частным транспортом путем поиска попутчиков посредством онлайн-сервиса, не как договор райдшеринга, а как обход закона с противоправной целью².

В связи с изложенным важно обратить внимание и на положения ст. 3 Федерального закона от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ, с учетом которых на физическом лице – водителе транспортного средства, осуществляющем перевозку по договору райдшеринга, не лежит обязанность по страхованию своей

¹Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном: федер. закон от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ (в ред. от 18.12.2018). Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 19 декабря 2017 г. по делу № 33-41539/2017// Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/>(дата обращения: 21.12.2019).

гражданской ответственности за причинение вреда пассажирам, что также существенно отличает договор райдшеринга от договора перевозки в общем и от договора фрахтования в частности.

Итак, отношения райдшеринга носят сложный характер и состоят из двух взаимосвязанных договоров: оказания информационных услуг агрегатором и райдшеринга (совместная поездка).

Райдшеринг следует определять как совместное передвижение с использованием частного транспортного средства по заранее оговоренному маршруту водителя и попутчиков, найденных путем размещения оферты с использованием информационно-коммуникационной сети, где водитель и попутчики объединены общей целью перемещения в пункт назначения и минимизации расходов, направленных на достижение этой цели. Наличие электронного информационного посредника и отсутствие цели извлечения прибыли являются существенными признаками для квалификации возникающих договорных отношений как райдшеринг.

Райдшеринг имеет двойственную цель. Первая, как и в договоре перевозки, связана с перемещением в определенный пункт назначения. При этом у лица, управляющего транспортным средством, по договору перевозки цель – доставить пассажиров в пункт назначения, а в райдшеринге данную цель преследуют все попутчики, включая лицо, управляющее транспортным средством. Вторая цель заключается в экономии денежных средств путем образования суммарного капитала для покрытия фактических затрат на эксплуатацию транспортного средства для перемещения в пункт назначения.

Библиографический список

1. Бубновская Т. А. Райдшеринг как объект правового регулирования // Транспортное право. – 2017. – № 4. – С. 11–17.
2. Гражданское право: учебник. В 4 т. Часть вторая. Т. 3/ отв. ред. Т. В. Дерюгина, Е. Ю. Маликов. – Волгоград: Волгоградский гуманитарный институт; М.: Зерцало-М, 2018. – 608 с.
3. Дерюгина С. Р. Райдшеринг: проблемы правового регулирования и гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. – 2019. – № 1 (37). – С. 204–213.

4. *Затолокин А. А.* О государственном контроле за автомобильными поездками, при которых пассажиры компенсируют часть расходов (карпулинг, райдшеринг) // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 3 (41). – С. 91–94.

5. *Казаченок О. П.* Цифровые права в современном гражданском обороте: тенденции и перспективы развития // Хозяйство и право. – 2019. – № 11 (514). – С. 39–44.

6. *Камышанский В. П.* О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. – 2019. – № 1(37). – С. 14–18.

Р. М. Дзидзоев
профессор
кафедры конституционного и
муниципального права
Кубанского государственного
университета,
доктор юридических наук,
профессор
drm@law.kubsu.ru



ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОЛЖНОСТИ ГЛАВЫ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FORMATION OF THE POSITION OF THE HEAD OF THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION: ELECTIONS OR APPOINTMENT

В статье рассматривается круг вопросов, посвященных формированию должности высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации (РФ), в контексте требований российского федерализма и базовых принципов избирательного права. Дана критическая оценка действующего российского законодательства в части порядка формирования должности главы субъекта РФ в его исторической эволюции, выявлены коллизии отдельных законодательных формулировок. Сделан вывод о том, что принцип выборности высшего должностного лица субъекта РФ на практике не выдерживается, подменяясь его назначением, производимым федеральным центром, что сказывается на степени самостоятельности главы субъекта РФ перед федеральным центром. Автором статьи формулируются предложения по усилению выборности руководителей субъектов РФ как условия подлинного федерализма, в том числе отмена косвенных губернаторских выборов, отказ от Единого дня голосования в России, подрывающего установленную законом легислатуру выборных должностных лиц. При этом учитывается зарубежный конституционный опыт в аспекте самоорганизации государственной власти субъектов федерации.

Ключевые слова: выборы; избирательное право; федерализм; Президент России; органы исполнительной власти; глава субъекта Российской Федерации (РФ); досрочная отставка главы субъекта РФ; Единый день голосования; электорат; легислатура.

The article discusses the range of issues devoted to the formation of the post of the highest official (head of the highest executive body of state power) of the subject of the Russian Federation (RF), in the context of the requirements of Russian federalism and the basic principles of electoral law. A critical assessment of the current Russian legislation in terms of the order of formation of the post of head of the subject of the Russian Federation in its historical evolution is given, conflicts of individual legislative formulations are revealed. The conclusion was made that the principle of electing the highest official of the constituent entity of the Russian Federation is not maintained in practice, replacing his appointment by that of the federal centre, which affects the degree of independence of the head of the constituent entity of the Russian Federation before the federal centre. The author of the article formulates proposals to strengthen the election of the heads of the constituent entities of the Russian Federation as a condition of genuine federalism, including the abolition of indirect gubernatorial elections, the abolition of the Single Voting Day in Russia, which undermines the statutory legitimacy of elected officials. At the same time, foreign constitutional experience in the aspect of the self-organization of state power in the constituent entities of the Federation is taken into account.

Keywords: elections; electoral law; federalism; the President of Russia; the executive authorities; the head of a constituent entity of the Russian Federation (RF); early resignation of the head of a constituent entity of the Russian Federation; United Voting Day; the electorate; the legislature.

Призвание к должности главы субъекта Российской Федерации: законодательный механизм

Глава субъекта Российской Федерации, иначе именуемый высшим должностным лицом субъекта РФ (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ), является лицом выборным, избираемым дееспособным населением субъекта РФ.

Глава субъекта РФ, согласно Федеральному закону от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹, избирается гражданами России, проживающими на

¹ Далее – Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ.

территории данного субъекта РФ, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании (ч.3 ст. 18).

Кандидаты на должность высшего должностного лица субъекта РФ выдвигаются политическими партиями. В то же время законом субъекта РФ может предусматриваться выдвижение кандидатов на указанную должность в порядке *самовыдвижения*. Проблема, однако, состоит в том, что субъекты РФ за редким исключением законодательно не предусматривают института самовыдвижения, предназначенного для независимых кандидатов. Выдвижение кандидатов на должность главы субъекта РФ требует предварительной электоральной поддержки: выдвижение должны поддержать от 5 до 10 процентов депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований субъекта РФ (муниципальный фильтр).

Эта норма явно контрастирует статье 12 Конституции России, устанавливающей, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, что, естественно, предполагает их неучастие в формировании государственных органов. Учитывая фактическую зависимость глав местного самоуправления от руководителей регионов, ставленниками которых они нередко являются, трудно рассчитывать на их подписи в поддержку самовыдвиженцев. Последние поставлены в неравные условия и ввиду того, что, в отличие от партийных кандидатов, им еще необходимо собрать подписи избирателей в количестве, установленном законом субъекта РФ. Таким образом, законодательное требование о равных выборах не выдерживается, поскольку кандидаты на должность главы субъекта РФ поставлены в предвыборные условия.

Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ наряду с прямыми допускает косвенные выборы главы субъекта РФ, то есть его избрание законодательными (представительными) органами субъектов Федерации, если это предусматривается конституциями и уставами самих субъектов. Косвенные выборы закрепляются основными законами только некоторых субъектов РФ, преимущественно северокавказских республик.

Уместно, с нашей точки зрения, привести позицию Конституционного Суда РФ, который первоначально признал косвенные губернаторские выборы неконституционными,

отметив в постановлении от 18 января 1996 г., что при избрании губернатора законодательным органом субъекта РФ этот законодательный орган превращается в своеобразную избирательную коллегию, решение которой подменяет прямое волеизъявление избирателей, что не соответствует Конституции РФ и действующему законодательству. Избранный в таком порядке глава субъекта Федерации не может считаться легитимным независимым представителем исполнительной власти, поскольку ни законодательная, ни исполнительная власть не вправе определять одна для другой ее представителя¹.

Тем не менее прямые губернаторские выборы в декабре 2004 г. были заменены на косвенные со ссылкой на террористическую угрозу, согласно Федеральному закону от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в редакции от 11 декабря 2004 г.) гражданин России наделялся полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ по представлению Президента России, который предлагал региональному парламенту одну кандидатуру.

Новый формат призвания к должности главы субъекта Федерации нельзя было назвать даже косвенными выборами, так как региональному парламенту предлагалась единственная кандидатура, не имевшая альтернативы. Закон поэтому избегал названия «выборы», хотя формула «наделение полномочиями» выглядела нелепой, поскольку полномочиями в собственном смысле высшее должностное лицо субъекта Федерации наделяется законом².

Как справедливо отмечала И.И. Конкина относительно подобного формата призвания к должности руководителя субъекта РФ, круг субъектов, имеющих право представлять кандидатуры на должность главы субъекта Федерации, включает только одно лицо – Президента России. Ни политические партии, ни иные выборные органы или должностные лица, ни тем более граждане таким правом не наделяются. Следовательно, выбор

¹ По делу о проверке конституционности ряда положений устава (основного закона) Алтайского края: постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 1996 г. № 2-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 4, ст. 409.

² Дзидзоев Р. М. К вопросу о выборах глав субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 10. – С. 42.

кандидата полностью зависит от воли Президента РФ, а значит, понятие «источник власти» сужается до одного лица¹.

Новую модель замещения должности главы субъекта Федерации нередко именовали назначением, осуществляемым главой государства, в чем не было большого преувеличения, поскольку Президенту было дано право распускать законодательный орган субъекта РФ при двукратном отклонении его кандидатур, лишавшее региональный парламент реального выбора. По этому поводу А. Бланкенагель указывал, что предложение Президента законодательному органу субъекта РФ о кандидатуре высшего должностного лица подкрепляется аргументом, «способным убедить любого» – возможностью роспуска законодательного органа. Он писал: «Очевидно, что такое предложение просто невозможно отклонить!»².

Вопреки прежнему решению, новый режим призвания к должности главы субъекта Федерации получил поддержку Конституционного Суда РФ, который в решении от 21 декабря 2005 г.³ признал конституционным избрание главы субъекта РФ законодательным (представительным) органом субъекта, хотя Конституционный Суд РФ оценивает текущее законодательство, прежде всего, с позиций Конституции, которая к моменту вынесения Судом противоположного решения несколько не изменилась.

Конечно, парламентский способ избрания государственного руководителя широко представлен в странах парламентарного типа, вполне демократичных. В Италии, например, президент избирается на совместном заседании палат итальянского парламента. Но дело в том, что в парламентарных странах глава государства лишен реальной власти, принадлежащей премьер-министру, по указанию которого президент исполняет свои

¹ Конкина И. И. Новый механизм приведения к власти глав субъектов Российской Федерации: проблемы и сомнения // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 3. – С. 24–25.

² Бланкенагель А. Сколько централизма выдержит федеративное государство? // Сравнительное конституционное обозрение. – 2006. – № 2. – С. 153.

³ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 3, ст. 336.

полномочия. Другое дело – субъекты РФ, форма правления которых ближе к президентской, коль скоро глава субъекта Федерации является одновременно руководителем высшего органа исполнительной власти субъекта, то есть возглавляет исполнительную власть в регионе, что свойственно президентскому правлению. Глава субъекта РФ признан высшим должностным лицом субъекта РФ, прямое избрание которого предполагается его реальным местом в государственном механизме.

Порядок формирования должности главы субъекта Федерации в рассматриваемый период был крайне бюрократическим: кандидатов на эту должность Президенту РФ предлагал руководитель президентской администрации по выбору полномочных представителей Президента в федеральных округах. В Послании главы государства Федеральному Собранию 2008 г. в контексте мер по дальнейшему повышению уровня и качества народного представительства во власти Президент РФ предложил, чтобы кандидаты на должность главы субъекта Федерации представлялись Президенту партиями, набравшими наибольшее число голосов на региональных выборах.

Партийное участие в формировании должности главы субъекта РФ формально повышало степень ее публичности. В то же время схема принципиально не менялась, поскольку окончательное слово по-прежнему принадлежало федеральному Президенту, который был вправе пренебречь партийными кандидатурами и предложить региональному парламенту кандидата, не прошедшего партийного выдвижения. В своем Послании Федеральному Собранию РФ 2011 г. Президент РФ предложил вернуться к выборам руководителей субъектов РФ прямым голосованием жителей регионов. 2 мая 2012 г. соответствующие изменения внесены в Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ.

Участие Президента РФ в избрании главы субъекта Федерации сохранилось. Согласно действующей редакции Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ Президент России вносит в региональный парламент для избрания на должность высшего должностного лица субъекта РФ три кандидатуры по предложениям политических партий, списки кандидатов которых допущены к распределению депутатских мандатов в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта РФ.

Каждая политическая партия, имеющая право вносить предложения о кандидатурах на должность высшего должностного лица субъекта РФ, предлагает Президенту России не более трех кандидатур, имеющих право быть избранными на должность главы субъекта РФ. Президент РФ не позднее чем за 20 дней до дня голосования по избранию высшего должностного лица субъекта РФ из предложенных ему кандидатур представляет трех кандидатов для избрания на должность высшего должностного лица субъекта РФ в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Федерации.

При этом позиция Президента РФ в избрании главы субъекта Федерации оказывается решающей: региональный парламент из трех кандидатов, представленных Президентом РФ, неизменно выбирает того, кто пользуется поддержкой главы государства, которая может подтверждаться принадлежностью кандидата к партии «Единая Россия», по праву называемой партией власти, или в том случае, если Президент назначает его временно исполняющим обязанности главы субъекта Федерации. Иные кандидаты оказываются заведомыми аутсайдерами, получая минимальную поддержку региональных парламентариев. Как отмечается в литературе, на нынешнем этапе, который берет начало в 2000 г., произошла полная дестатизация субъектов РФ, сопровождавшаяся, в частности, отменой (2005) и восстановлением (2012) выборности глав субъектов, но с фактическим переводом этой категории государственных должностей, относящейся к субфедеральному уровню, в кадровую номенклатуру Президента РФ¹.

Практика формирования должности главы субъекта Российской Федерации: основные проблемы

Проблема, однако, состоит в том, что выборы руководителя субъекта РФ (как прямые, так и косвенные) на практике обходятся путем досрочной отставки главы субъекта до окончания срока избрания, равного пяти годам. Эта практика в последние годы получила всеобщий характер: главы субъектов РФ

¹ Ким Ю.А. О целеполагающих началах, паллиативах и фикциях в конституционном регулировании // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 6. – С. 8.

за малым исключением до окончания срока своих полномочий подают в отставку, принимаемую Президентом страны.

Приведем некоторые данные. 8 сентября 2019 г. в Единый день голосования посредством всеобщих выборов избраны следующие руководители субъектов РФ: губернатор Астраханской области И.Ю. Бабушкин, губернатор Сахалинской области В.И. Лимаренко, губернатор Курганской области В.М. Шумков, глава администрации Липецкой области И.Г. Артамонов, губернатор Санкт-Петербурга А.Д. Беглов, губернатор Забайкальского края А.М. Осипов, губернатор Курской области Р.В. Старовойт, глава Республики Башкортостан Р.Ф. Хабиров, губернатор Челябинской области А.А. Текслер, глава Республики Алтай О.А. Хорохордин, глава Республики Калмыкия Б.С. Хасиков, губернатор Оренбургской области Д.В. Паслер, губернатор Мурманской области А.В. Чибис, губернатор Ставропольского края В.В. Владимиров, губернатор Волгоградской области А.И. Бочаров, губернатор Вологодской области О.А. Кувшинников.

При этом большинство названных глав субъектов Федерации избраны в связи с досрочной отставкой их предшественников, хотя до окончания срока полномочий некоторых из них оставался продолжительный период. Так, полномочия главы Сахалинской области истекали в 2020 г., а главы Забайкальского края – в 2021 г. В этом сказывается явное пренебрежение законодательно установленной legislaturой высших должностных лиц субъектов РФ, а также интересами электората, избирающего руководителя субъекта Федерации на конкретный срок. Напрашивается вывод о том, что отставка глав названных субъектов Федерации не была фактически добровольной, а диктовалась федеральным центром, заинтересованным в обновлении губернаторского корпуса.

Наличие Единого дня голосования, под который «подгоняется» срок полномочий глав субъектов Федерации, не представляется оправданным и деформирует установленные сроки legislaturы избираемых должностных лиц, противоречит их выборной природе. При наличии Единого дня голосования лицо, назначенное Президентом в качестве исполняющего обязанности главы субъекта Федерации, теоретически может пробыть в этой должности практически год (минус один день). Так, И.Г. Артамонов был назначен временным исполняющим обязанности главы администрации Липецкой области 2 октября

2018 г., а избран только 8 сентября 2019 г., то есть спустя почти год с момента назначения.

Но ведь должность главы субъекта РФ является по своей природе выборной, что требует ее незамедлительного замещения посредством новых выборов. Конечно, срок legislatures и срок исполнения полномочий должностных лиц могут не совпадать ввиду разных причин, но это расхождение не может составлять много месяцев, кроме случаев, когда выборы по тем или иным причинам не состоялись.

Установление Единого дня голосования не может оправдываться соображениями удобства или финансовой экономии. В недалеком прошлом страна обходилась без Единого дня голосования, что бюджеты всех уровней вполне выдерживали. В Единый день голосования, 8 сентября 2019 г., парламентским способом избран глава Республики Ингушетия А.М.М. Калиматов – ставленник Президента РФ, назначенный им до этого временно исполняющим обязанности главы республики, которому другие кандидаты конкуренцию не составили. При голосовании Калиматов получил 27 голосов депутатов из 31, то есть 87 %, в то время как на долю его двух конкурентов выпало, соответственно, 13 %. Подобные выборы по существу безальтернативны, что противоречит духу свободных выборов.

Изложенное выше позволяет сформулировать вывод о том, что избрание глав субъектов Федерации включает в себя элементы назначения, поскольку выборы неизменно выигрывают кандидаты, обладающие федеральной поддержкой. Но подобная схема замещения должности руководителя субъекта федерации противоречит природе федерализма, основанного на самоорганизации государственной власти субъектов федерации, в том числе органов исполнительной власти. Как справедливо отмечал С.С. Собянин, зарубежный опыт показывает, что в федеративных государствах органы исполнительной власти субъекта федерации, как правило, формируются субъектами самостоятельно¹.

При существующем режиме формирования должности главы субъекта РФ, в котором федеральный центр играет решающую роль, самостоятельность субъектов федерации как

¹ Собянин С. С. Высшие органы исполнительной власти в субъектах Российской Федерации в условиях административной реформы // Журнал российского права. – 2006. – № 10. – С. 5.

условие подлинного федерализма подвергается существенным испытаниям, не адекватным современным потребностям российского федерализма, требующим либерализации федеративных отношений.

Библиографический список

1. *Дзидзоев Р. К.* вопросу о выборах глав субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 10. – С. 42–44.
2. *Бланкенагель А.* Сколько централизма выдержит федеративное государство? // Сравнительное конституционное обозрение. – 2006. – № 2. – С. 153–159.
3. *Ким Ю.* О целеполагающих началах, паллиативах и фикциях в конституционном регулировании // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 6. – С. 3–11.
4. *Конкина И.* Новый механизм приведения к власти глав субъектов Российской Федерации: проблемы и сомнения // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 3. – С. 23–26.
5. *Собянин С.С.* Высшие органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в условиях административной реформы // Журнал российского права. – 2006. – № 10. – С. 3–17.
6. *Хабриева Т.* Новые законопроекты о порядке формирования Государственной Думы и органов исполнительной власти субъектов РФ // Журнал российского права. – 2004. – № 11. – С. 3–10.

В. П. Камышанский
заведующий кафедрой
гражданского права
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
директор АНО
«Научно-исследовательский
институт актуальных проблем
современного права»,
доктор юридических наук,
профессор
vpkam@rambler.ru



ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ

THE CONCEPT AND CONTENT OF THE RIGHT TO HOUSING

Право на жилище является одним из важнейших социальных прав и занимает особое место в содержании правового статуса человека. Высокая социальная значимость права на жилище и существующие правовые проблемы реализации этого права на практике определяют постоянный интерес к исследованиям в сфере жилищного права. Специфика проявляется в том, что для осуществления права на жилище необходима реализация большого количества различных правовых норм, в которых конкретизируются содержание данного права, порядок и условия его использования, иные аспекты. Эти нормы обеспечивают баланс публичных и частных интересов, создают препятствия для возможностей злоупотребления правом, гарантируются принудительной силой государства в случае их нарушения. Такое право представляет собой комплексный межотраслевой правовой институт, основой которого на постсоветском пространстве выступают положения Конституций стран бывших союзных республик. Сочетание частной инициативы и государственной поддержки в решении жилищной проблемы при гармонизации публичных и частных интересов должны стать стратегическими направлениями решения жилищной проблемы.

Ключевые слова: право на жилище; жилищное законодательство; государственно-частное партнерство; Евразийский экономический союз (ЕАЭС); неприкосновенность жилища; правовой институт; субъективное право; жилищные правоотношения; осуществление права; баланс публичных и частных интересов.

The right to housing is one of the most important social rights and occupies a special place in the content of the legal status of a person. The high social significance of the right to housing and the existing legal problems of its realization in practice determine the constant interest in research in the field of housing law. The specific nature of the right to housing is manifested in the fact that the realization of the right to housing requires the implementation of a large number of different legal norms, which specify the content of the right, the procedure and conditions for its use, and other aspects. These norms ensure a balance between public and private interests, create obstacles to the abuse of the right and are guaranteed by coercion of the State in case of their violation. Such law is a complex inter-sectoral legal institution based on the provisions of the Constitutions of the countries of the former Soviet Union republics. The combination of private initiative and State support in solving the housing problem, while harmonizing public and private interests, should become strategic directions for solving the housing problem.

Keywords: right to housing; housing law; public-private partnership; Eurasian Economic Union (EEAU); inviolability of housing; legal institution; subjective law; housing law; implementation of the right; balance between public and private interests.

Правовая природа и содержание права граждан на жилище является предметом изучения как для ученых, так и для практиков ввиду актуальности вопроса. В поле зрения ученых попадают понятие и правовая природа права на жилище¹, жилищное законодательство и его сравнительно-правовой анализ², лучшие зарубежные практики и исследования³. В Казахстане вопрос о праве на жилище был актуализирован в связи с представлением Алатауского районного суда города Алматы № 7575-19-5-21/13437 от 18 декабря 2019 г. о признании неконституционным подпункта 8 ст. 107 Закона Республики Казахстан от 16 апреля 1997 г. «О жилищных отношениях» в Конституционный Совет Республики Казахстан⁴. До сих пор остаются неисследованными некоторые

¹Скрипко В. Р. Конституционное право граждан Российской Федерации на жилище // Государство и право. – 2002. – № 12. – С. 31–33.

²Титов А. А. Конституционные и законодательные основы права граждан на жилище // Жилищное право. – 2001. – № 3. – С. 3–6.

³Сергеев А. Г. Конституционное право на жилище. Теоретико-правовой аспект // Юридический мир. – 2009. – № 10. – С. 22.

⁴Районный суд Алматы обратился в Конституционный Совет РК // Zakon.kz. 2019. 25 декабря. URL: <https://www.zakon.kz/5000387-rayonnyu-sud-almaty-obratilsya-v.html> (дата обращения: 20.01.2020).

дискуссионные вопросы, что накладывает отпечаток на состояние жилищного законодательства стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС)¹.

Среди ученых-юристов нет единого мнения о сущности и содержании права граждан на жилище². Ряд ученых считают, что данное право является одним из составляющих общего социального права, которое направлено на обеспечение и защиту потребностей и интересов человека³. По их мнению, положения Конституции и других международных правовых актов, содержащих нормы о правах человека, служат основой правового статуса индивида, что, в свою очередь, означает признание этими авторами права на жилище как основного права человека. Например, В. Н. Литовкин называет данное право «сущностным, фундаментальным»⁴. Осуществление конституционных положений о праве на жилище в разных странах зависит от политических, экономических возможностей граждан и государства, степени развитости национального законодательства и даже национальных традиций, обычаев.

Если существует закрепленное в законе право, то должна быть и соответствующая этому праву обязанность. Такая обязанность в первую очередь возлагается на государство: оно создает необходимые условия для осуществления права на жилище. Государство и граждане состоят в правоотношениях, то есть между ними постоянно существует правовая связь, наполненная взаимными субъективными правами и обязанностями. Жилищные правоотношения и право на жилище обладают специфическими свойствами⁵. Их специфика

¹ Пчелинцева Л. М. Проблемы исследования природы и содержания конституционного права на жилище // Конституционное и муниципальное право. – 2004. – № 2. – С. 11.

² Богданов Е. В. Природа и сущность права граждан на жилище // Журнал российского права. – 2003. – № 4. – С. 22.

³ Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. – М.: НОРМА; ИНФРА-М, 1999. – С. 339;

Теория государства и права: учебник для вузов / под общей ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: НОРМА, 2002. – С. 542;

Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М.: НОРМА, 2004. – С. 222.

⁴ Комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. Л. А. Окуньков. – М.: Бек, 1996. – С. 127.

⁵ Богданов Е. В. Природа и сущность права граждан на жилище // Журнал российского права. – 2003. – № 4. – С. 23–25.

проявляется в том, что для осуществления права на жилище необходима реализация большого количества различных правовых норм, в которых конкретизируются содержание данного права, порядок и условия его использования, иные аспекты. Эти нормы обеспечивают баланс публичных и частных интересов, создают препятствия для возможностей злоупотребления правом, гарантируются принудительной силой государства в случае их нарушения.

В юридической литературе находит отражение мнение, согласно которому право на жилище выступает в качестве одного из институтов государственно-правового механизма. Оно обладает многоаспектным характером, неотчуждаемо и принадлежит гражданам от рождения, поскольку является основным конституционным правом граждан¹. С этим сложно не согласиться. Анализ сущностных признаков права на жилище позволяет сделать вывод о том, что данное право представляет собой комплексный межотраслевой правовой институт, основой которого на постсоветском пространстве выступают положения Конституций стран бывших союзных республик. Этот вывод подтверждается в исследованиях известных зарубежных ученых-юристов. Например, исследуя содержание права на жилище, И.А. Фаршатов в своей работе «Жилищное законодательство. Практика применения, теоретические вопросы» пишет о том, что заложенная в некоторых Конституциях фраза «каждый имеет право на жилище» не должна пониматься как гарантия государства по обеспечению всех и каждого жильем помещением. Более правильно, по его мнению, трактовать такую норму Конституции, как возможность беспрепятственного пользования жилищем, его неприкосновенность².

В частности, такая норма закреплена в Конституции Российской Федерации, Конституции Республики Беларусь, Конституции Кыргызской Республики, Конституции Республики Таджикистан, Конституции Украины. А в Конституции Азербайджана право на жилище обеспечивается ст. 43, которая гласит: «Никто не может быть незаконно лишен жилища». В этом случае положения Конституции можно трактовать как

¹ Седугин П. И. Жилищное право: учебник. – М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2000. – С. 14–17.

² Фаршатов И. А. Жилищное законодательство. Практика применения, теоретические вопросы. – М.: Инфра-М, 2001. – С. 11.

обеспечивающие международно-правовые нормы прав человека на достаточное жилище, в том числе защиту от принудительных выселений, произвольного разрушения и уничтожения дома человека¹.

Другие авторы, исследуя содержание права на жилище, включают в это понятие следующие правовые возможности: неприкосновенность, постоянство использования жилого помещения, возможность приобретения иного жилища для улучшения жилищных условий².

Известный исследователь проблем жилищного права П.И. Седугин, рассматривая право на жилище как комплексный межотраслевой институт, считал, что его содержание раскрывается через реализацию таких правовых возможностей, как стабильное использование занимаемого жилого помещения, возможность улучшения жилищных условий, обеспечение для проживающих здоровой среды обитания, неприкосновенность жилища, недопущение произвольного лишения жилья³.

Проблема определения сущностной природы и содержания дефиниции «право на жилище» продолжает вызывать широкие дискуссии в научной среде с учетом особой социальной значимости для человека этого жизненно важного субъективного права. Л.М. Пчелинцева категорию «право на жилище» считает многоаспектной. Право на жилище может быть элементом правоспособности, составной частью правового статуса гражданина, субъективным конституционным правом граждан, государственно-правовым институтом⁴.

В связи с этим для выяснения содержания категории «право на жилище» необходимо определить, к какому из вышеперечисленных значений оно относится в большей степени. По мнению Е.В. Богданова, право на жилище представляет собой субъективное конституционное право. С учетом этого в

¹ Кусаинова А. К., Нургалиев Б. М., Уалиев Б. М. Актуальные проблемы реализации права на жилище в Республике Азербайджан // Актуальные проблемы современности. – 2016. – № 3 (13). – С. 14–17.

² Скрипко В. Р. Конституционное право граждан Российской Федерации на жилище // Государство и право. – 2002. – № 12. – С. 31–39.

³ Седугин П. И. Жилищное право: учебник. – М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2000. – С. 19–20.

⁴ Пчелинцева Л. М. Проблемы исследования природы и содержания конституционного права на жилище // Конституционное и муниципальное право. – 2004. – № 2. – С. 12.

содержание права на жилище он включает следующие элементы правомочия граждан: право использования жилого помещения, право на получение жилья из государственного жилого фонда, право на приобретение жилых помещений на праве частной собственности на основании гражданско-правовых сделок¹.

А.Ю. Грудцына рассматривает право на жилище как составляющую трех юридических возможностей. Среди них – поддержка государством граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий; постоянное, устойчивое, стабильное пользование жилищем; обеспечение надлежащего состояния жилой среды².

Другой автор считает право на жилище субъективным правом и выделяет в его содержании два элемента: право на пользование жилищем и право на приобретение жилого помещения³. Приобретение права на жилище может происходить из различных оснований⁴. Ими могут быть договор социального найма, договор купли-продажи, договор строительного подряда, договор найма жилого помещения, приватизация, вступление в право наследования и т.п.

Соглашаясь в целом с изложенным выше пониманием содержания субъективного права на жилище, следует отметить, что на практике в процессе реализации права на жилище граждане встречаются с необходимостью применения не только совокупности норм различных отраслей права, но и с необходимостью учитывать собственные финансовые возможности. В условиях спада общественного производства, снижения жизненного уровня граждан Российской Федерации, высокого уровня безработицы существует необходимость законодательного закрепления права на получение в установленном порядке материальной помощи со стороны государства для наиболее нуждающихся и социально незащищенных категорий граждан. Такое право не должно быть пустой декларацией, а предполагать определенное ежегодное

¹ Богданов Е. В. Природа и сущность права граждан на жилище // Журнал российского права. – 2003. – № 4. – С. 22.

² Грудцына А. Ю. Конституционное право граждан на жилище. Неприкосновенность жилища // Адвокат. – 2005. – № 7. – С. 41.

³ Крашенинников П. В. Жилищное право. – М.: Статут, 2000. – С. 11.

⁴ Кусаинова А. К., Нургалиев Б. М. Самовольная постройка как категория гражданского права // Актуальные проблемы современности. – 2016. – № 2 (12). – С. 19–21.

бюджетное финансирование, носящее адресный характер. Помимо реализации возможности прямого бюджетного финансирования на приобретение жилья для малоимущих граждан следует активно привлекать к решению жилищной проблемы различные формы государственно-частного партнерства.

Это мнение поддерживают и другие ученые. Например, Р. А. Герасимов также к специальным гарантиям реализации права на обладание жилищем относит право на получение льгот и субсидий, которые связаны с содержанием жилых помещений¹. Подобный подход основан на том, что в установленных законодательством случаях граждане вправе рассчитывать на оказание помощи со стороны государства, которое берет на себя обязательства создавать необходимые условия для реализации права на жилище.

При определении содержания категории «право на жилище» необходимо учитывать и возникающие у обладателя собственного жилища иные права, например, в отношении общего имущества². Общее имущество в многоквартирных жилых домах предполагает согласованное осуществление правомочий владения и пользования, а также обязанности его содержания в надлежащем состоянии.

Сегодня одновременно происходит накопление эмпирического опыта применения законодательства, регулирующего жилищные отношения, продолжаются научные исследования правовой природы и содержания права на жилище. Это способствует дальнейшему развитию гражданского, жилищного, градостроительного, земельного законодательства. Нельзя отрицать существование проблемы оптимизации содержания права на жилище. Создание среды, комфортной для проживания, является одной из важнейших задач жилищного права. Сочетание частной инициативы и государственного участия в решении жилищной проблемы, гармонизация при этом публичных и частных интересов – важнейшие направления

¹Герасимов Р. А. Конституционное право на жилище и механизм его реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – 25 с.

²Нургалеев Б. М., Уалиев К. С., Кусаинова А. К. Правоотношения участников кондоминиума // Актуальные проблемы современности. – 2016. – № 4 (14). – С. 10–12.

обеспечения права на жилище, гарантированного гражданам Конституцией Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Богданов Е. В.* Природа и сущность права граждан на жилище // Журнал российского права. – 2003. – № 4. – С. 23–26.
2. *Герасимов Р. А.* Конституционное право на жилище и механизм его реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – 25 с.
3. *Грудцына Л. Ю.* Конституционное право граждан на жилище. Неприкосновенность жилища // Адвокат. – 2005. – № 7. – С. 41–46.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. Л. А. Окуньков. – М.: Бек, 1996. – 634 с.
5. *Крашенинников П. В.* Жилищное право. – М.: Статут, 2000. – 237 с.
6. *Кусаинова А. К., Нургалиев Б. М., Уалиев Б. М.* Актуальные проблемы реализации права на жилище в Республике Азербайджан // Актуальные проблемы современности. – 2016. – № 3 (13). – С. 14–18.
7. *Кусаинова А. К., Нургалиев Б. М.* Самовольная постройка как категория гражданского права // Актуальные проблемы современности. – 2016. – № 2 (12). – С. 19–23.
8. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства: учебник для вузов. – М.: НОРМА; ИНФРА-М, 1999. – 539 с.
9. *Нургалиев Б. М., Уалиев К. С., Кусаинова А. К.* Правоотношения участников condominiumа // Актуальные проблемы современности. – 2016. – № 4 (14). – С. 10–14.
10. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М.: НОРМА, 2004. – 832 с.
11. *Пчелинцева Л. М.* Проблемы исследования природы и содержания конституционного права на жилище // Конституционное и муниципальное право. – 2004. – № 2. – С. 11–14.
12. Районный суд Алматы обратился в Конституционный Совет РК // *Zakon.kz*. 2019. 25 декабря. URL: <https://www.zakon.kz/5000387-rayonnyy-sud-almaty-obratilsya-v.html> (дата обращения: 20.01.2020).
13. *Седугин П. И.* Жилищное право: учебник. – М.: НОРМА;

ИНФРА-М, 2000. – 369 с.

14. *Сергеев А. Г.* Конституционное право на жилище. Теоретико-правовой аспект // Юридический мир. – 2009. – № 10. – С. 22–24.

15. *Скрипко В. Р.* Конституционное право граждан Российской Федерации на жилище // Государство и право. – 2002. – № 12. – С. 31–39.

16. Теория государства и права: учебник для вузов / под общей ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: НОРМА, 2002. – 616 с.

17. *Титов А. А.* Конституционные и законодательные основы права граждан на жилище // Жилищное право. – 2001. – № 3. – С. 3–13.

18. *Фаршатов И. А.* Жилищное законодательство. Практика применения, теоретические вопросы. – М.: Инфра-М, 2001. – 272 с.

В. А. Шаронов

аспирант кафедры коммерческого права
Санкт-Петербургского государственного университета
Sharonovvic35@gmail.com

**ВОЗМОЖНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ
ЕДИНСТВЕННОГО «РОСКОШНОГО»
ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ГРАЖДАНИНА-ДОЛЖНИКА
В РАМКАХ ДЕЛА О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ).
ПОИСК БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ**

**THE POSSIBILITY OF SELLING
THE ONLY "LUXURY" RESIDENTIAL PREMISES OF A
DEBTOR CITIZEN IN AN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASE.
BALANCE SHEET SEARCH**

В статье рассмотрены разные теории и подходы к возможности обращения взыскания на единственное жилое помещение должника, не являющееся предметом ипотеки. Охарактеризован такой критерий жилого помещения, как его роскошность. Анализируется возможность обращения взыскания на единственное роскошное жилое помещение должника в рамках дела о его несостоятельности (банкротстве). Предлагаются варианты преодоления исполнительского иммунитета в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника. Автор заключает, что вопрос реализации единственного жилья ввиду своей социальной значимости останется нерешенным до выхода соответствующего федерального закона или внесения поправок в действующее законодательство.

Ключевые слова: банкротство физических лиц; жилое помещение; единственное жилье; роскошное жилое помещение; взыскание жилого помещения; право собственности; обращение взыскания на имущество; изъятие единственного жилья; имущественный иммунитет; злоупотребление правом.

The article discusses different theories and approaches to the possibility of foreclosure on the only residential premises of the debtor, which is not the subject of mortgage. Such criterion of the dwelling space as its luxury is characterized. The possibility of foreclosure on the debtor's only luxurious dwelling space in the framework of insolvency (bankruptcy) proceedings is analyzed. Options for overcoming executive immunity in an insolvency (bankruptcy) case of the debtor are proposed. The author concludes that the issue of selling the only housing, due to its social importance, will remain

unresolved until the relevant federal law is issued or the current legislation is amended.

Keywords: bankruptcy of natural persons; housing; sole housing; luxury housing; foreclosure of housing; title; foreclosure of property; seizure of sole housing; property immunity; abuse of the right.

Право граждан на жилище, установленное Конституцией СССР 1977 г. и нашедшее отражение в современной Конституции Российской Федерации (РФ) – незыблемая основа социальных и экономических прав человека. Каждый гражданин Российской Федерации имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться жилым помещением, и никто не может быть произвольно его лишен. Отечественный правовой режим признает это право как естественное, абсолютное и гарантирует его защиту. Жилище выступает в качестве объекта удовлетворения необходимых для жизни условий гражданина и его семьи. Запрещаются любые действия, препятствующие осуществлению права на жилище.

Жилым помещением признается изолированное помещение, являющееся недвижимым и пригодным для постоянного проживания, отвечающее установленным санитарным, техническим правилам и нормам (п. 2 ст. 15 Жилищного кодекса РФ)¹. Понятие и возможность определения помещения как роскошного законодатель не конкретизирует. Представляется, что в общем понимании роскошным принято считать такое жилое помещение, которое явно превышает разумные потребности в нем как должника, так и членов его семьи.

Попытка конкретизации степени роскошности и возможность преодоления исполнительского иммунитета законодателем выразилась в проекте Федерального закона, разработанного Министерством юстиции РФ в 2016 г., вносящего ряд поправок в Гражданский процессуальный кодекс РФ, Семейный кодекс РФ и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» относительно обращения взыскания на единственное жилое помещение должника². Так, предлагалось

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Рос. газ. – 2005. – 12 января.

²О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве»: проект федер. закона: подготовлен Минюстом России (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30 декабря 2016 г.).

определить два критерия, присваивающих единственному жилому помещению должника статус роскошного:

если площадь помещения в два раза превышает законно установленную норму предоставления площади жилого помещения, установленного в соответствии с законодательством РФ, на гражданина должника и членов его семьи, совместно проживающих с ним в указанном жилом помещении;

если стоимость помещения составляет не менее двукратной стоимости жилого помещения, по размеру соответствующего норме предоставления площади жилого помещения, установленной в соответствии с законом РФ на гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих с ним в жилом помещении, рассчитанной с учетом среднего удельного показателя кадастровой стоимости объектов недвижимости для кадастрового квартала на территории субъекта РФ.

О. Зайцев, консультант Исследовательского центра частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, в представленном на обсуждение в заседании «Банкротного клуба» от 25 марта 2019 г. проекте Федерального закона «Об обращении взыскания на единственное жилое помещение» предложил определять жилье как роскошное, если его стоимость превышает 30 000 000 руб., либо общая площадь которого, разделенная на общее число членов семьи должника (включая самого должника), превышает 30 кв. м.

Роскошь – это процесс избыточного приобретения и потребления экономически полезных благ. Ввиду этого под словом «роскошный» в рамках научной статьи следует понимать жилое помещение, которое существенно превышает стоимость стандартного жилого помещения в том регионе, где оно находится. Диспозитивный характер рассматриваемого понятия не умаляет его права на существование, поскольку указывает на индивидуальность в подходе при определении добросовестности в поведении должника.

Проблема реализации единственного жилого помещения, обладающего исполнительским иммунитетом и по своим объективным характеристикам являющегося роскошным, назрела как в рамках исполнительного производства, так и в делах о несостоятельности физических лиц. Между тем в контексте научной статьи исследуется исключительно институт банкротства.

Показательный случай нашел отражение в деле № А40-67517/2017 о несостоятельности (банкротстве) Фрущака Анатолия Васильевича¹. Между должником и кредитором был заключен договор займа на 13 900 000 руб. с целью приобретения жилого помещения, расположенного по адресу: Московская область, г. Одинцово, ул. Говорова, д. 105, кв. 6. Ввиду неисполнения своих обязательств по договору займа кредитор обратился в Одинцовский городской суд Московской области (делу присвоен номер № 2-8932/10), заочным решением которого от 19 октября 2010 г. с А. В. Фрущака в пользу А. Л. Кузнецова взыскан основной долг и судебные расходы в общей сумме 8 708 535 руб. В отношении А. В. Фрущака 18 января 2011 г. возбуждено исполнительное производство, в ходе которого установлено, что в собственности должника находится жилое помещение, приобретенное на денежные средства, полученные по договору займа. Приставом-исполнителем наложен арест с объявлением запрета постановки на учет (регистрацию). Определением суда общей юрисдикции от 28 июня 2011 г. решение от 19 октября 2010 г. отменено, производство по делу возобновлено. Исполнительное производство прекращено, арест снят.

Впоследствии между должником и его супругой заключено соглашение о разделе общего имущества супругов, согласно которому квартира, оцененная супругами по инвентарной стоимости в 762 350 руб. 40 коп., и имущество в ней перешло в собственность супруги. В дальнейшем данная квартира перешла по договору дарения дочери должника. Однако вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции от 29 апреля 2013 г. по делу № 2-1493/2013 соглашение о разделе имущества супругов и договор дарения спорной квартиры признаны недействительными сделками, применены последствия недействительности сделок: прекращено право собственности супруги и дочери должника на спорную квартиру.

В Арбитражный суд города Москвы 13 апреля 2017 г. поступило заявление А. В. Фрущака о признании его несостоятельным (банкротом). Делу присвоен номер № А40-67517/2017. Решением суда первой инстанции от 22 августа

¹Определение Арбитражного суда города Москвы от 12 апреля 2019 г. по делу № А40-67517/17-12484Б. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

2017 г. А. В. Фрущак признан несостоятельным (банкротом), в отношении него введена процедура реализации имущества. А. В. Фрущак 20 сентября 2017 г. обратился в суд первой инстанции с заявлением об исключении из конкурсной массы имущества, а именно, денежных средств в размере 17 642 руб. ежемесячно (на оплату личных нужд) и жилого помещения, расположенного по адресу: Московская область, г. Одинцово, ул. Говорова, д. 105, кв. 6. В обоснование своих доводов должник указал, что спорная трехэтажная пятикомнатная квартира общей площадью 198 кв. м. является его единственным пригодным для постоянного проживания жильем. Иного имущества, на которое может быть обращено взыскание с целью погашения задолженности перед кредитором, у должника не имеется.

Суды первой, второй и кассационной инстанций, руководствуясь положениями ст. 446 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ, ст. 213.1, пунктами 1 и 2 ст. 213.25 Закона о банкротстве, пришли к единогласному выводу о недопустимости обращения взыскания на спорную квартиру. Определением Верховного Суда РФ от 29 ноября 2018 г. определение суда первой инстанции от 20 февраля 2018 г., постановление суда апелляционной инстанции от 11 мая 2018 г. и постановление суда кассационной инстанции от 1 августа 2018 г. по делу № А40-67517/2017 отменены. Обособленный спор направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Суд надзорной инстанции указал, что в обособленном споре единственный кредитор должника неоднократно ссылался на злоупотребление правом со стороны должника, направленное на исключение из конкурсной массы единственного ликвидного актива – квартиры, рыночная стоимость которой составляет 28 000 000 руб.; что арбитражные суды присвоили спорной квартире статус единственного жилья в отсутствие каких-либо пояснений; суды не опровергли доводы кредитора о том, что подача в суд должником заявления о собственном банкротстве преследовала единственную цель – обход вступивших в законную силу судебных решений¹. При новом рассмотрении, выслушав участников процесса, исследовав представленные доказательства, суд первой инстанции пришел к выводу о том,

¹Определение Верховного Суда РФ от 29 ноября 2018 г. № 305-ЭС18-15724 по делу № А40-67517/2017. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

что в данном случае положения п. 3 ст. 213.25 Закона о банкротстве и ст. 446 ГПК РФ не применяются, заявление А. В. Фрущака об исключении из конкурсной массы жилого помещения оставил без удовлетворения¹.

Приведенный пример свидетельствует о том, что процедура несостоятельности по своей сути не несет цели списания долгов несостоятельного гражданина. Восстановление экономического статуса, социальная реабилитация допустимы лишь с соблюдением баланса интересов и, если возможно, при удовлетворении всех без исключения (в случае недостаточности имущества – без предпочтения) требований кредиторов. Генеральная идея процедуры несостоятельности (банкротства) – добросовестность. К тому же добросовестность как должника, так и его кредиторов. Из двух процедур несостоятельности (банкротства) физических лиц реализация имущества гражданина предпочтительна среди наиболее экономически незащищенных слоев населения. Кроме того, поскольку в процедуре банкротства оказываются финансово несостоятельные лица, зачастую жилое помещение (в случае отсутствия у них статуса залогового и такого, на которое распространяется исполнительский иммунитет) является их единственным крупным активом, позволяющим удовлетворить требования кредиторов.

При таких обстоятельствах вопрос о добросовестном поведении должника при наличии у него просроченных обязательств перед кредиторами, особенно в том случае, если реализацией жилого помещения могут быть удовлетворены все их требования, стоит остро. Еще более сложен вопрос о возможности сохранения за единственным жилым помещением должника исполнительского иммунитета в случае его недобросовестности.

В доктрине встречаются четыре модели рассматриваемого правоотношения²:

¹Никишина Ю. Поставлена точка в деле об исключении из конкурсной массы гражданина-должника Анатолия Фрущака его пятикомнатной квартиры // Закон.ру. 2019. 8 апреля. URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/8/postavlena_tochka_v_dele_ob_isklyuchenii_iz_konkursnoj_massy_grazhdanina-dolzhnika_anatoliya_fruscha (дата обращения: 29.07.2019).

²Обращение взыскания по исполнительным документам на единственное жилое помещение в современном международном и зарубежном праве и судебной практике конституционного контроля // Зарубежная практика конституционного контроля. Конституционный Суд РФ. – 2012. – Вып. 189. – С. 7–9.

отсутствие законного регулирования обращения взыскания на единственное жилое помещение должника (например, Англия, Италия, Украина);

запрет на обращение взыскания на единственное жилое помещение (например, Швеция, Беларусь, Туркменистан);

установление возможности обращения взыскания на жилое помещение должника с предоставлением взамен иного жилого помещения (например, Австрия, Бельгия, Германия);

допустимость обращения взыскания на единственное жилое помещение (например, Португалия, Болгария, Узбекистан).

Изложенное выше свидетельствует о том, что наиболее развитые правовые режимы не только не поддерживают возможность обращения взыскания на единственное жилое помещение должника, но и полностью отказываются признавать возможность его реализации как факт, не регулируя спорный институт. В России в отношении единственного для гражданина-должника жилого помещения установлен исполнительский иммунитет.

Так, согласно п. 39 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», при рассмотрении дел о банкротстве граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, суды должны учитывать необходимость обеспечения справедливого баланса между имущественными интересами кредиторов и личными правами должника (в том числе его правами на достойную жизнь и достоинство личности). Согласно п. 3 ст. 213.25 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» из конкурсной массы исключается имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством.

С учетом ч. 1 ст. 446 ГПК РФ взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением, если оно является предметом ипотеки и на него, согласно законодательству об ипотеке, может быть обращено взыскание.

Абсолютный исполнительский иммунитет защищает право гражданина и членов его семьи на достойное существование. Между тем подобная формулировка ст. 446 ГПК РФ может быть использована должником в целях сокрытия имущества и нарушения принципа баланса интересов, особенно, если единственное жилье будет иметь признак «роскошности». Современный правовой режим не может согласиться с ситуацией, когда гражданин способен приобрести роскошное жилое помещение на деньги кредиторов и обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании себя несостоятельным (банкротом) в целях освобождения от дальнейшего исполнения обязательств.

Вопрос о допустимости обращения взыскания на жилое помещение, явно превышающее разумные потребности человека, решен в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова». Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, установленный положением абзаца 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ имущественный (исполнительский) иммунитет в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения (его частей) является абсолютным.

Между тем для федерального законодателя не исключена возможность конкретизации положения абзаца 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ в части, касающейся размеров жилого помещения, на которое может быть обращено взыскание по исполнительным документам. Тем самым становится очевидным, что данное законоположение нуждается в корректировке, поскольку в правоприменительной практике, исходящей из его буквального толкования, не во всех жизненных ситуациях может быть обеспечен надлежащий баланс законных интересов кредитора (взыскателя) и гражданина-должника. Конституционный Суд РФ указал, что абзац 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ не содержит ориентиров для определения уровня обеспеченности жильем как разумно достаточного, что в настоящее время в условиях развивающегося рынка жилья и изменения структуры жилищного фонда может привести к несоразмерному и не подкрепленному конституционно значимой целью ограничению прав кредиторов в их имущественных отношениях с гражданами-должниками, а

следовательно, нарушить баланс конституционно защищаемых интересов. Распространение на подобные жилые помещения безусловного имущественного (исполнительского) иммунитета означало бы не столько стремление защищать конституционное право гражданина должника и членов его семьи на жилище, сколько соблюдение исключительных имущественных интересов должника в ущерб интересам взыскателя. Следовательно, приоритет имущественных интересов гражданина-должника, в собственности которого находится жилое помещение, по своим характеристикам позволяющее удовлетворить требования кредитора (взыскателя), связанные с надлежащим исполнением вступившего в законную силу судебного решения, без ущерба для нормального существования гражданина-должника и членов его семьи, для реализации ими своих социально-экономических прав, представлял бы собой необоснованное и несоразмерное ограничение прав кредитора (взыскателя).

По всей вероятности, современная судебная практика давно готова к преодолению исполнительского иммунитета в отношении единственного жилого помещения недобросовестного должника в случае его явного злоупотребления правом. Но, возможно, законодатель сознательно не определяет степень «роскошности» жилья, поскольку лишь этот шаг может повернуть судебную практику в сторону обращения взыскания на жилые помещения и у добросовестных граждан, тем более что вопрос о надлежащем поведении банкрота решается судом на этапе завершения процедуры, а не на этапе ее открытия. Кроме того, текущий правовой режим предусматривает возможности и неосвобождения должника от дальнейшего исполнения обязательств, что в конечном итоге через определенный срок приводит к удовлетворению требований кредиторов.

Представители научного сообщества, поддерживающие идею обращения взыскания на единственное роскошное жилье, предложили свои варианты решения этой проблемы:

- раздел жилого помещения в натуре и обращение взыскания на его часть¹;
- отчуждение единственного жилого помещения с выплатой части денежных средств для покупки недвижимости должнику¹;

¹ Дёмкина А., Мушудова В. М. кызы. Пределы имущественного иммунитета // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 30. – С. 3.

– отчуждение единственного жилого помещения гражданина с предоставлением взамен менее роскошного жилого помещения².

Реализация единственного жилого помещения, пусть и соответствующего признакам роскошности, без предоставления должнику какого-либо шанса на получение иного помещения – наиболее бесперспективный вариант указанного механизма, поскольку не отвечает ни экономической, ни социальной целесообразности. Подобный подход может затрагивать или в крайней степени нарушать права и законные интересы иных лиц: членов семьи должника, в частности детей, которые не обязаны нести бремя обязательств несостоятельных родителей. Вместе с тем такой подход будет не только противоречить балансу интересов кредиторов и должника, но и балансу интересов должника и социума, поскольку значительно усложнит реабилитацию гражданина как самостоятельную финансовую единицу, что косвенно приведет к наложению обязанностей социальных служб по оплате долгов гражданина перед его кредиторами.

Поиск возможностей удовлетворения требований кредиторов за счет имущества должника, попадающего под абсолютный исполнительский иммунитет, привел к идее дробления единоличного права собственности с образованием права общей собственности помимо воли носителя права в целях обращения взыскания на вновь образованную долю³. Таким образом, должника, равно как и членов его семьи, не лишают жилого помещения, а забирают только часть (излишки), исходя из расчета социальных норм. Правовое обоснование подобной идеи следует из смысла ст. 446 ГПК РФ, согласно которой взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем

¹ Гальперин М. А. Обращение взыскания на единственное жилое помещение должника-гражданина: существует ли нормативное решение? // Закон. – 2013. – № 10. – С. 111–119.

² Амелин А. В. О законодательном регулировании института банкротства граждан в РФ: проблемы реализации и предложения по повышению эффективности // Вестник арбитражной практики. – 2018. – № 5. – С. 25–30.

³ Блинова А. А. Проблемы соблюдения баланса интересов должника и кредитора при обращении взыскания на единственное жилье // Вестник исполнительного производства. – 2019. – № 3. – С. 37–40.

помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания. Очевидно, упомянутая в статье часть жилого помещения определяется как объект (комната(ы), дробление права на доли не имеется в виду, поскольку доля – это часть права, а не часть вещи (в данном случае квартиры). Между тем среди указанных вариантов обращения взыскания на единственное жилое помещение наиболее сомнительной, по нашему мнению, является именно эта идея.

Во-первых, превращение квартиры в коммунальную ведет к снижению ее стоимости, а значит, к уменьшению стоимости единственного ликвидного актива должника. Во-вторых, влияет на интересы соседей должника, поскольку погружает их в общество экономически несостоявшихся лиц. В-третьих, ухудшает социальное положение должника ввиду принуждения его делить свой быт с иными людьми. В-четвертых, порядок принудительного дробления права при обращении взыскания на долю в жилом помещении не определен.

Идея отчуждения единственного жилого помещения с выплатой части денежных средств в целях покупки недвижимости должнику по сравнению с разделом жилого помещения в натуре и обращением взыскания на его часть представляется более реальной. Так, М. А. Гальперин в качестве ключевого элемента реализации единственного жилья выделил необходимость определения минимальной суммы, подлежащей передаче гражданину- должнику после реализации его единственного жилого помещения.

Размер передаваемых денежных средств М. А. Гальперин предложил рассчитывать по математической формуле. Вместе с тем он указал, что передаваемая должнику и членам его семьи денежная сумма для приобретения иного жилого помещения должна быть не менее суммы, равной стоимости жилой площади, рассчитанной на основании нормы предоставления площади жилого помещения, установленной в соответствии с жилищным законодательством РФ (с учетом права на дополнительную жилую площадь на одного человека для всех членов семьи должника, проживающих совместно с ним, согласно рыночной стоимости квадратного метра общей площади жилья по субъектам РФ), подлежащей применению при расчете размеров социальных выплат для категорий граждан, которым указанные социальные выплаты предоставляются на приобретение (строительство) жилых помещений за счет средств федерального бюджета,

утвержденной уполномоченным федеральным органом исполнительной власти и действующей на момент вынесения определения суда об обращении взыскания на имущество. М. Л. Гальперин допускает, что гарантией прав и законных интересов должника может стать норма, предусматривающая определенный срок, в течение которого должник и члены его семьи обязаны покинуть реализуемое жилое помещение.

В соответствии с указанным предложением законодателем не так давно изложена новая редакция абзаца 1 п. 1 ст. 446 ГПК РФ, которая предусматривала возможность отчуждения всего имущества должника и предоставления ему части вырученных средств, достаточных для приобретения иного пригодного для проживания жилого помещения (проект Федерального закона № 175340-6 «О внесении изменений в статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»). Указанный проект Федерального закона 15 ноября 2017 г. отклонен.

На наш взгляд, указанный механизм представляется более реальным, чем предложенный ранее, так как предусматривает, что должник не останется без жилья. Однако реализация этого механизма спорна. Так, вопрос о том, где должник будет проживать с момента, пока его жилье будет реализовываться и до того момента, пока на вырученные средства он сможет подобрать себе новое жилое помещение, остается открытым. Учитывая тот факт, что реализация единственного жилого помещения – это исключительный способ удовлетворить требования кредиторов, при котором у гражданина-должника отсутствуют иные активы, а также заработная плата и накопления, представляется затруднительным разрешение вопроса о поиске жилья на время реализации имущества. Привлекать маневренные фонды невозможно, так как предусмотрен определенный срок предоставления услуги, а реализация жилья может превысить этот срок. Кроме того, существует риск невозможности приобретения жилого помещения, например, в случае резкого повышения цен на рынке недвижимости, в то время как старое жилое помещение, следуя указанному предложению, уже будет реализовано. При переселении в иной район, а не тот, где находится жилое помещение должника, могут быть затронуты интересы членов его семьи. Например, дети должника будут вынуждены поменять свои образовательные учреждения.

Механизм отчуждения единственного жилого помещения гражданина с предоставлением взамен менее роскошного среди

приведенных является наиболее перспективным. Сложность в применении указанного подхода состоит в том, что прежде чем приступить к реализации предыдущего жилого помещения, необходимо приобрести новое, менее роскошное жилье для должника. Статья 446 ГК РФ однозначно устанавливает необходимость нахождения имущества в собственности должника.

Проблему, полагаем, можно решить путем создания специальных «банкротных кредитов» для приобретения жилья. Согласно п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» при применении п. 1 ст. 5 Закона о банкротстве судам следует учитывать, что обязательство возратить денежную сумму, предоставленную по договору займа (ст. 810 ГК РФ) или кредитному договору (ст. 819 ГК РФ), возникает с момента предоставления денежных средств заемщику. Обязательство уплатить денежную сумму, предоставленную должнику в качестве коммерческого кредита в виде отсрочки или рассрочки оплаты товаров, работ и услуг (ст. 823 ГК РФ), возникает с момента исполнения кредитором соответствующей обязанности по передаче товаров, выполнению работ либо оказанию услуг¹.

Квартира, купленная с помощью ипотечных денег и оформленная в залог, сразу переходит в собственность покупателя в полном соответствии с договором купли-продажи. Нельзя не обратить внимание на одну «тонкость»: в новом свидетельстве о праве собственности на недвижимость делается пометка об обременении, то есть о том, что квартира находится в залоге у организации-залогодержателя. Запись о наличии обременения можно будет аннулировать только после того, как заемщик окончательно погасит кредит.

В случае предоставления должнику денежных средств по кредитному договору банк, предоставивший кредит, становится кредитором. Поскольку обязательства должника перед банком возникнут после даты принятия заявления о признании должника банкротом, такие платежи будут являться текущими. Требования кредиторов по текущим платежам не подлежат

¹ О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 63 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – № 9. – С. 132–135.

включению в реестр требований кредиторов и удовлетворяются в преимущественном порядке¹.

Обращение взыскания возможно исключительно в состязательном судебном процессе, в рамках которого должно быть установлено наличие права на спорное жилое помещение; наличие у спорного жилья статуса единственного; наличие у спорного жилья статуса роскошного; добросовестность поведения должника в процедуре несостоятельности; реальное имущественное состояние должника; факт наличия членов семьи должника, совместно проживающих с ним в спорном жилище. Приступить к реализации единственного жилья возможно только после завершения иных мероприятий по формированию и реализации конкурсной массы.

Суд с учетом своей контрольной функции не должен допускать ни получения должником несправедливого преимущества в результате освобождения от долгов, ни приобретения процедурой банкротства карательной функции. Предложение состоит в том, что суд, воспользовавшись идеей промежуточного судебного решения² (промежуточный судебный акт – это решение о праве, но не решение по существу³), признав жилое помещение роскошным, предлагает должнику реализовать его, а в дальнейшем будет учитывать его процессуальное поведение при решении вопроса об освобождении его от исполнения обязательств.

Полагаем, в процедуре реализации имущества должника финансовый управляющий может обратиться в арбитражный суд с ходатайством о разрешении разногласий относительно обращения взыскания на единственное жилое помещение (ст. 60 Закона о банкротстве). Суд, признав такое жилье роскошным (реализовав идею промежуточного судебного решения), предложит должнику реализовать его самостоятельно или при помощи финансового управляющего с обязательным условием о том, что иные кредиторы или арбитражный управляющий на

¹О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 43, ст. 4190.

²Шевченко И. М. О необходимости промежуточных судебных решений в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 4. – С. 30–32.

³Шварц М. З. К вопросу о видах судебных решений // Тенденции развития гражданского процессуального права России: сб. науч. ст. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – С. 377–382.

сумму, изъятую из конкурсной массы, предоставят должнику и членам его семьи жилое помещение, отвечающее всем санитарным и техническим нормам. Описанный выше механизм представляется подобным механизму заключения мирового соглашения (в части п. 6 ст. 213.31 Закона о банкротстве). Однако в данном случае решение о заключении мирового соглашения иницируется в принудительном порядке. Если должник откажется самостоятельно реализовывать жилое помещение, арбитражный суд будет вынужден завершить процедуру реализации имущества.

Хотя п. 7 ст. 213.31 Закона о банкротстве и предусматривает возобновление производства по делу о банкротстве гражданина в связи с нарушением условий мирового соглашения, согласно которому гражданин признается банкротом и в отношении гражданина вводится реализация имущества гражданина, в данном случае такой механизм нецелесообразен ввиду отсутствия иного имущества у должника. Так или иначе арбитражный суд при решении вопроса о завершении процедуры и освобождении гражданина от обязательств будет учитывать процессуальное поведение должника. В случае, если должник отказался реализовывать жилье, суд может не освобождать его от дальнейшего исполнения обязательств.

Резюмируя, отметим, что такой вариант наиболее перспективен, но и наиболее «опасен» ввиду отсутствия прямого законодательного регулирования этого вопроса. Кроме того, суду необходимо применять идею «промежуточного судебного решения», которая также не урегулирована законом.

Вопрос реализации единственного жилья ввиду своей социальной значимости останется нерешенным до выхода соответствующего федерального закона или внесения поправок в действующее законодательство. Судебная система не готова решить этот вопрос на уровне практики, необходим комплексный подход к данной проблеме. Абзац 2 п. 1 ст. 446 ГПК РФ, призванный служить генеральной идее процедуры несостоятельности (банкротства) – добросовестности и соблюдению баланса интересов должника и его кредиторов, в настоящее время не регулирует проблему нахождения в собственности роскошного жилого помещения у несостоятельного должника. Представляется, что ст. 446 ГПК РФ должна устанавливать четкие критерии определения размера жилого помещения, превышение которых позволит иницировать

процедуру обращения взыскания на такое жилье. Без инициирования подобного спора в рамках действующего законодательства обойтись невозможно, так как единственное пригодное для проживания жилое помещение не исключается из конкурсной массы, а считается не вошедшим в нее. Законодателю необходимо определить критерии «роскошности» жилого помещения; установить необходимый порог, при котором единственное жилое помещение будет подлежать реализации; соблюсти баланс интересов должника и членов его семьи при покупке будущего жилья; сформулировать критерии покупки подобных жилых помещений. Кроме того, целесообразно решить вопрос о том, будет ли ограничение имущественного иммунитета распространяться на все неоконченные процедуры несостоятельности или преодоление исполнительского иммунитета станет возможным только по возбужденным после внесения изменений в п. 1 ст. 446 ГПК РФ делам.

Библиографический список

1. Амелин А. В. О законодательном регулировании института банкротства граждан в РФ: проблемы реализации и предложения по повышению эффективности // Вестник арбитражной практики. – 2018. – № 5. – С. 25–36.

2. Блинова А. А. Проблемы соблюдения баланса интересов должника и кредитора при обращении взыскания на единственное жилье // Вестник исполнительного производства. – 2019. – № 3. – С. 37–43.

3. Гальперин М. Л. Обращение взыскания на единственное жилое помещение должника-гражданина: существует ли нормативное решение? // Закон. – 2013. – № 10. – С. 111–124.

4. Дёмкина А., Муршудова В. М. кызы. Пределы имущественного иммунитета // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 30. – С. 1–3.

5. Никишина Ю. Поставлена точка в деле об исключении из конкурсной массы гражданина-должника Анатолия Фрущака его пятикомнатной квартиры // Закон.ру. 2019. 8 апреля. URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/8/postavlena_tochka_v_dele_ob_iskluchanii_iz_konkursnoj_massy_grazhdanina-dolzhnika_anatoliya_fruscha (дата обращения: 29.07.2019).

6. Шварц М. З. К вопросу о видах судебных решений // Тенденции развития гражданского процессуального права

ВОЗМОЖНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ
ЕДИНСТВЕННОГО «РОСКОШНОГО»
ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ГРАЖДАНИНА-ДОЛЖНИКА
В РАМКАХ ДЕЛА О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)
ПОИСК БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ

России: сб. науч. ст. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – С. 377–394.

7. *Шевченко И. М.* О необходимости промежуточных судебных решений в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 4. – С. 30–34.

И. Е. Кабанова

ведущий научный сотрудник
Центра местного самоуправления Института управления
и регионального развития РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук
kabanova-ie@ranepa.ru

**ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ
ИНФРАСТРУКТУРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В «УМНЫХ ГОРОДАХ»
ЧЕРЕЗ МЕХАНИЗМЫ ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОГО
ПАРТНЕРСТВА И РИСКИ ПАРТНЕРОВ¹**

**THE CHALLENGES OF BUILDING PUBLIC
SAFETY INFRASTRUCTURE IN SMART CITIES THROUGH
PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS AND PARTNER RISKS**

В статье анализируются перспективы использования различных механизмов государственно-частного и муниципально-частного партнерства для создания инфраструктуры безопасности в соответствии со стандартом «Умный город». На примере проекта создания «умной» инфраструктуры безопасности дорожного движения в Московской области подробно рассматриваются риски публичного и частного партнеров при разработке и внедрении комплексного объекта обеспечения безопасности дорожного движения. Автором отмечается сложность формирования глобальной инфраструктуры «умного города» в существующих условиях раскоординированности планов по реализации проектов в рамках стандарта «Умный город» и намеченных задач по проекту «Безопасный город».

Ключевые слова: «умный город»; безопасный город; публично-частное партнерство; общественная безопасность; информационные технологии; инфраструктура; концессионное соглашение; концессионер; концедент; риски.

The article analyzes the prospects of using various mechanisms of public-private and municipal-private partnership to create security infrastructure in accordance with the standard "Smart City". By the example of the project of creation of the "smart" road safety infrastructure in the Mos-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00752/19 «Город как территория безопасности: человек, общество, власть».

cow region, the risks of public and private partners in the development and implementation of the complex object of road safety are considered in detail.

Keywords: "smart city; safe city; public-private partnership; public safety; information technology; infrastructure; concession agreement; concessionaire; concedent; risks.

В современном высокотехнологичном мире, в котором цифровизации подвергаются практически все сферы жизнедеятельности, многие города переходят к использованию «умных» технологий для оптимизации инфраструктуры, создания более безопасной городской среды при одновременном расширении спектра государственных и муниципальных услуг, становясь «умными городами». Информационные технологии позволяют городской власти напрямую взаимодействовать с городскими сообществами, управлять городской инфраструктурой, следить за тем, что происходит в городе, прогнозировать городское развитие и выбирать способы улучшения жизни в городе.

Исходя из мирового опыта создания «умных» городов, можно выделить такие направления цифровизации городского хозяйства, как «умный транспорт» (интеллектуальные транспортные системы, «умные» парковки, экологичный общественный электротранспорт, системы оплаты за пользование транспортной инфраструктурой), «умная энергетика» («умные» счетчики энергопотребления, возобновляемая генерация энергии), «умная городская среда» (видеонаблюдение и видеоаналитика, «умное» освещение, управление чрезвычайными ситуациями, социальные сервисы) и т.п. В России развитие «умных» городов происходит в основном за счет создания инфраструктуры общественной безопасности (системы видеонаблюдения, особенно на общественном транспорте) и повышения комфорта городской среды: внедрения бесплатного Wi-Fi-доступа к интернету в зонах отдыха и на улицах, создания «умных» остановок с оповещением о прибытии транспорта, системы «умных» парковок и т.д.

В 2019 г. Минстроем России утверждены «Базовые и дополнительные требования к умным городам (стандарт “Умный город”)». Стандарт включает в себя мероприятия по восьми направлениям. Среди них – городское управление, «умное» ЖКХ, инновации для городской среды, «умный» городской транспорт,

интеллектуальные системы общественной и экологической безопасности, инфраструктура сетей связи, туризм и сервис.

Реализация этого стандарта предполагает широкое использование информационно-телекоммуникационных технологий, инновационных технологических решений, цифровых платформ и других объектов IT-инфраструктуры, для разработки и внедрения которых требуются значительные финансовые вложения. Драйверами развития «умных городов» в России по-прежнему остаются федеральное правительство и региональная администрация. Однако отсутствие достаточного объема бюджетного финансирования приводит к объективной необходимости привлечения частных средств с помощью механизмов публично-частного партнерства, а именно: государственно-частного и муниципально-частного партнерства для создания инфраструктуры «умных городов»¹.

Осуществление государственно-частного партнерства и муниципально-частного партнерства в Российской Федерации (РФ) регулируется нормами Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² (далее – Закон об МЧП), Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»³, а также иными актами федерального и регионального законодательства, муниципальными правовыми актами.

Отсутствие в правовых актах специального регулирования, касающегося возможности заключения соответствующих соглашений в отношении объектов IT-инфраструктуры без их привязки к объектам недвижимого и движимого имущества, существенно влияло на инвестиционную привлекательность такого рода

¹ Обзор практики применения механизмов государственно-частного партнерства для создания инфраструктуры «умных городов» // Автономная некоммерческая организация «Национальный Центр развития государственно-частного партнерства». – М.: АНО «Национальный Центр ГЧП», 2018. – 64 с.

² О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 29 (ч. I), ст. 4350.

³ О концессионных соглашениях: федер. закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 30 (ч. II), ст. 3126.

проектов. Вместе с тем вступил в силу Федеральный закон от 29 июня 2018 г. № 173-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым перечень объектов концессионных соглашений и соглашений о государственно-частном и муниципально-частном партнерстве дополнен объектами ИТ-инфраструктуры. Поэтому в настоящее время создание отдельных подсистем (элементов) «умного города» возможно и через заключение соглашений, в которых объектом будут являться объекты информационных технологий, технические средства обеспечения функционирования, центры обработки данных, иные объекты, составляющие инфраструктуру «умного города», такие как элементы обустройства автомобильных дорог, объекты, предназначенные для освещения территорий городских и сельских поселений, объекты, предназначенные для благоустройства территорий и т.п.

Для успешного развития «Умных городов» необходима эффективная финансовая модель, учитывающая интересы публичных субъектов (субъектов РФ или муниципальных образований) и инвесторов, оптимальным образом распределяющая риски между партнерами. Незаинтересованность частных инвесторов в проектах «умного города» объясняется тем, что зачастую такие вложения не становятся высокодоходными. Более того, в ряде сфер (например, в сфере обеспечения общественной безопасности или в области социальной защиты) внедрение решений в принципе не может считаться инвестицией. Реализация этих проектов не предполагает сбора платы с населения. Расходы на обеспечение общественной безопасности возмещаются с поступающих налогов и сборов. Инвестиции в таком случае могут быть возмещены за счет платежей от концедента, которые в соглашении структурируются как плата концедента. К примеру, сегодня затраты по 25 из 90 проектов в рамках создания инфраструктуры «умных городов» (не только в сфере обеспечения общественной безопасности) обеспечиваются через платежи со стороны публичного партнера (концедента). Исключение составляют проекты по организации парковочного пространства (шесть таких проектов применяют модель прямого сбора платы).

Среди примеров партнерских проектов выделяется проект создания «умной» инфраструктуры безопасности дорожного движения в Московской области, поскольку он не предполагает

бюджетного финансирования и реализуется исключительно за счет средств инвестора, что нетипично для проектов в сфере общественной безопасности. Предметом такого концессионного соглашения, направленного на создание системы контроля безопасности дорожного движения, является реконструкция помещения центра обработки данных, оснащение помещения центра обработки данных оборудованием, строительство сооружений, предназначенных для обеспечения безопасности дорожного движения. В рамках проекта планируется создание центра обработки данных, а также стационарных и передвижных комплексов фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения.

Финансирование проекта предполагает 4 943 000 тыс. руб. частных инвестиций, концессионная плата составляет 1 000 тыс. руб. Сумма выплачивается единовременно в течение 30 календарных дней с даты начала осуществления концессионером деятельности с использованием (эксплуатацией) объекта концессионного соглашения.

Плата концедента рассчитывается ежеквартально и состоит из двух частей:

–основной части, определяемой исходя из стоимости одного постановления об административном правонарушении (233 руб.) и рассчитываемой как количество постановлений на основании сведений, полученных с использованием комплексов фото- и видео фиксации;

–дополнительной части, соответствующей фактическим расходам концессионера на оплату почтовых услуг и почтовую рассылку заказным письмами и иным способом копий постановлений административных правонарушений адресатам.

По условиям соглашения концессионер обязуется за свой счет создать объект концессионного соглашения, застраховать объект концессионного соглашения и переданное ему имущество концедента,

осуществить инвестиционные вложения в модернизацию имущества концедента для обеспечения использования этого имущества по назначению, разработать программное обеспечение, необходимое для осуществления деятельности с использованием объекта концессионного соглашения, осуществить все мероприятия, необходимые для эксплуатации объекта концессионного соглашения, передать концеденту объект концессионного соглашения и имущество концедента в установленном порядке, в

случае предъявления третьими лицами требований к концеденту, осуществить все необходимые действия по урегулированию претензий третьих лиц, уплатить концессионную плату, а также обеспечить исполнение своих обязательств по концессионному соглашению путем предоставления безотзывной банковской гарантии.

Концедент обязуется передать концессионеру временное владение и пользование недвижимое и движимое имущество, входящее в состав объекта концессионного соглашения, совместно с концессионером согласовать с владельцами автомобильных дорог, инфраструктуры порядка и условий установки стационарных комплексов, принять меры, обеспечивающие окупаемость инвестиций концессионера, в случае ухудшения положения концессионера вследствие изменения законодательства, оказывать концессионеру содействие в ходе подготовки, согласования и получения от любых третьих лиц необходимых согласований, определить состав, содержание и сроки разработки проектной документации, обеспечить возможность создания рубежей контроля и установки стационарных комплексов в полосе отвода региональных автомобильных дорог, согласовать технический проект программного обеспечения, представленный концессионером, содействовать в оформлении всех необходимых документов, принять от концессионера объект концессионного соглашения и имущество концедента, выплачивать плату концедента, осуществлять контроль за соблюдением концессионером условий концессионного соглашения, а также возместить расходы концессионера при досрочном прекращении концессионного соглашения.

На стороне концессионера присутствуют риски нарушения сроков подготовки проектной документации, своевременного привлечения финансирования, досрочного прекращения концессионного соглашения, превышения расходов на создание объекта концессионного соглашения и модернизацию имущества концедента, нарушения сроков создания объекта концессионного соглашения или его отдельных этапов, нарушения требований к составу и показателям объекта концессионного соглашения, его гибели, а также риск приостановления деятельности вследствие отсутствия функционирования комплекса фото- и видеофиксации.

К рискам концедента относятся риски несогласования владельцами автомобильных дорог и инфраструктуры установки стационарных комплексов, изменения законодательства и досрочного прекращения концессионного соглашения (общий для обеих сторон соглашения), а также риск просрочки в предоставлении платы концедента.

При создании инфраструктуры нового типа, в том числе объектов, обеспечивающих безопасную городскую среду, следует учитывать и общие риски уязвимости «умных городов», связанные с киберпреступностью, техническими неисправностями в работе информационных технологий и систем¹. Из-за недостатка финансирования мероприятий на обеспечение кибербезопасности «умные города» могут оказаться под угрозой. Поэтому при реализации партнерских соглашений важно распределить между партнерами бремя защиты «умного города» от таких угроз, как кибератаки на критическую инфраструктуру, взлом коммуникаций между устройствами, блокировка систем с помощью программного обеспечения, изменение данных датчиков (например, аварийных систем) с целью вызвать массовую панику, похищение данных, несанкционированный сбор персональных данных.

Запрос на создание «умных городов» обусловлен возможностями, которые открываются перед обществом в условиях технологичной городской инфраструктуры. Однако не следует забывать о рисках и затратах на создание и обеспечение «умной инфраструктуры».

Библиографический список

1. Обзор практики применения механизмов государственно-частного партнерства для создания инфраструктуры «умных городов» // Автономная некоммерческая организация «Национальный Центр развития государственно-частного партнерства». – М.: АНО «Национальный Центр ГЧП», 2018. – 64 с.

2. Стефанова Н.А., Хисрамова Я.Ш. Риски «умных» городов // Карельский научный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 2 (23). – С. 125–126.

¹См.: Стефанова Н.А., Хисрамова Я.Ш. Риски «умных» городов // Карельский научный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 2 (23). – С. 126.

**В. А. Рассказов**

доцент

Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук
rasskasov@mail.ru

**ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ
И РАЗВИТИЕ ТОРГОВОГО ПРАВОСУДИЯ
В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ**

**ORIGINS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF COMMERCIAL JUSTICE IN THE OLD RUSSIAN STATE**

В статье рассмотрены истоки формирования и развития торгового правосудия в Древнерусском государстве. Отмечается, что на начальном этапе русского государства все споры, в том числе в сфере экономических отношений, разрешались общими судами. Вместе с тем показано, что создаются предпосылки для выделения специализированных хозяйственных судов. Появляются новые правовые акты, которые регулируют торговые отношения, в частности вопросы разрешения торговых споров. Так, в первой половине XII в. новгородским князем Всеволодом Мстиславовичем создана Уставная грамота. Этим документом предусматривалось решение возникающих споров между купцами. Такой суд, по мнению автора, можно считать прообразом будущих торговых судов, поскольку о разрешении именно торговых дел шла речь в данном документе. Появление Уставной

грамоты Всеволода Мстиславича свидетельствует о востребованности для купцов большей экономической свободы и справедливого суда, где они могли бы решать спорные вопросы. Кроме того, для разрешения споров, возникавших между немецкими гостями и новгородскими купцами, был создан «смесный» суд, состоящий как из немецких, так и из русских представителей. Не менее важно и то обстоятельство, что создание «смесных» судов продвинули Древнюю Русь на европейский континент с точки зрения развития торговли. Корпоративный купеческий суд разбирает и дела с участием гостей. Появление такого суда обусловлено европейской судебной практикой. Вместе с тем установлено, что в древнерусском праве судебные отношения не достигли такого уровня развития, чтобы выделять экономические отношения в качестве предмета самостоятельного регулирования и чтобы эти отношения на государственном уровне рассматривались в рамках гражданского судопроизводства. Однако очевидна востребованность субъектов торговых отношений в специализированной форме решения торговых споров, о чем свидетельствует развитие элементов третейского суда.

Ключевые слова: Древнерусское государство; гражданское судопроизводство; экономические отношения; правовые акты; Уставная грамота; торговые споры; Русская правда; третейские суды; древнерусское право; европейская судебная практика.

In article sources of formation and development of trade justice in the Old Russian state are considered. It is noted that at the initial stage of the Russian state all disputes, including in the sphere of economic relations, were settled by the general courts. At the same time it is shown that the prerequisites for the allocation of specialized economic courts are being created. New legal acts are appearing that regulate trade relations, in particular the issues of trade disputes resolution. Thus, in the first half of the XII century Novgorod Prince Vsevolod Mstislavovich created a charter. This document provided for the settlement of disputes between merchants. Such a court, in the author's opinion, can be considered a prototype of future commercial courts, since it was this document that dealt with the resolution of commercial cases. The appearance of the Charter of Vsevolod Mstislavich indicates the need for greater economic freedom and a fair court for merchants, where they could resolve disputes. In addition, a "mixed" court consisting of both German and Russian representatives was established to settle disputes arising between German guests and Novgorod merchants. Equally important is the fact that the creation of "mixed" courts moved ancient Russia to the European continent in terms of trade development. The corporate merchant court also dealt with cases involving guests. The appearance of such court is conditioned by the European court practice. At the same time, it was established that in the Old Russian law judicial relations did not reach such a level of development as to distinguish economic relations as a subject of independent regulation and that these relations at the state level were consid-

ered within the framework of civil proceedings. However, the demand of subjects of trade relations in a specialized form of trade disputes resolution is evident, as evidenced by the development of arbitration court elements.

Keywords: The Old Russian state; civil litigation; economic relations; legal acts; the Charter; trade disputes; Russian truth; arbitration courts; Old Russian law; the European judicial practice.

На начальном этапе Древнерусского государства государственно-правовые механизмы находились еще, как известно, в неразвитом состоянии¹. По этой причине в Древней Руси все споры, в том числе в сфере экономических отношений, решались общими судами. Неслучайно Русская Правда в краткой редакции² и пространной редакции³ не определяет пределов судебной власти различных официальных лиц, участвующих в судебном процессе, ни по определенным категориям рассматриваемых дел, ни по другим критериям, равно как не содержит ограничений для волеизъявления княжеской власти.

Н. А. Дювернуа в этой связи отмечает, что без князя нет возможности «умучить» (наказать) смерда. К князю поступают обращения при спорных вопросах о наследственном имуществе. В споре со своим господином закуп может обращаться за «рассуждением» опять же к князю. Получается, что князь являлся настоящим судьей, поскольку он выносил решение (либо давал указание о том, каким должно было быть решение), а все другие представители судебной власти «от него берут свою силу»⁴. Полагаем, что отмеченная Н. А. Дювернуа особенность характерна именно для древнерусского судопроизводства.

¹Рассказов А. П., Упоров И. В. Преемственность монархического, советского и современного права в историческом развитии России // Право России на рубеже тысячелетий: основные тенденции развития: сб. науч. тр. – Краснодар: Краснодар. юрид. ин-т МВД России, 2001. – С. 8.

²Русская Правда. Краткая редакция // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1990. – С. 7–18.

³Русская Правда. Пространная редакция // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1990. – С. 18–44.

⁴ Дювернуа Н. А. Источники права и суд в Древней России. Опыт по истории русского гражданского права. – М.: Унив. тип., 1869. – С. 176.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что экономические и политические отношения находились в непрерывном развитии, и предпосылки для выделения специализированных хозяйственных судов проявлялись все больше и больше. Нормы Русской Правды со временем дополнялись новыми правовыми актами, прежде всего, всевозможными княжескими установлениями. Среди них – правовые акты, регулирующие торговые отношения, в том числе вопросы разрешения торговых споров. Речь идет, в частности, об Уставной грамоте, данной новгородским князем Всеволодом Мстиславичем церкви Иоанна Предтечи купцам одного из района Новгородского княжества в первой половине XII в. (предположительно в 1135 г.; она известна и под названием Рукоположение князя Всеволода Мстиславича)¹. Этим документом предусматривается решение возникающих споров между ними самими купцами. Регламентировался и состав суда². Однако более подробных процессуальных аспектов документ не содержит, хотя обнаружены процессуальные элементы, о которых речь пойдет далее.

Можно предположить с известной долей осторожности, что этот суд и справедливо считать прообразом будущих торговых судов, поскольку о разрешении именно торговых дел говорилось в данном документе. Суждения некоторых авторов о том, что именно тогда в России появились торговые суды³, полагаем, излишне категоричны, поскольку в организационно-правовом плане такие суде еще не выделялись.

В литературе указанное «Рукоположение» упоминается и как суд ивановского купечества в Новгороде. Князь Всеволод Мстиславович основал церковь Святого Иоанна Предтечи в Новгороде, и в приходе этой церкви впоследствии было создано купеческое общество. Указанной грамотой князь предоставил купеческому обществу некоторые самоуправленческие права, в том числе связанные с разрешением дел по торговым делам: «И князь яз Всеволод устроил есми святому Иоанну старосты три от людей житых и от черных людей тысяцкаго, да кроме того два старосты от купцов; им всякие дела управливати Иванская,

¹ Грамота Новгородского князя Всеволода // Русские Достопамятности: сборник. Ч. 1. – М.: Унив. тип., 1815. – С. 78.

² Демченко Г. В. Из истории судоустройства в Древней России. – Варшава: тип. Варшав. учеб. округа, 1909. – С. 22.

³ Суханов Е. А. Развитие и перспективы третейского суда // Третейский суд. – 2000. – № 2. – С. 19–20.

и гостиная, торговая и суд торговый». В историко-правовой литературе дискутируется вопрос о том, с какого времени вошел в оборот термин «житьи люди». Существуют точки зрения о том, что это произошло только в последней трети XIV в. и, соответственно, сторонники данной позиции А. А. Зимин и Ю. А. Алексеев¹ считают, что и издание самой Грамоты следует относить к этому же периоду. Не станем вступать в дискуссию, полагая, что в контексте исследуемой проблематики этот вопрос не имеет принципиального значения.

В Грамоте указано и о том, что посадник Мирослав в эти дела «не вступатца», а кто из купцов желает вступить в Иванское купеческое общество, должен «вложиться в Иванское». Следует заметить, что, согласно Грамоте, такое «вложение» было ощутимым с материальной точки зрения для желающих вступить в купеческое сообщество. Так, «пошлые» (настоящие, исконные) купцы должны были внести вклад в эту гильдию в пятьдесят гривен серебра (около десяти килограммов), при этом половину вклада полагалось передать церкви Святого Иоанна. Кроме того, тысяцкому надлежало передать сукно (без указания количества).

Как видим, торговый суд для Иванского купечества состоял из двух старост – представителей купцов и тысяцкого (представителя житых и черных людей)² и имел смешанный государственно-корпоративный статус. Но при этом, на наш взгляд, очень важным представляется то обстоятельство, что учреждение такого торгового суда обусловлено решением государства – в данном случае государство представлял князь Всеволод Мстиславович. И в этом смысле дальнейшее создание и функционирование третейских судов происходило подобным образом, то есть государство своими законами определяло принципы действия третейского суда³. Заметим, что идея государственно-корпоративного статуса суда в системе

¹ Алексеев Ю. А. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. – 1979. – Т. 103. – С. 242–274; Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. – М.; Л.: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. – С. 358.

² Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2. – М.: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1908. – С. 86.

³ Суханов Е. А. Развитие и перспективы третейского суда // Третейский суд. – 2000. – № 2. – С. 20.

экономического судопроизводства, как нам кажется, заслуживает внимания и современного законодателя.

Интерес представляют некоторые процессуальные элементы, содержащиеся в Уставной грамоте Всеволода Мстиславича. Так, в ст. 8 определяется порядок, который устанавливался для взимания «весчей пошлины» с воска, популярного в ту пору товара. Указывалось, в частности, что взвешивать воск следовало не в служебном помещении храма, а в пристроенном к церкви притворе. Согласно ст. 18 в церкви Святого Иоанна запрещалось хранить товары, предусмотренные для торговли, кроме темьяна и свечей.

Появление Уставной грамоты Всеволода Мстиславича свидетельствует, на наш взгляд, о востребованности для торговых людей, то есть для купцов, которых вполне можно считать субъектами организованной экономической деятельности, большей экономической (предпринимательской) свободы и справедливого суда, где они могли бы решать спорные вопросы, с неизбежностью возникающие в экономической (предпринимательской) деятельности, поскольку в ней всегда сталкиваются интересы разных лиц. И для достижения цели купечество пошло на создание корпоративной организации, что для Древней Руси являлось невиданным и необычным делом, не жалея вносить для этого личные средства.

Полагаем, такая потребность (в специальном торговом суде) была объективной, поскольку альтернативой могли быть конфликты (в том числе, очевидно, с использованием силы), которые не умножали бы капитал коммерсантов, а напротив, уменьшали бы его, в чем вряд ли кто-то был заинтересован. Следовательно, можно утверждать, что экономическая ситуация того времени сформировала истоки этих основных форм судебного разбирательства хозяйственных (торговых) споров¹. Дополним, что с развитием экономических отношений купцов Великого Новгорода с немцами в этом городе купеческое сообщество также создало свою гильдию. Под эгидой корпоративной организации функционировал суд из альдерманов (выборных старейшин от купцов) и заседателей.

¹ Трехсвоякова О. Третейские суды в России: от Дмитрия Донского до наших дней // Третейский суд и земельная реформа: информационный бюллетень. – 1998. – № 3. – С. 31.

Кроме того, для разрешения споров, возникавших между немецкими гостями и новгородскими купцами по договору Новгорода с Ганзою, был учрежден «смесный» суд, состоящий как из немецких, так и из русских представителей¹. Этот институт подробно исследован в историко-правовой литературе, в частности в работе Н. Ланге². В компетенцию суда входили и торговые споры, но только такие из них, которые затрагивали экономические интересы сопредельных княжеств.

Так, около 1398 г. великий князь Василий Дмитриевич заключил с великим князем Тверским Михаилом Александровичем договор, по которому рассмотрение споров должно было осуществляться следующим образом: «меж нас судить обчий суд старейшим людям, и в этом целовать им крест, и чтоб суженного не посужати»³. В дальнейшем, по достижении централизации Русского государства, «смесные» суды стали представлять собой суды для рассмотрения дел спорящихся ведомств⁴. С этой «ведомственной» точки зрения, как будет показано, такого рода учреждения в определенной степени были аналогичны третейским судам, но не корпоративным, а ведомственным. Более того, именно такие суды были нередко единственной формой решения спорных имущественных вопросов⁵. И хотя скудность источников по данной проблематике в анализируемый период не позволяет подробнее исследовать процесс рассмотрения торговых споров, определить правовой статус участников судебного разбирательства, принципы формирования доказательственной базы и т. д., тем не менее с уверенностью можно утверждать, что начало процессу формирования экономического правосудия положено в период Русской Правды.

Не менее важно и то обстоятельство, что принятые решения, связанные с началом торгового судопроизводства, определенным образом продвинули Древнюю Русь на

¹ Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 3. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1879. – С. 215.

² Ланге Н. Древние русские смесные или вобчие суды. – М.: тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1882. – С. 27.

³ Там же.

⁴ Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. – М. Унив. тип., 1859. – С. 159.

⁵ Цыганова Е. М. Проблемы правового регулирования организации и деятельности коммерческих третейских судов в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 1996. – С. 28.

европейский континент с точки зрения развития торговли, учитывая, что корпоративный купеческий суд разбирает и дела с участием гостей. Полагаем, что и появление такого суда в немалой степени обусловлено европейской судебной практикой.

Разумеется, при такой оценке следует принимать во внимание, что новгородская земля, как известно, в экономическом плане была более развита, чем иные феодальные княжества. Поэтому наличие в то время такого рода судов на другой территории страны вряд ли имело место. Имеющиеся памятники права и другие источники не позволяют утвердительно отвечать на возможный вопрос об этом. За исключением, пожалуй, псковской земли, где Всеволод Мстиславович несколько позднее по примеру Новгорода построил собор Святого Иоанна Предтечи (такой выбор объясняется тем, что святой был покровителем рано умершего сына Всеволода), способствовал образованию купеческого сообщества, которое, более того, по степени организованности даже превзошло новгородскую купеческую корпорацию (в этой купеческой гильдии хранился «локоть иванский», используемый для измерения сукна, а также предназначенная для взвешивания драгоценного металла «гривна рублевая» и т. д.)¹. Неслучайно именно в Пскове создана Псковская судная грамота, которая значительно подробнее регулирует судопроизводственные вопросы имущественного характера. К этому документу обратимся позднее.

В любом случае очевидным является то, что фактически какие-то нормы при разрешении споров между субъектами экономической деятельности (вероятно, пока на уровне обычаев и делового оборота) уже формировались, поскольку торговые отношения в Древнерусском государстве развивались активно.

Принятые позднее Псковская судная грамота, Двинская уставная грамота, Новгородская судная грамота и другие акты XII–XV вв. нормативно закрепляли фактически складывавшиеся в тот период хозяйственно-процессуальные отношения. Но не следует переоценивать такого рода правовые документы, поскольку по сравнению, например, с XIX в. они еще примитивны. В частности, в них не выделялся предмет судебного рассмотрения в виде именно торговых (хозяйственных,

¹ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. – СПб.: Петрополис, 2011. – С. 17.

экономических) исков. Соответственно, с большой долей вероятности можно считать, что такие дела подлежали рассмотрению в рамках общего гражданского судопроизводства, то есть на общих основаниях с другими делами. Так, если иметь в виду Двинскую уставную грамоту (конец XIV в.), то регулирование судебных вопросов в ней в целом сходно с нормами Русской Правды. Однако многие из них регламентированы подробнее. Отметим некоторые нюансы.

Например, истец должен был бить челом княжескому наместнику, чтобы тот рассудил его с ответчиком. Если последний, извещенный о дате суда слугой наместника (дворянином) или подвойским (выборным от земщины), не являлся в срок на судебное разбирательство, то он считался проигравшим дело, поскольку, выражаясь современной терминологией, он был извещен надлежащим образом, а истец получал правую бессудную грамоту. Расходы на судебное разбирательство оплачивались в виде различных пошлин: во-первых, наместнику или судье с виновного – от рубля до полтины; во-вторых, подвойскому и дворянину за вызов в суд – размер ее определялся в зависимости от расстояния, которое нужно было преодолеть; в-третьих, наместнику за печать; в-четвертых, дьяку за составление письма (иска, иных судебных грамот). О размерах двух последних пошлин грамота содержала следующее положение: «А от печати дати по три белки наместником, а дьяком дати от письма да судебные грамоты две белки»¹.

В Псковской судебной грамоте (вторая половина XIV в.), вобравшей в себя процессуальные нормы актов, изданных псковскими князьями в разное время², процессуальные вопросы находят более подробное и более совершенное закрепление (но законодатель по-прежнему не выделяет хозяйственные споры в качестве предмета особого процессуального рассмотрения). Так, согласно ст. 93, добавляется пошлина за наложение оков (желез) на скрывающегося ответчика (применение мер принуждения к ответчику в случае его уклонения от суда предусматривалось и ранее). При этом уточняется, что дела по покупкам, наследствам,

¹ Двинская уставная грамота // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. – М., Л.: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. – С. 145.

² Псковская судебная грамота // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1990. – С. 25–39.

займам, наймам, поземельным владениям разбирал суд псковских выборных, а по пригородам – суд пригородских посадников и старост. Указанные и иные нормы Псковской судной грамоты показывают, что проявляются элементы позднейших коммерческих судов. Но как самостоятельный предмет судебного разбирательства торговые споры отдельно еще по-прежнему не регулируются. В Новгородской судной грамоте (вторая половина XV в.) интересующие нас вопросы регулируются аналогично. Можно предположить, что Новгородская судная грамота содержала и другие нормы, регулирующие рассмотрение судебных споров, в том числе в торговой сфере, но, как известно, этот документ дошел до нас не в полном объеме.

Таким образом, в период существования Древнерусского государства, на этапе принятия Русской Правды, нет оснований говорить о наличии в России специализированного хозяйственного (экономического) судопроизводства. Появляются лишь некоторые признаки такого судопроизводства. Между тем потребность в институте судебного разбирательства хозяйственных споров все более обострялась вместе с развитием торговых отношений. При этом на начальном этапе становления рассматриваемого института речь в большей степени шла не о государственном судебном учреждении, а, выражаясь современной терминологией, о третейских судах и о судах смешанного статуса – государственно-корпоративного, когда судьями одного состава суда являлись государственные чиновники и представитель купеческого сообщества. Выявленные тенденции находят отражение в таких актах, как Уставная грамота Всеволода Мстиславича, где впервые упоминается «суд торговый», Псковская судная грамота, Двинская уставная грамота, Новгородская судная грамота и другие акты XII–XV вв., в которых стадии судебного процесса, в том числе по имущественным вопросам, регулируются подробно. Вместе с тем в древнерусском праве судебные отношения не развились до такого уровня, чтобы выделять экономические (хозяйственные, торговые) отношения в качестве предмета самостоятельного регулирования, и эти отношения на государственном уровне рассматривались в рамках гражданского судопроизводства. Тем не менее можно говорить о востребованности субъектов торговых отношений в такой специализированной форме решения торговых споров, о чем свидетельствует развитие элементов третейского суда.

Библиографический список

1. *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. – СПб.: Петрополис, 2011. – 176 с.
2. *Алексеев Ю. А.* «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. – 1979. – Т. 103. – С. 242–274; Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. – М.; Л.: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. – 408 с.
3. Грамота Новгородского князя Всеволода // Русские Достопамятности: сборник. Ч. 1. – М.: Унив. тип., 1815. – С. 76–81.
4. *Демченко Г. В.* Из истории судоустройства в Древней России. – Варшава: тип. Варшав. учеб. округа, 1909. – 63 с.
5. Двинская уставная грамота // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. – М., Л.: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. – С. 144–146.
6. *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. – М. Унив. тип., 1859. – 580 с.
7. *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. – М.: Унив. тип., 1869. – 413 с.
8. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 2. – М.: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1908. – 508 с.
9. *Ланге Н.* Древние русские смесные или вобчие суды. – М.: тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1882. – 234 с.
10. *Лукин Ю. М.* Становление и развитие коммерческих судов в Российской империи. Учреждение коммерческих судов и Устав их судопроизводства 1832 г. Комментарий к Учреждению 163 коммерческих судов Российской империи 1832 г. // Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 5. – С. 150–162.
11. *Мальшев К. И.* Курс гражданского судопроизводства. Т. 3. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1879. – 460 с.
12. Псковская судная грамота // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1990. – С. 25–44.
13. *Рассказов Л. П., Упоров И. В.* Преемственность монархического, советского и современного права в

историческом развитии России // Право России на рубеже тысячелетий: основные тенденции развития: сб. науч. тр. – Краснодар: Краснодар. юрид. ин-т МВД России, 2001. – 373 с.

14. Русская Правда. Краткая редакция // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1990. – С. 7–18.

15. Русская Правда. Пространная редакция // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1990. – С. 18–44.

16. *Суханов Е. А.* Развитие и перспективы третейского суда // Третейский суд. – 2000. – № 2. – С. 19–27.

17. *Трехсваякова О.* Третейские суды в России: от Дмитрия Донского до наших дней // Третейский суд и земельная реформа: информационный бюллетень. – 1998. – № 3. – С. 31.

18. *Цыганова Е. М.* Проблемы правового регулирования организации и деятельности коммерческих третейских судов в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 1996. – 206 с.

Д. В. Степанов

старший преподаватель
кафедры гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета
имени И.Т. Трубилина,
кандидат юридических наук
o02323@icloud.com

ИНТЕЛЛЕКТ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО

INTELLIGENCE, ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LAW

В статье проанализированы отношения, возникающие между субъектами гражданского права при осуществлении деятельности с использованием технологий искусственного интеллекта. В отличие от общественных отношений, которые возникают между гражданами, юридическими лицами и иными субъектами гражданского права, общественные отношения, связанные с применением технологий искусственного интеллекта, имеют свои особенности, и их нельзя не учитывать. В глубоком научном анализе нуждается и сущность категории «искусственный интеллект». Искусственный интеллект сам по себе не подлежит правовому регулированию, являясь, как и естественный интеллект, квалифицирующим свойством любой технологии искусственного интеллекта, робота, юнита или программного обеспечения, позволяющего его носителю действовать автономно и даже независимо от воли его создателей или правообладателей.

Ключевые слова: искусственный интеллект; право; гражданское право; субъективные гражданские права; правосубъектность; правоотношение; объекты гражданских прав; юридическая ответственность; правоспособность; технологии искусственного интеллекта; гражданский оборот; волеизъявление.

The article analyzes the relations arising between the subjects of civil law when carrying out activities with the use of artificial intelligence technologies. Unlike public relations that arise between citizens, legal entities and other subjects of civil law, public relations connected with the use of artificial intelligence technologies have their own peculiarities and cannot be ignored. The essence of the category "artificial intelligence" also needs a deep scientific analysis.

Keywords: artificial intelligence; law; civil law; subjective civil rights; legal personality; legal relations; objects of civil rights; legal responsibility;

legal capacity; artificial intelligence technologies; civil circulation; expression of will.

В последние годы в юридической литературе существенно возрос интерес к вопросам осуществления гражданских прав и исполнению обязанностей, возникающих между субъектами гражданского права при использовании различных технологий искусственного интеллекта. В этом нет ничего удивительного, поскольку данная сфера общественных отношений имеет стратегическое значение для мирового сообщества. Лидерство в этой сфере, без преувеличения, влечет за собой колоссальные геополитические возможности для любого государства.

Развитие технологий искусственного интеллекта предполагает развитие и совершенствование правового регулирования отношений, возникающих в процессе их создания, вовлечения в гражданский оборот и применения различными субъектами гражданского права, в том числе гражданами, юридическими лицами, публичными образованиями (государством, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями). Эффективность правового регулирования общественных отношений в значительной мере зависит от полноты и степени понимания законодателем характера и особенностей общественных отношений, нуждающихся в правовой регламентации. В противном случае правовые нормы либо будут препятствовать развитию гражданского оборота, создавать препятствия для свободы волеизъявления и творчества, либо приводить к системным нарушениям в процессе правоприменительной практики.

В отличие от общественных отношений, возникающих между гражданами, юридическими лицами и иными субъектами гражданского права, общественные отношения, связанные с применением технологий искусственного интеллекта, имеют свои особенности, и их нельзя не учитывать. Речь идет об отношениях, которые возникают помимо воли и участия создателей и правообладателей носителей технологий искусственного интеллекта.

Характер и особенности образующихся при этом отношений невозможно оценить и охарактеризовать без исследования содержания психического отношения к совершаемым действиям и их последствиям. Это означает, что следует учитывать общий

уровень сознания, правового сознания, правовой культуры, духовности и нравственности, доминирующих в обществе той или иной страны, состояние межгосударственных отношений и целый ряд иных факторов, которые закладываются в содержание нейронных связей технологий и носителей искусственного интеллекта. В противном случае возможно возникновение конфликта интересов между носителем искусственного интеллекта, обладающим способностью автономно и помимо воли его правообладателя совершать определенные действия, с одной стороны и его правообладателем, создателем или третьим лицом – с другой. В основе конфликта может быть и различное восприятие событий или действий.

В глубоком научном анализе нуждается и сущность категории «искусственный интеллект». В данном контексте в литературе можно встретить самые разные подходы. Важно отметить, что широкий разброс мнений относительно того, что следует понимать под искусственным интеллектом, влечет за собой неопределенность, в том числе и при трактовке объекта правового регулирования и выборе адекватных правовых средств.

В этой связи необходимо прежде всего выяснить, что именно мы понимаем под обычным интеллектом. Интеллект (от лат. *intellectus* – «ощущение, восприятие, разумение, понимание, понятие, рассудок») представляет собой качество психики, ум, рассудок, мыслительную способность человека¹. Интеллект – способность самостоятельно приспосабливаться к новым ситуациям, способность к обучению и запоминанию, способность использовать свои знания для совершения определенных действий и принятия самостоятельных управленческих, иных решений. Интеллект – общая способность к познанию новых явлений объективной реальности. Данная способность к познанию включает в себя совокупность таких свойств психики, как ощущение, восприятие, память, представление, мышление и воображение. Интеллектуалом обычно называют человека, обладающего высокоразвитым умом и способностью к аналитическому мышлению.

¹ Значение слова «интеллект» // Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/интеллект> (дата обращения: 20.01.2020).

По мнению доктора психологических наук, заведующего лабораторией психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН Дмитрия Ушакова, «интеллект – это то, что в повседневной жизни называется умом». Д. Ушаков полагает, что объем интеллектуальных ресурсов человека ограничен. Попытка развить интеллект с помощью решения каких-либо задач бесперспективна, поскольку развитие интеллекта и переработка информации являются несовместимыми вещами. Следует различать понятия «интеллект» и «компетентность», подобно тому, как различаются понятия «великий ученый» и «начитанный, эрудированный, образованный человек»¹.

Интеллект относится к наиболее сложным умственным способностям человека. Степень его развития характеризует мыслительную функцию человеческой психики, способность человека адаптироваться к внешнему миру, действовать разумно, не нарушая прав и законных интересов своих контрагентов и третьих лиц. Естественный интеллект – это система психических процессов, позволяющих человеку использовать свои способности для объективной оценки ситуации, принятия оптимальных решений и организации адекватного поведения в изменяющихся условиях. Интеллект вполне можно рассматривать как способность человеческого мозга к мыслительной деятельности.

Проблема выявления сущности интеллекта заключается в том, что в настоящее время отсутствует четкая граница между понятиями «интеллект», «ум» и «мышление», которые трактуются как разные, но взаимосвязанные стороны личности. По мнению В.М. Козубовского, интеллект не связан с нравственностью, профессией, человеколюбием и даже с элитным образованием. А. Эйнштейн утверждал: «Не стоит обожествлять интеллект. У него есть могучие мышцы, но нет лица». Ум представляет собой обобщенную характеристику познавательных способностей человека как целостный комплекс тесно связанных между собой качеств личности. Мышление есть процесс, деятельность, в ходе которой проявляется и реализуется интеллект².

¹Фалалеев Д. Естественный интеллект // HarvardBusinessReview Россия. 2008. 13 ноября. URL: <https://hbr-russia.ru/liderstvo/emotsionalnyy-intellekt/a9673> (дата обращения: 20.01.2020).

²Козубовский В. М. Общая психология. Личность: учеб. пособие. – Мн.: Амалфея, 2008. – С. 223–240.

С точки зрения права мышление нельзя рассматривать в качестве объекта правового регулирования, поскольку нормы права регулируют общественные отношения, возникающие между субъектами права, в том числе между субъектами гражданского права. Мыслительная деятельность должна быть выражена вовне человеческого мозга через волеизъявление в форме действия или бездействия. Естественный интеллект человека неотделим от личности и способен проявляться в процессе мыслительной деятельности человека. Ее результаты могут быть представлены в качестве определенных видов деятельности в границах абсолютного или относительного гражданского правоотношения. Формой проявления мыслительной деятельности могут стать объекты авторского и патентного права, иные результаты интеллектуальной деятельности человека. Таким образом, право способно регулировать не интеллект, ум или мышление как психические свойства личности, а выраженные вовне результаты проявления интеллекта личности и его мыслительной деятельности.

Справедливости ради необходимо отметить, что до появления в мировом сообществе понятия «искусственный интеллект» в науке права, в том числе в науке гражданского права, не существовало проблемы необходимости разработки доктринальных подходов правового регулирования интеллекта. Однако с появлением в общественных отношениях такого явления, как «искусственный интеллект», вполне обоснованно возникла и проблема правового регулирования искусственного интеллекта. Ввиду этого, разумеется, у юристов появляется вопрос о том, что, собственно говоря, следует урегулировать.

Если мы распространяем на понятие «искусственный интеллект» такие же свойства, что и на естественный интеллект, являющийся неотъемлемой частью человеческой личности, то очевидно, что сам по себе искусственный интеллект не подлежит правовому регулированию. Искусственный интеллект, как и естественный интеллект, – неотъемлемое свойство соответствующей технологии искусственного интеллекта, робота, юнита или программного обеспечения, позволяющего действовать автономно и даже независимо от воли его создателей или правообладателей.

В таком случае появляется ряд вопросов. Что именно должны регулировать нормы гражданского права в отношениях, возникающих в связи с созданием и использованием технологий

искусственного интеллекта? Какие риски, чьи права и законные интересы должны быть обеспечены новым институтом гражданского права? Нуждается в ответе и вопрос о целесообразности закрепления в законодательстве такого субъекта права, как «электронное лицо» для осуществления носителями искусственного интеллекта своей деятельности в правовом пространстве в качестве субъекта права¹. От ответа на него во многом зависит успешное решение одной из важнейших задач современной науки гражданского права.

При определении роли и места робота, наделенного технологиями искусственного интеллекта, способного действовать автономно и независимо от его создателей и правообладателей, возникает вопрос относительно того, каким образом право творения рук человеческих может трансформироваться в «законное право», объединяющее и координирующее деятельность десятков и сотен миллионов граждан и юридических лиц. Л.И. Петражицкий в своем учении о нормативных фактах обосновал другую модель права, в основе которой находятся не только индивидуальные эмоции, но и координация взаимного поведения участников правовой коммуникации².

Библиографический список

1. Значение слова «интеллект» // Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/интеллект> (дата обращения: 20.01.2020).
2. Камышанский В.П., Корецкий А.В. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта // Власть Закона. – 2019. – № 1. – С. 42–50.
3. Козубовский В.М. Общая психология. Личность: учеб. пособие. – Мн.: Амалфея, 2008. – 448 с.
4. Поляков А.В. Права человека в контексте «петражицкианской перспективы» // Петербургская школа

¹Камышанский В. П., Корецкий А. В. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта // Власть Закона. – 2019. – № 1. – С. 46.

²Поляков А. В. Права человека в контексте «петражицкианской перспективы» // Петербургская школа философии права: к 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ ред. А.В. Полякова, Е.В. Тимошиной. – СПб.:Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. – С. 408;

Поляков А. В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. – № 1. – 2008. – С. 11–12.

философии права: к 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ ред. А.В. Полякова, Е.В. Тимошиной. – СПб.:Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. – С. 404–416.

5. Поляков А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. – № 1. – 2008. – С. 9–42.

6. Фалалеев Д. Естественный интеллект// HarvardBusinessReview Россия. 2008. 13 ноября.URL: <https://hbr-russia.ru/liderstvo/emotsionalnyy-intellekt/a9673> (дата обращения: 20.01.2020).

Раздел



Юридическая наука и практика Республики Крым

Е. М. Галас

доцент, кандидат юридических наук
Института экономики и права (филиала)
Академии труда и социальных отношений
г. Севастополь
uspeh.sud@mail.ru

**КОМПЕТЕНЦИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА
РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ****THE COMPETENCE OF THE RUSSIAN
COURT OF ARBITRATION: LEGAL HISTORY**

В статье автором установлено, что исторически компетенция третейских институтов развивалась вслед за потребностями экономического оборота в русле обычаев делового оборота. Российское государство поздно приступило к регулированию третейских компетенций и делало это непоследовательно. Подчеркивается, что в советский период их исследованию и совершенствованию не уделялось должного внимания по причине отрицания наличия противоречий и, соответственно, споров внутри планового социалистического хозяйства. Третейское законодательство новейшего времени до начала 2010 г. не формировало эффективные третейские институты, нередко подчиняя компетенции третейских органов решению частных задач. В связи с этим сделан вывод о том, что третейская реформа, одной из целей которой стала регламентация компетенций третейских органов, назрела и была полностью оправдана. При анализе результатов ее реализации следует учитывать исторический опыт.

Ключевые слова: третейский суд; арбитраж; компетенция; третейское разбирательство; третейская компетенция; арбитражное разбирательство; третейский процесс; история права; медиация; арбитр.

In the article the author has established that historically the competence of arbitration institutions has developed following the needs of economic turnover in line with the customs of business turnover. The Russian state has late started to regulate the arbitration competence and has been doing it inconsistently. It is emphasized that in the Soviet period their research and improvement were not given due attention because of the denial of contradictions and, consequently, disputes within the planned socialist economy. Until the beginning of 2010, the latest arbitration legislation did not form effective arbitration institutions, often subordinating the competence of arbitration bodies to the solution of private problems. In this connection, it was concluded that the arbitration reform, one of the goals of which was to regulate the competence of arbitration bodies, was ripe and ful-

ly justified. When analyzing the results of its implementation, one should take into account historical experience.

Keywords: arbitration court; arbitration; competence; arbitration proceedings; arbitration competence; arbitration; history of law; mediation; arbitrator.

Развитие теории третейской компетенции всегда шло за практикой, которая зависела от политического режима и социально-экономического строя. Со времен Римской республики третейский судья наделялся лишь полномочиями, предоставленными сторонами. От их волеизъявления производно и исполнение решения третейского суда, которое с позиции власти и закона было не более чем мнением (*sententia*). Уже в тот период третейский судья в значительной мере действовал как медиатор, помогая сторонам спора, разрешая сомнения, суть и последствия конфликта, находя пути его разрешения без тяжелых юридических формальностей (*legeagere*).

В Риме преторским эдиктом третейским судам были переданы полномочия разрешения споров сторон по их соглашению и без публичной власти¹. В то же время в период империи компетенции третейского суда медленно сошли на нет, эволюционируя в основном в сторону злоупотреблений. Как показывает современная политическая теория, деградация третейских институтов (как и демократических институтов в целом) связана с несовместимостью авторитаризма с принципами функционирования гражданского общества, его самоорганизацией и саморегуляцией, на которых основан институт третейского суда. Именно гражданское общество через публичную власть корреспондировало третейским органам соответствующие задачи регулирования гражданского оборота, компетенции.

В России XIX в. А. И. Вицын, исторически интерпретируя третейский суд как народный, отмечая (по оценке Г. Ф. Шершеневича) «отношение народных юридических воззрений народа к определениям положительного законодательства», пришел к выводу о том, что третейский суд – это первая («первобытная») форма суда, общая для большинства народов². Г.

¹ Волков А. Ф. Торговые третейские суды. – СПб.: тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1913. – С. 29.

² Вицын А. И. Третейский суд по русскому праву, историко-догматическое рассуждение А. Вицына. – М.: тип. В. Готье, 1856. – С. 28.

Ф. Шершеневич критиковал это положение, но не по сути, а за отсутствие ссылок на источники, которых, как он указывал, в сочинении А. И. Вицына «не находится»¹. Данное замечание показательно и свидетельствует о том, что третейское разбирательство в России длительное время не было институализировано, а соответственно, и компетенции третейского судьи (органа) не были точно определены и регламентированы.

А. И. Вицын, став первым исследователем российских третейских институтов, сомневался в их будущем, полагая, что это – лишь переходная форма к более «цивилизованному», государственному суду. Такое представление закрепилось и долго бытовало в российской цивилистике, а также в истории права. Компетенции посреднических (арбитражных) форм разрешения споров в течение продолжительного периода, и не только в России, было принято считать присущими традиционным обществам и развивающимся странам с архаичными судебными системами². Таким образом, третейским институтам в сравнении с государственными судами фактически отказывали в компетенциях, упрощая их до уровня обычаев делового оборота. В этой связи историко-правовой анализ развития компетенций третейского суда длительное время не попадал в фокус внимания исследователей.

Принято считать, что первые формы отечественных третейских институтов не имели четко формализованной компетенции, выполняя в большей степени медиативную функцию. Так, в Договорной грамоте 1362 г. великого князя Дмитрия Донского с князем Серпуховским Владимиром Храбрым стороны решили в случае конфликта создавать согласительную рабочую группу из своих представителей, разногласия которых должна была рассудить третья сторона. Ее они сами избирали³.

Итак, на протяжении ряда лет третейская компетенция сводилась к медиации, для которой от арбитров не требовалось юридических познаний. Нормативное закрепление третейское

¹ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. В 4 т. Т. 1. Введение. Торговые деятели. – СПб.: Бр. Башмаковы, 1908. – С. 142.

² Kohlhagen D. Alternative Dispute Resolution (ADR) and Mediation: the Experience of French-Speaking Countries. – Addis Abada, 2007. – 311 p.

³ Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917 / под ред. В. Г. Тюкавкина. – М.: Просвещение, 1990. – С. 253.

решение получило лишь в Соборном уложении 1649 г., где фактически приравнено к решению коронного судьи. Но компетенция посредников в современной трактовке этого понятия точно не устанавливалась. Так продолжалось около двух столетий, в течение которых авторитет и потребность в анализируемом виде разрешения частных споров постепенно росли.

Положение о Третейском суде 1831 г. придавало третейским судам законный статус. Их компетенция теперь включала в себя частную сферу: разрешение споров акционерных обществ, аукционеров, членов товариществ, компаний и всех указанных субъектов с третьими лицами. Институализируя третейскую форму, государство передало ей «в пользование» правила и обычаи коммерческой практики.

Обратим внимание на то, как классики русской цивилистики (А. И. Вицын, Г. Ф. Шершеневич) однозначно считали третейское разбирательство «первым судом в истории человеческого общества», предшественником государственных судов. Указанное первенство обусловлено не только архаичностью, но и демократизмом этого института. В начале XX в. А. Ф. Волков называл третейский суд самым демократично формулируемым органом, разбиравшим споры¹.

А. Ф. Волков указывал на то, как римские юристы ориентировались в большей степени на поиск компромисса как основной принцип третейского разбирательства. При этом компромисс начинался уже с процедуры согласования сторонами арбитра, подтверждения его авторитета как посредника, устраивающего обе стороны. Итак, римские юристы разработали техническую реализацию компромисса как третейскую компетенцию, определив его очевидные преимущества². Эти медиационные по своей сути процедуры основаны и тогда, и сегодня не столько на праве, сколько на знании и применении психологии и конфликтологии.

Развивая данное положение, обратим внимание на тот факт, что третейская деятельность лежит не только в экономико-правовой плоскости. Е. А. Суханов отмечал особенность сферы третейских споров, где «законодательство должно действовать в минимальной мере, а чаще применяются торговые обычаи,

¹ Волков А. Ф. Указ. соч. С. 405.

² Волков А. Ф. Указ. соч. С. 211.

деловые традиции»¹. Отсюда производны и компетенции третейского суда, что в значительной мере старался учитывать российский законодатель.

В 1833 г. Положение о Третейском суде 1831 г. в полном объеме вошло в Свод законов Российской Империи. Государство определяло и общие, и специальные компетенции третейских арбитров, которых власть назначала на конкретное дело, если стороны спора не могли договориться о выборе или уклонялись от него.

Этот институт просуществовал недолго, лишь до судебной реформы 1864 г., после которой в Уставе гражданского судопроизводства остался добровольный третейский суд, чьи компетенции сузились в сравнении с предыдущим периодом. Постепенно третейские традиции и институты в России стали слабеть. Пример тому – затянувшаяся разработка Общего положения о торгово-промышленных палатах в России, подготовленного к 1911 г., но так и не принятого. Проект документа (§ 12) относил к компетенции третейского суда разрешение споров по торгово-промышленным делам при наличии соответствующего соглашения сторон и с соблюдением норм соответствующего законодательства.

Возрождение третейских судов, связанное с Декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 г., было относительно кратковременным. Права третейского суда в 1922 г. получили биржевые арбитражные комиссии при товарных и фондовых биржах. К третейской компетенции отнесены в указанный период споры о праве гражданском, чем активно пользовались коммерсанты периода НЭПа, опасавшиеся огласки своих споров в государственных судах.

Таким образом, в России XIX – начала XX в., а затем – в годы НЭПа существовала разветвленная сеть коммерческих судов. В СССР этот институт, хотя и «не получил широкого распространения ни на практике, ни на законодательном уровне»², не был ни запрещен, ни ликвидирован, а работал, даже становился объектом научного анализа³. Уже в этот период из

¹ Зыков С. Будешь третьим // Рос. газ. – 2008. – 19 июня.

² Мирошниченко А. Ю., Царик А. С. Третейские суды в России: история и современность // Юристъ-Правоведъ. – 2013. – № 6 (61). – С. 63.

³ Гендзехадзе Е. Н. Третейский суд в СССР: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1954. – С. 73.

третейской компетенции исключены социалистические (государственные) предприятия. В 1960-е гг. к ним добавлены колхозы. Следовательно, компетенция третейских органов в СССР была узкой, в основном касалась сферы внешнего взаимодействия.

Сужение в Советской России во второй половине 1920-х гг. демократических и рыночных начал, связанное со свертыванием НЭПа, привело и к свертыванию третейских полномочий. После такого перехода исследовательская активность в третейской теории фактически замирала, образуя обширные пробелы в изучении соответствующих компетенций, которые регламентировались в основном для решения внешнеторговых споров.

Так, в 1930 г. создана постоянно действующая и существующая до сих пор (при Торгово-промышленной палате (ТПП) РФ) Морская арбитражная комиссия (далее – МАК). Ее компетенция изначально не выходила за пределы разрешения споров по случаям спасения морских судов и грузов. Позднее она постоянно расширялась, включая споры по договорам перевозки, фрахта, страхования, спасания, аварий и происшествий, а в современных условиях – и споры по брокерским и агентским соглашениям, ремонту морских судов, судовому менеджменту и многое другое, что возникает в сфере торгового мореплавания¹.

С 1932 г.² работает постоянно действующая Внешнеторговая арбитражная комиссия (ВТАК) (сегодня – Международный коммерческий арбитражный суд (МКАС) при ТПП РФ). Примечательно, что до создания ВТАК союзное и республиканское законодательство не содержало норм, регулировавших арбитражное разбирательство для постоянно действующих негосударственных органов. Действуя в условиях социалистической правовой системы и экономики, ВТАК разрешала вопросы собственной компетенции и применимого права, к которому относилось не только право СССР. В целом в 1930–1950-е гг. советские внешнеторговые организации редко спорили со своими контрагентами. С 1950-х гг. такие споры

¹ Морская арбитражная комиссия // Торгово-промышленная палата РФ. URL: <https://mac.tpprf.ru/ru/information/> (дата обращения: 04.10.2019).

² О Внешнеторговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате: постановление ЦИК и СНК СССР от 17 июня 1932 г. // Собр. законодательства СССР. – 1932. – № 48, ст. 281.

активизировались, в основном в связи с ростом сотрудничества членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Споры с западными контрагентами были редкостью, поэтому вопросы компетенции в 1950–1970-е гг. практически не поднимались.

С принятием постановления Совета министров СССР от 23 июля 1959 г. «Об улучшении работы государственного арбитража» социалистические организации получили право разрешать споры в третейских органах, компетенции которых конкретизированы положением «О третейском суде для разрешения хозяйственных споров между объединениями, предприятиями, организациями и учреждениями»¹. Компетенция третейских органов в тот период включала в себя, как правило, разрешение одного конкретного спора.

Дальнейшее развитие экономических связей того времени с «социалистическими» и «капиталистическими» странами стало объективной предпосылкой существенного роста числа разрешавшихся во ВТАК споров. При этом компетенция комиссии в основном опиралась на применение документов СЭВ, которые в части арбитражной практики требовали унификации. Эта задача решена в 1972 г. посредством подписания Конвенции о разрешении арбитражным путем гражданско-правовых споров, вытекающих из отношений экономического и научно-технического сотрудничества (Московская конвенция)².

Документ не распространялся на споры с участием западных партнеров советских внешнеторговых объединений. Компетенцию советских арбитражных учреждений в таких случаях было определить сложно. Попытка в этом направлении предпринята с утверждением в апреле 1975 г. Положения о ВТАК при ТПП СССР³.

¹ Положение о третейском суде для разрешения хозяйственных споров между объединениями, предприятиями, организациями и учреждениями: утв. постановлением Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 30 декабря 1975 г. № 121. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

²Международный коммерческий арбитраж: опыт отечественного регулирования/саморегулирования. 80 лет МКАС при ТПП РФ. 1932–2012: сб. избранных научных, нормативных, архивных, аналитических и иных материалов. В 2 т. Т. 1 / сост. и науч. ред. А. И. Муранов. – М.: Статут, 2012. – 592 с.

³ Об утверждении Положения о Внешнеторговой арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате СССР: указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1975 г. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

С 1960-х гг. активно разрабатывалась теория особого рода (*sui generis*), смешанной правовой природы третейских институтов и их компетенции. Исходные положения теории начали формироваться в начале XX в., а концептуальное оформление относится к середине века. В СССР эти подходы поддерживали С. Н. Лебедев, А. Д. Кейлин¹ и ряд других исследователей.

Сторонники концепции смешанной природы третейской компетенции признавали наличие в ней системной совокупности договорных элементов, обеспечивающих поддержание и развитие процессуально-правового порядка. Законность и исполнимость арбитражного соглашения, как право- и дееспособность сторон, а также возможности проявления инициативы третейских посредников в данном случае причислялись к договорной (частноправовой) сфере, находя свое разрешение в совокупности общих положений о договоре.

Со второй половины XX в. смешанная теория включала в себя не только компетенцию третейского органа, но и процедуру разбирательства, и вопросы исковых требований, доказательств, порядок, процедуру вынесения решения, а также право на его дальнейшее апелляционное обжалование и исполнение к обычному гражданскому процессу, который в данном случае приобретает некоторые третейские черты². Логичным представляется вывод, вписывающийся в теорию *sui generis*, о том, что как таковая третейская компетенция базируется на гражданско-правовом договоре, который влечет соответствующие, то есть третейские процессуальные последствия³.

В этом смысле третейская компетенция есть, прежде всего, институт *sui generis*, так как договорные и процессуальные начала не просто механически соединены, а взаимообусловлены и детерминированы в рамках этой системы, имеющей в первую очередь гражданско-правовые (материально-правовые (договорные), а затем процессуально-правовые приоритеты и

¹ Кейлин А. Д. Судостроительство и гражданский процесс капиталистических государств. Ч. 1–3. – М.: Междунар. книга, 1950–1961. – 352 с.

² Кейлин А. Д. Указ. соч. Ч. 3. С. 63; Виноградова Е. А. Правовые основы организации и деятельности третейского суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1994. – С. 21.

³ Виноградова Е. А. Разрешение экономических споров третейским судом // Арбитражный процесс. – 2001. – № 4. – С. 46.

элементы. В рамках смешанной (*sui generis*) теории юридические последствия решения третейского суда обязывают сторону (стороны), одновременно будучи производным от их общей воли, отраженной в совместном соглашении¹. Все последствия такого решения, как и его исполнение, в основном следует отнести к сфере процессуального права. Данная распространенная точка зрения исследователей, придерживающихся смешанной теории, не свободна от очевидных слабых мест, в числе которых, прежде всего, пространственная неопределенность, то есть размытость грани между материально- и процессуально-правовым регулированием анализируемого вида разбирательства².

С началом перехода советской экономики к рынку в 1987 г. на базе ВТАК был создан постоянно действующий внешнеэкономический арбитражный орган – Арбитражный суд при ТПП СССР³, к компетенции которого отнесено разрешение споров, вытекавших из договорных и иных гражданско-правовых отношений в рамках внешнеторговых, других международных экономических и научно-технических связей⁴. С принятием в 1993 г. Закона о международном коммерческом арбитраже утверждено новое положение о Международном коммерческом арбитражном суде при ТПП (МКАС)⁵, который стал преемником Арбитражного суда при ТПП СССР, сохранив его основные компетенции.

Законодательная регламентация компетенции третейских институтов относится к вступлению в силу Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»⁶. К их компетенции (ст. 1) отнесены любые споры,

¹ Лебедев С. Н. Международный торговый арбитраж. – М.: Междунар. отношения, 1965. – С. 21.

² Кравцов А. В. Третейские суды в России // Управленческие науки. – 2014. – № 4 (13). – С. 26–27.

³ Об арбитражном суде при Торгово-промышленной палате СССР: указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1987 г. № 8135-XI. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Мирошниченко А. Ю., Царик А. С. Третейские суды в России: история и современность // Юрист-Правоведъ. – 2013. – № 6 (61). – С. 65.

⁵ О введении в действие Закона Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже»: постановление Верховного Совета РФ от 7 июля 1993 г. № 5339-1. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О третейских судах в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 30, ст. 3019.

вытекающие из гражданских правоотношений, если иное не установлено законом (дела о банкротстве), и за исключением международного коммерческого арбитража. Компетенция третейского суда возникала лишь при наличии третейского соглашения сторон, которое могло быть заключено в отношении всех или одного конкретного спора.

К началу 2010-х гг. российские третейские институты себя полностью дискредитировали. На тот момент, по официальной статистике, в России действовали свыше полутора тысяч третейских судов, часть из которых формировались фактически под заказ, то есть «под определенное дело», после которого ликвидировались. Интернет пестрел объявлениями об услугах по формированию такого разового явления, которые «под ключ» оценивались в 50 тыс. руб.¹ Эта практика перегружала арбитражные суды, где оспаривались решения данных третейских судов. В деловых кругах и юридическом сообществе активно обсуждали потребность и направления третейской реформы, новые компетенции третейских органов.

В целом исторический опыт развития третейских компетенций показывает, что чем сильнее гражданское общество, тем более авторитетны и востребованы третейские институты. И наоборот: чем гражданское общество слабее (и преобладают авторитарные или централизаторские тенденции), тем слабее третейские институты, которые получают от государства минимум компетенций. В этой связи несложно прогнозировать их ослабление или даже упадок, связанный с абсолютным и все более растущим доминированием в российской экономике государственной собственности, государственных корпораций и банков.

Исторически третейские компетенции складывались из добровольного либо обязательного, производного из договора, где стороны соглашались разрешать все имеющиеся либо будущие споры, не обязательно при этом зная, какие и когда споры возникнут. Тем самым компетенции приобретали универсальный характер. Необязательный арбитраж всегда был аналогичен посредничеству в том смысле, что решение не может быть вынесено в отношении сторон. Но основное различие заключается в том, что, хотя посредник, реализуя переданную ему сторонами компетенцию, будет пытаться помочь сторонам

¹ Алексеев М. А. Указ. соч. С. 167.

найти компромисс, он остается полностью исключенным из процесса урегулирования и будет давать только определение ответственности, а при необходимости – указание суммы подлежащих выплате убытков.

Правовая природа третейской компетенции во многом производна от правовой природы третейского суда, одной из первых форм разрешения споров.

Библиографический список

1. *Алексеев М. А.* Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации: история создания и полномочия // *Legal Concept*. – 2011. – № 2. – С. 166–170.
2. *Виноградова Е. А.* Правовые основы организации и деятельности третейского суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1994. – 37 с.
3. *Виноградова Е. А.* Разрешение экономических споров третейским судом // *Арбитражный процесс*. – 2001. – № 4. – С. 45–53.
4. *Вицын А. И.* Третейский суд по русскому праву, историко-догматическое рассуждение А. Вицына. – М.: тип. В. Готье, 1856. – 96 с.
5. *Волков А. Ф.* Торговые третейские суды. – СПб.: тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1913. – 131 с.
6. *Гендзехадзе Е. Н.* Третейский суд в СССР: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1954. – 172 с.
7. *Зыков С.* Будешь третьим // *Рос. газ.* – 2008. – 19 июня.
8. *Казаченок С. Ю.* Прагматическая оценка арбитражного соглашения сторон внешнеэкономического контракта // *Legal Concept*. – 2012. – № 2. – С. 121–126.
9. *Кейлин А. Д.* Судостроительство и гражданский процесс капиталистических государств. Ч. 1–3. – М.: Междунар. книга, 1950–1961. – 352 с.
10. *Кравцов А. В.* Третейские суды в России // *Управленческие науки*. – 2014. – № 4 (13). – С. 26–29.
11. *Лебедев С. Н.* Международный торговый арбитраж. – М.: Междунар. отношения, 1965. – 219 с.
12. *Международный коммерческий арбитраж: опыт отечественного регулирования/саморегулирования. 80 лет МКАС*

при ТПП РФ. 1932–2012: сб. избранных научных, нормативных, архивных, аналитических и иных материалов. В 2 т. Т. 1 / сост. и науч. ред. А. И. Муранов. – М.: Статут, 2012. – 592 с.

13. *Мирошниченко А. Ю., Царик А. С.* Третейские суды в России: история и современность // Юрист-Правоведъ. – 2013. – № 6 (61). – С. 63–67.

14. Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917 / под ред. В. Г. Тюкавкина. – М.: Просвещение, 1990. – 414 с.

15. *Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права. В 4 т. Т. 1. Введение. Торговые деятели. – СПб.: Бр. Башмаковы, 1908. – 515 с.

16. *Юрова К. И., Постников М. В.* История развития третейских судов // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза, 2016. – С. 220–222.

17. *Kohlhagen D.* Alternative Dispute Resolution (ADR) and Mediation: the Experience of French-Speaking Countries. – Addis Ababa, 2007. – 311 p.

Раздел



**Трибуна
молодого ученого**



С. В. Авдеев

аспирант

Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина
Avdeev.23@mail.ru

**ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ
КАК МЕХАНИЗМ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ
О ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ В РАМКАХ ДЕЛА О
НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)**

**SECURITY MEASURES AS A MECHANISM FOR
ENFORCEMENT OF A COURT DECISION ON IMPOSING
SUBSIDIARY LIABILITY ON THE PERSONS CONTROLLING THE
DEBTOR IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) PROCEEDINGS.**

В статье проанализированы статистические данные по делам о несостоятельности (банкротстве) и дана сравнительная характеристика за последние два года. Автор на основании статистических данных заключает, что реформа закона о банкротства в части привлечения контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности способствует более эффективной защите прав кредиторов. Указано, что опровержение презумпции о вине контролирующих должника лиц в доведении должника до банкротства возложено на контролирующих

должника лиц, к которым применяется «повышенный стандарт доказывания» фактов невиновности. По итогам анализа сделан вывод о том, что отсутствие действенного механизма исполнения судебного акта о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве не способствует защите прав кредиторов, что не согласуется с целями конкурсного производства и судебной защиты.

Ключевые слова: несостоятельность; банкротство; исполнение судебного акта; субсидиарная ответственность; контролирующие должника лица; обеспечительные меры; защита прав; кредиторы; презумпция; конкурсная масса.

The article analyzes statistical data on insolvency (bankruptcy) cases and gives comparative characteristics for the last two years. On the basis of statistical data, the author concludes that the reform of the law on bankruptcy in terms of attracting controlling persons of the debtor to subsidiary liability contributes to more effective protection of creditors' rights. It is stated that rebuttal of the presumption of guilt of the persons controlling the debtor in bringing the debtor to bankruptcy is entrusted to the persons controlling the debtor, to whom an "increased standard of proof" of innocence applies. As a result of the analysis, it has been concluded that the absence of an effective mechanism for enforcement of the judicial act on bringing the persons controlling the debtor to subsidiary liability in the bankruptcy case does not contribute to the protection of creditors' rights, which is not consistent with the objectives of bankruptcy proceedings and judicial protection.

Keywords: insolvency; bankruptcy; execution of a judicial act; subsidiary liability; persons controlling the debtor; security measures; protection of rights; creditors; presumption; bankruptcy.

Нестабильность экономики, непрофессиональное управление контролирующих должника лиц, снижение объема производства в некоторых сферах экономики, финансовый кризис последних лет привели к резкому росту числа дел о признании должников несостоятельными (банкротами) с 2013 по 2018 г.

Согласно статистическим данным, размещенным на сайте проекта «Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс)», данным Статистического бюллетеня Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСБ) по состоянию на 30 июня 2019 г., арбитражные суды по итогам полугодовой отчетности 2019 г.

признали банкротами 6 083 юридических лиц. Несомненно, число дел о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц сохраняется на стабильно высоком уровне, но на 8,2 % меньше, чем в аналогичный период 2018 г. Заявителями в делах о банкротстве юридических лиц в основном выступают конкурсные кредиторы. В первом полугодии 2019 г. кредиторами инициировано 78,1 % всех процедур, что на 2,9 % больше, чем в аналогичный период 2018 г. (75,2 %). При этом доля ФНС России как заявителя снизилась с 14,5 % до 12,4 %, а доля должников осталась на уровне 9 %.

Следует обратить внимание на статистические данные, размещенные на сайте проекта «Федресурс», о результатах процедур банкротства компаний за январь–сентябрь 2019 г., в соответствии с которыми кредиторы ничего не получили в 63 % дел о банкротстве юридических лиц, завершившихся в рассматриваемый период. Однако прослеживается положительная динамика по сравнению с аналогичным периодом 2018 г.: от 65 % до 63 %. В аналогичный период 2018 г. в 19 % случаев ничего не получили кредиторы, требования которых обеспечены залогом имущества должника, а в 38 % случаев, по данным инвентаризации, имущество у должников отсутствовало. Доля погашенных требований кредиторов в январе–сентябре 2019 г. снизилась до 4,7 % (с 6,3 % в аналогичный период 2018 г.).

Сведения, размещенные в ранее указанном статистическом бюллетене за первое полугодие 2019 г., показывают резкий рост подачи заявлений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Так, в первом полугодии 2019 г. подано 1 621 заявление о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, в аналогичный период 2018 г. – 1 046 заявлений.

Сохраняется тенденция роста размера субсидиарной ответственности. В частности, согласно статистике, в первом полугодии 2018 г. удовлетворено 381 заявление, что составляет 30 % заявленных требований, а взыскиваемая сумма – 37,3 млрд руб.; в 2018 г. удовлетворено 548 заявлений, то есть 45 % заявленных требований, а взыскиваемая сумма составила 182,9 млрд руб.; в первом полугодии 2019 г. удовлетворено 418 заявлений, то есть 26 % заявленных требований, а взыскиваемая сумма равна 83,9 млрд руб.

Рост поданных заявлений и количество привлеченных контролирующих лиц должника свидетельствуют о более интенсивной защите прав кредиторов как арбитражными управляющими, конкурсными кредиторами, так и уполномоченными органами в деле о банкротстве.

Увеличение заявлений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и увеличение взыскиваемых сумм связано с кардинальными изменениями в институте субсидиарной ответственности. Это объясняется, в частности, реформой правил о привлечении к субсидиарной ответственности, внесенных в действующий Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) с 2009 по 2017 г. и отразившихся в Федеральном законе от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»², который ввел новую главу о субсидиарной ответственности, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»³, разъяснивший эту главу.

Однако не стоит забывать главную цель нереабилитационных процедур банкротства – максимальное соразмерное удовлетворение требований кредиторов. Рассмотрение заявления и привлечение виновного контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, взыскание с него в конкурсную массу должника денежных средств само по себе не защищает нарушенные права кредиторов, если эти денежные средства невозможны к взысканию.

¹ О несостоятельности (банкротстве): федер. закон РФ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 43, ст. 4190.

² О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон РФ от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 31, ст. 4815.

³ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 // Рос. газ. – 2017. – 29 декабря.

Статья 46 Конституции Российской Федерации (РФ)¹ гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. В постановлении от 9 ноября 2018 г. № 39-П Конституционный Суд РФ указал, что гарантия судебной защиты включает в себя не только право на законный суд, но и на полную, справедливую и эффективную судебную защиту на основе равенства всех перед законом и судом. Кроме того, Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что исполнение судебного акта следует рассматривать как элемент судебной защиты.

Статья 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – АПК РФ) устанавливает, что основной задачей судопроизводства в арбитражных судах служит защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность. Определение о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника банкротства, с учетом возможности в дальнейшем выбора способа распоряжения субсидиарной ответственностью в рамках банкротного дела должника является судебным актом, вынесенным в пользу кредиторов.

В определении от 27 декабря 2018 г. № 305-ЭС17-4004 (2) Верховный Суд РФ указал: «Судебное решение, вынесенное в пользу конкурсной массы должника (а по существу в пользу кредиторов), предоставляет законные основания для обращения взыскания на имущество субсидиарного должника, но само по себе к фактическому восстановлению прав кредиторов не приводит».

Судебная защита нарушенных прав кредиторов может быть признана эффективной лишь при наличии действенных механизмов и гарантий, предусматривающих возможность исполнения судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего должника лиц, что послужит основанием для возврата кредиторам денежных средств, на которые они могли бы рассчитывать. Перспектива исполнения судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием от 12 декабря 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 30, ст. 3012.

контролирующих должника лиц, которая заведомо невелика, не согласуется с задачами судопроизводства и целями конкурсного производства. Тем самым теряется смысл судебного разбирательства.

Ситуация, при которой в ходе судебного разбирательства недобросовестные контролирующие лица имеют возможность скрыть имущество, избежав обращения на него взыскания, а кредиторы лишены действенного механизма к защите нарушенных прав, недопустима. Эффективность института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в максимальной степени будет проявляться только при восстановлении нарушенного права, что в данном случае приводит к возврату кредиторам денежных средств, на которые он обоснованно мог претендовать.

Законом о банкротстве предусмотрена презумпция, согласно которой, пока не доказано иное, предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица. В отношении трактовки понятия «презумпция» следует согласиться с Б. А. Булаевским, справедливо отмечающим, что наиболее распространенным определением презумпции является отождествление ее с предположением¹.

Обязанность по доказыванию опровержения презумпции и предъявления к последнему «повышенного стандарта доказывания» возложена на контролирующих должника лиц. Это, на наш взгляд, справедливо, поскольку при недобросовестном поведении контролирующих должника лиц в преддверии банкротства указанные лица как профессиональные субъекты экономических правоотношений могут исказить, ненадлежащим образом передать или уничтожить финансовую документацию. Применение к заявителю в лице арбитражного управляющего либо кредитору, который может не являться профессиональным участником в делах о банкротстве «повышенного стандарта доказывания», безусловно, повлечет процессуальное неравенство, так как заявитель будет вынужден представлять доказательства,

¹Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 23.

доступ к которым у него отсутствует, что повлечет невозможность доказывания «отрицательных фактов».

Норма ст. 61.14 Закона о банкротстве предусматривает возможность подачи заявления о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в ходе любой процедуры банкротства юридического лица. Таким образом, вопрос о наличии оснований для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности может быть установлен на стадии процедуры наблюдения, тогда как размер субсидиарной ответственности – только после реализации имущества должника и расчетов с кредиторами.

При этом следует учитывать, что с момента окончания реабилитационных процедур банкротства, а тем более с момента подачи в арбитражный суд заявления о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, факт предъявления становится известным ответчикам. Они могут предпринять меры, направленные на невозможность исполнения судебного акта по итогам рассмотрения заявления путем отчуждения движимого и недвижимого имущества, подлежащего регистрации, передать на хранение имущество иным лицам, снять денежные средства, находящиеся на счетах в банках, иным образом формально избавиться от имущества, но продолжать пользоваться им, тем самым причинив вред кредиторам. В свою очередь ст. 46 АПК РФ предусматривает, что арбитражный суд по ходатайству заявителя или иного лица, участвующего в деле о банкротстве, вправе принять обеспечительные меры, а по смыслу п. 5 ст. 61.16 Закона о банкротстве суд вправе принять обеспечительные меры к контролирующим должника лицам, имуществу лиц, для которых это лицо также является контролирующим.

Безусловно, институт принятия обеспечительных мер при своевременном и разумном применении во многом устранит препятствия к исполнению судебного решения, что повысит эффективность правосудия, будет способствовать целям процедуры конкурсного производства и эффективности защиты прав кредиторов. Но не следует забывать о балансе интересов субъектов экономических правоотношений, свободе принятия ими решений и несения коммерческих рисков, противодействии различным злоупотреблениям со стороны третьих лиц. «Поголовное» привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, чрезмерное применение

института обеспечительных мер может неблагоприятно сказаться на финансовом климате в целом.

Законодатель предусмотрел ряд механизмов, обеспечивающих соблюдение прав и законных интересов ответчиков:

– по ходатайству заинтересованного лица обеспечительная мера может быть отменена судом;

– вопрос о принятии обеспечительных мер при рассмотрении обособленного спора о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности может быть рассмотрен судом с извещением заинтересованных лиц.

Обеспечительные меры – ускоренное и предварительное средство защиты. Поэтому правила доказывания их оснований не аналогичны тем, что применяются при доказывании обстоятельств по существу судебного спора, когда от стороны требуется представить ясные и убедительные доказательства обстоятельств дела либо доказательства, преобладающие над доказательствами процессуального противника.

Предъявление «пониженного стандарта доказывания» не означает полное освобождение заявителя от обязанности доказывания обстоятельств, положенных им в обоснование заявления о принятии обеспечительных мер с учетом срока, предоставленного суду для разрешения ходатайства о принятии обеспечительных мер. Принятие обеспечительных мер предусматривает возможность зафиксировать существующее положение между сторонами. Принятие обеспечительных мер при отсутствии доказательств, с достоверностью подтверждающих наличие оснований для привлечения контролирующего должника к субсидиарной ответственности и доказательств недобросовестных действий данного лица, приведет к блокированию экономической активности обществ, а с учетом срока рассмотрения дела о банкротстве блокирование активов ответчиков может привести к невозможности исполнения уже ими своих обязательств.

Вопрос о принятии обеспечительных мер должен рассматриваться в каждом случае с учетом фактических обстоятельств рассматриваемого дела, разумности, обоснованности применения обеспечительных мер и фактических действий, которые предпринимают контролирующие должника

лица. Основная цель института обеспечительных мер при рассмотрении заявления о привлечении контролирующих должника лиц состоит в защите интересов заявителя либо лиц, в интересах которых действует этот заявитель, а не лишение контролирующих должника лиц возможности добросовестно осуществлять экономическую деятельность.

По итогам анализа статистических данных можно сделать следующие выводы:

- число дел о несостоятельности (банкротстве) остается на высоком уровне;

- в большинстве случаев по результатам реализации имущества должника кредиторы ничего не получают;

- проявляется рост подачи заявлений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Увеличение количества заявлений о привлечении контролирующих должника лиц и рост размера предъявленной к взысканию субсидиарной ответственности в отношении контролирующих должника лиц связан с внесением в Закон о банкротстве изменений, предусматривающих более действенный механизм рассмотрения споров о привлечении к субсидиарной ответственности, направленных в первую очередь на защиту прав кредиторов. Обеспечительные меры при рассмотрении обособленных споров о привлечении к субсидиарной ответственности способствуют дальнейшему исполнению судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности недобросовестных контролирующих лиц и служат дополнительным механизмом защиты прав кредиторов.

Факт признания должника банкротом не может быть расценен как безусловное основание для принятия в отношении контролирующих должника лиц обеспечительных мер. Заинтересованным лицам необходимо доказать наличие в действиях контролирующих лиц явных признаков недобросовестности, в том числе свидетельствующих о фактах противодействия управляющему в реализации своих полномочий.

Наличие спора о привлечении к субсидиарной ответственности и общий размер предъявленных требований не являются безусловными доказательствами возможности причинения значительного ущерба, а также затруднительности либо невозможности исполнения судебного акта по данному обособленному спору. Доводы, носящие предположительный характер, не могут служить основанием для принятия

обеспечительных мер и подтверждать угрозу невозможности исполнения судебного акта.

Библиографический список

1. *Булаевский Б. А.* Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 236 с.



Д.Д. Атажахова

аспирант

кафедры теории и истории права и государства
Кубанского государственного аграрного университета
имени И.Т. Трубилина
Atazhahdjuly@mail.ru

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
И ВАРИАНТЫ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ в 1920-х начале 1940 гг.**

**SOCIALIST REALITY and VARIANTS of North CAUCASIAN
STATEHOOD IN the 1920s and early 1940s.**

В статье рассмотрены процессы эволюции государственности северокавказских народов, их перехода от постреволюционных государственных образований времен Гражданской войны к созданию социалистических автономных республик. Автор показывает сложность и неоднозначность данного процесса, исследует пути реализации различных концепций государственного строительства на Северном Кавказе и их связь с политикой и идеологическими задачами центральной власти. В исследовании находят отражение различные повороты этой политики, направленной на создание национальных республик на Северном Кавказе, определены положительные и отрицательные аспекты в ходе реализации проектов государственного

строительства в регионе. Кроме того, исследуется характер государственно-правовых институтов административного устройства, а также властной организации в автономных республиках Северного Кавказа в 1920-х – начале 1940-х гг.

Ключевые слова: горские республики; государственные образования; Северный Кавказ; экономические факторы; земельные противоречия; социально-экономическое развитие; объединение республик; национальное строительство; северокавказские автономии; государство.

The article considers processes of evolution of statehood of North Caucasian peoples, their transition from post-revolutionary state formations of the Civil War to the creation of socialist autonomous republics. The author shows the complexity and ambiguity of this process, explores the ways of implementation of various concepts of state building in the North Caucasus and their connection with the politics and ideological tasks of central power. The study reflects the different turns of this policy aimed at creating national republics in the North Caucasus and identifies positive and negative aspects in the implementation of state-building projects in the region. It also investigates the nature of the state and legal institutions of administrative structure, as well as the power organization in the autonomous republics of the North Caucasus in the 1920s and early 1940s.

Keywords: mountainous republics; state formations; North Caucasus; economic factors; land contradictions; socio-economic development; unification of republics; nation building; North Caucasian autonomies; state.

С начала 1920-х гг., как известно, государственная организация Горской Республики определялась в большей степени национальными факторами. Тем не менее во многих отношениях процесс национального строительства на Северном Кавказе обусловлен экономическими причинами, которые в тот период также имели немаловажное значение.

Так, например, после выхода Кабарды из состава Горской Республики практически сразу встал вопрос об объединении ее с Балкарией. Как подчеркивается в источниках, именно экономические факторы сыграли решающую роль. При решении этого вопроса Президиуму ВЦИК, в частности, пришлось урегулировать земельные вопросы, связанные с пограничными территориями между Кабардой и Балкарией, что и было сделано

22 июня 1922 г¹. Кабарда получила своеобразную компенсацию, и были урегулированы ее земельные споры с Карачаем².

Вряд ли вопрос об объединении республик можно было решить без учета экономических интересов этих двух этнических образований, что не означало отсутствие каких-либо экономических или территориальных противоречий в будущем. В дальнейшем они периодически возникали между двумя народами. Дело доходило даже до того, что Балкария попыталась выделиться из общей автономии в отдельную область. Но в итоге центральные органы власти в Москве пришли к выводу о том, что это лишь в очередной раз обострит существующие земельные противоречия, и посчитали проект такого объединения нецелесообразным³.

В том, что проект выделения Балкарской области не состоялся, значительную роль сыграли экономические факторы, поскольку все расчеты показывали следующее: существование одной лишь Балкарии как самостоятельной области невозможно в первую очередь по экономическим соображениям, и наилучший вариант для социально-экономического развития этих народов – объединение в рамках общего государственного образования⁴. Присутствие этих же факторов повлияло на то, что вскоре Горская ССР была упразднена и разделена на два автономных образования по этническому признаку: Ингушетию и Северную Осетию⁵. Таким образом, создание горских автономий обусловлено различными причинами. Часть из них имела национальную, этническую подоплеку, другая часть определялась экономическими факторами, которые были не менее важны, чем национально-этнические. При их рассмотрении у центральных властей созревали самые различные решения. В каком-то случае требовалось объединить те или иные народы в рамках одной автономной государственной единицы, в других случаях, наоборот, происходила ликвидация, казалось бы, устоявшихся

¹Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 13. Л. 39.

² ЦГА КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 13. Л. 39.

³ ЦГА КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.

⁴Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областной парторганизации (1917–1922). Сборник документов и материалов. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. – С. 270.

⁵Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 1235. Оп.119. Д.68. Л.Л.3–4.

государственно-этнических образований. Так, например, произошло с Горской Республикой, которая, как считали в центре, сыграла свою роль и должна была уступить новым формам государственного бытия северокавказских народов.

Нельзя утверждать, что все эти преобразования проходили плавно и без противоречий. Зачастую решения центра были спорными и конфликтными. Но все же определенная логика в этих преобразованиях была. В конечном итоге данный процесс привел к возникновению системы так называемых двуединых автономий, которые формировались из прежней объединенной Горской Республики. Чеченский, балкарский, кабардинский и карачаевский народы получили свою государственность, хотя и в симбиозе с другими этническими группами.

В целом такой путь национального развития государственности Северного Кавказа был более оптимальным, чем их существование в рамках одного большого государственного образования. И с экономической, и с социально-политической точки зрения возникновение двуединых национальных автономий на Северном Кавказе являлось более продуктивным шагом в аспекте как экономического, так и этнокультурного развития данных этносов. В какой-то степени соответствующие процессы определялись и общим направлением советской национальной политики того времени, в частности, общим курсом на создание Советского Союза, в котором и должен был быть окончательно решен национальный вопрос¹. Впрочем, создание национальных республик и национальных районов на Северном Кавказе не всегда приводило к устранению существовавших ранее национальных противоречий. Прежние нередко уходили на второй план, зато возникали новые, связанные с земельным переделом, территориальными вопросами проживания той или иной этнической группы. Так, например, выделение Шапсугского района на Кубани не привело автоматически к установлению равенства и братства между соседними народами. Начались столкновения на этнической почве, которые нередко сопровождались выселением и изгнанием людей, не относившихся к титульной нации, в частности, армян и русских. Пришлось вмешиваться краевым властям, чтобы прекратить подобные столкновения. Однако практика

¹ Зиновьев Г. Е. Сочинения. В 22 т. Т. 15. Владимир Ильич Ульянов-Ленин. – М., Петроград: Государственное издательство, 1924. – С. 268.

автономизации различных народов центральными властями все-таки признана успешной, и III Всесоюзный съезд Советов, который проходил 20 мая 1925 г., одобрил ее. Было признано, что политика в национальном вопросе, проводимая в последние годы, в том числе и на Северном Кавказе, является вполне успешной.

Не оставалось сомнений в том, что она и впоследствии будет продолжена, а органы управления национальными автономиями получают дальнейшее развитие, в том числе с образованием отдельных советов для этих республик, а также в реализации практики использования языка в деятельности судов, учреждений образования и культуры. Центральная власть исходила из того, что главной целью данной политики является всемерное развитие национальных меньшинств в рамках советской государственности, и все эти меры должны были способствовать дальнейшей реализации их прав и законных интересов.

Важно отметить, что, помимо национальных и экономических факторов в строительстве государственных образований на Северном Кавказе, присутствовал еще один важный мотив – повышение управляемости из центра, как этого региона в целом, так и отдельных этнических сообществ. Следует признать, что в какой-то степени данную цель центральным властям реализовать удалось, и степень управляемости регионом в середине 20-х гг. XXв. была несравнимо выше, чем ранее. Контроль из центра реально удалось установить над только что созданными автономиями. Вместе с тем внутри них система местной власти была далеко несовершенна, и степень управляемости на местах оставляла желать лучшего. В национальной политике того времени, таким образом, оставались значительные перекосы.

Чтобы хоть в какой-то степени сгладить их в отношении Северного Кавказа и других национальных окраин, в 1926 г. создали специальную комиссию по проблемам национальных районов и государственного строительства в них. М.И. Калинин, председатель ВЦИК, и возглавил данную комиссию¹. Ввиду этого отдел национальностей при Президиуме ВЦИК СССР и Правительство РСФСР в ноябре 1926 г. созвали специальное совещание по проблемам национального строительства. Среди вопросов, рассмотренных на данном совещании, были и вопросы

¹ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 2. Д. 188. Л.Л.20–23.

о придании автономным объединениям новых прав, об определении их отличия от общероссийских губерний, о тех характеристиках, которые давали возможность перейти от автономной области к автономной республике, и о том, чтобы передать национальному населению этих республик больше прав в процессе экономической деятельности и землепользования. Рассматривался также вопрос о взаимоотношениях коренного населения национальных автономий и пришлого русскоязычного элемента. По итогам деятельности совещания констатировалось, что многие проблемы управления и правовой организации данных республик так и не нашли своего решения. Члены совещания обращали внимание на то, что в национальных автономиях не существует выверенной нормативно-правовой базы, принимается путаное законодательство, которое не дает возможность наладить систему управления в этих регионах и приводит к тому, что интересы коренных национальностей зачастую попираются, а их права в ряде случаев не соблюдаются¹.

Что же предлагали члены ВЦИК и ЦИК СССР? Изменить законодательную базу с тем, чтобы конституционные права автономных республик были учтены в новых законах более полно, дополнить такие верховные органы советского государства, как ВЦИК и Президиума ВЦИК, новыми членами – представителями автономных государственных образований и областей, предоставить им возможность для рассмотрения в этих высших органах комплекса вопросов, связанных с национальными отношениями, создать в высших законодательных органах советского государства особые комиссии, состоящие из представителей автономных национальных республик, которые бы ведали нуждами данных государственных образований².

В материалах совещания подчеркивалось, что органы центральной советской власти вступили на путь чрезмерной государственной централизации, в то время как в национальных автономных республиках, наоборот, ощущается большое стремление к самостоятельности, решению социально-экономических вопросов местного значения, предоставлению больших прав в управлении собственными государственными образованиями. Как видим, все это потребовало создания новой

¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 188. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 188. Л. 26.

системы взаимоотношений между центральной властью и автономными государственными образованиями. Так, например, на комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) были рассмотрены вопросы о постепенном преобразовании автономных областей в автономные республики. Причем подчеркивалось, что в ряде случаев автономные области и по количеству населения, и по своему социально-экономическому развитию ничуть не уступают автономным республикам, и было бы вполне логично уравнивать между собой этносы, проживающие и в тех, и в других. Предполагалось, что такие автономные государственные образования получают значительно больше прав в сфере внутреннего устройства, местной бюджетной политики, регионального законодательства и т.д. За центром же предполагалось сохранение ряда функций и поддержание общих конституционных начал советского государства¹.

Большое внимание в деятельности комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) уделялось партийной работе в национальных автономиях, что неудивительно. Как мы знаем, советский строй представлял собой всеобъемлющую партию-государство, которая управляла всеми общественными процессами, как в центре, так и на местах. Исходя из этого, вопросы партийного строительства в национальных автономиях представлялись советскому руководству крайне важными. Отдельное внимание уделялось борьбе с различными внутрипартийными группировками и фракциями, отклоняющимися от генеральной линии партии. При этом подчеркивалось, что недопустимо высокомерное, пренебрежительное отношение к национальным меньшинствам и что партийные руководители должны уделять значительное внимание работе с местным населением и национальными кадрами². В этом руководство видело залог успеха собственной национальной политики.

Далеко не все из предложенного в отношении национальных республик реализовано в полной мере. Конечно, всем планам не суждено было сбыться, но кое-что все-таки сделано. Частично требования национальных автономий удовлетворены. В то же время, к примеру, государственно-правовое положение автономных национальных областей практически не претерпело изменений. Вследствие этого в них сохранялись значительные

¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 188. Л. 26.

² ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 188. Л. 26.

национальные противоречия. Причем вовсе не обязательно, что они были между русскими и коренным населением национальных автономий. Нередко острые противоречия возникали между самими государствообразующими нациями. Так, например, в Карачаево-Черкессии черкесы неоднократно жаловались на засилье карачаевцев. Они считали, что интересы черкесского народа в органах власти значительно ущемляются. В этих случаях, как может показаться странным, представители обоих народов испытывали гораздо больше доверия к русским, чем друг к другу. Каждая из сторон подозревала другую в национализме и желании продвинуть во власть своих. Поэтому нередко русские руководители в частности и русское население в целом своего рода амортизировало ситуацию в этих непростых национальных взаимоотношениях¹.

Не добавляло стабильности и стремление центра к оптимизации системы управления национальных автономий, а также сокращение финансирования их государственного аппарата. Эти причины также заставляли центральные власти объединять разные народы в рамках одной автономной республики и принимать непопулярные решения в сфере управления ими. Отдельно следует упомянуть о том, что зачастую границы этих автономий проводились по-живому, нередко разделяли этнические группы и горские сообщества. Любая попытка того или иного этноса восстановить утраченные границы оборачивалась кровавыми событиями. Так, например, объединение Чечни и Ингушетии заняло без малого почти десятилетие. Нередко местные партийные органы, как это случилось в ноябре 1927 г., выносили решение о том, что такое объединение является плохо подготовленным, непродуманным и преждевременным. Как следствие, создавались разнообразные национальные комиссии, которые должны были выработать пути и, как говорится, нащупать почву для такого объединения².

Несмотря на все эти противоречия и порой ошибочные действия центра, национальные автономии Северного Кавказа не стремились выйти из состава Российской Федерации. Это подтверждает пример Северной и Южной Осетии периода 1925

¹ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.163. Оп.1. Д.433. Л.12.

² Центр хранения данных Республики Северная Осетия – Алания (ЦХД РСО-А). Ф.7. Оп.1. Д.510. Л.3.

г. В частности, предполагалось создать из Северной и Южной Осетии объединенную республику и включить ее в состав Грузинской ССР. Столицей этого нового государственного образования должен был стать город Владикавказ. Но Северная Осетия решительно выступила против данного предложения и предпочла остаться в составе РСФСР, хотя осетинский народ из-за этого решения так и остался обделенным¹.

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. ситуация в национальных республиках Северного Кавказа коренным образом меняется. Как известно, в этот период началась форсированная индустриализация, коллективизация страны, что, помимо прочего, привело к усилению централизации и диктата сверху. Поэтому объем прерогатив и полномочий центральных органов власти в сфере промышленности, финансов, земледелия неуклонно возрастал. Конечно, это не могло не сказаться на существовании северокавказских автономий. Но отдельные тенденции, начатые в 20-х гг. XX в. в области национального строительства, несмотря ни на что сохраняли свою силу. Например, некоторые автономные области преобразованы в республики, что, в частности, на Северном Кавказе коснулось Калмыкии. В начале 30-х гг. XX в. крупные народы РСФСР могли так или иначе самоопределиться в качестве отдельной автономной республики, автономного района и даже отдельных сельсоветов².

Новые веяния ощущались все сильнее. Так, в середине 30-х гг. XX в. окрепло направление в политике центральных властей, известное как борьба с буржуазным национализмом. Согласно данному направлению, все вопросы, связанные с национальными автономиями, решались в административном порядке и быстро, без оглядки на мнение проживающего на соответствующей территории населения. В 1934 г. Ингушетия, вопреки желанию ее народа, присоединена к Чечне. Это происходило без учета культурных, национальных, этнических особенностей ингушей. К тому же часть ингушских земель в районе города Владикавказа передали Северной Осетии, что также вызвало недовольство ингушей.

¹ ЦХД РСО-А. Ф.7. Оп.1. Д.510. Л.3, Д.922. Л.1.

² Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М.:Славянский диалог, 2000. – С. 166.

Преобразования происходили и в других республиках. В 1936 г. все они были юридически закреплены, что нашло отражение в новой Конституции СССР. К 1937 г. новые законодательные нормы приняты и в некоторых автономных республиках. Так, например, Чрезвычайный III съезд Советов Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики (ЧИАССР) утвердил новую Конституцию этой автономной республики, которая содержала новые для того времени положения, отражающие установки центральной власти. 2 июня 1940 г. утверждено образование ЧИАССР. Проведено новое районирование республики, выделено 25 районов, 5 из них – ингушские, с населением свыше 71 тыс. человек, а из представителей местной власти только 23,6 процента составляли ингуши из 221 сельского совета¹.

Итак, несмотря на всю противоречивость периода создания государственных автономных образований на Северном Кавказе, данный процесс сформировал условия для самоопределения северокавказских этносов. От существования этнических сообществ на условиях самоорганизации и самоопределения данные народы перешли к развитым формам национально-государственной жизни, что позволило им достигнуть новой ступени своего этнокультурного и социально-политического развития. Таким образом, политика коммунистической партии в национальном вопросе на Северном Кавказе полна противоречий и шероховатостей, но в целом ее отличала гибкость и умение реагировать на возникающие вызовы. В одних вопросах она предполагала централизацию и административное давление, а в других – учет национальных особенностей и уважение прав коренного населения Север-Кавказского региона.

После прочного установления советской власти в начале 20-х гг. XXв. начался новый этап в строительстве горской государственности. С того периода в значительной мере данный процесс регулировался центральными органами власти советской республики. Поэтому во многом он совпадал с идеологической и политической линией большевиков, направленной на создание советского федеративного государства и предоставление в его рамках в различной степени самостоятельности национальным

¹Кокорхоева Д.С. Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа. 1917–1944 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 2001. – С.19.

окраинам. Исходя из данных установок, развивался процесс становления горской государственности на Северном Кавказе. В своей основе, несмотря на ряд ошибок, этот процесс носил позитивный характер. Он предусматривал освобождение от любого национального гнета, уважение прав и интересов северокавказских этносов. По существу, с этого момента начался их переход к основам государственной жизни и собственного государственного бытия.

По сути, этот процесс выводил горские народы на новую ступень социально-экономического развития и обеспечивал им формирование основ их государственной жизни в рамках создаваемых новых советских государственных объединений. Нельзя не отметить, что зачастую данный процесс не в полной мере учитывал интересы отдельных этносов и этнических групп, исходя из того, что главными критериями его были сохранение политического контроля над данными этносами со стороны центра, принцип экономической целесообразности и взаимодополняемости. В соответствии с этим началось формирование двуединых республик из представителей различных этносов, нередко мало связанных между собой в этнокультурном плане.

В практическом смысле большевики перешли от ликвидации крупных государственных структур на Северном Кавказе к формированию небольших двуязычных государственных образований. В дальнейшем их судьба определялась поворотами политики центральной власти в отношении национальных окраин. Им предоставлялось больше самостоятельности и возможности для местного самоуправления. С 1930-х гг. усиливался контроль из центра за их общественной и государственной жизнью. Конечно, о полной государственной независимости в данном случае не могло идти и речи.

Вместе с тем в рамках советской государственности данные народы получали необходимые навыки властной организации, общественной жизни и националостроительства. По существу, это позволило сохранить национальную самобытность данных этносов, их культуру и в значительной мере общественный строй и традиции. Таким образом, формирование государственности такого типа до начала 1940-х гг. не решило полностью многочисленные национальные проблемы на Северном Кавказе, но позволило этим народам выйти на новый уровень этнического развития и в рамках советской государственности

получить достойное место в семье других народов советской, российской государственности.

Библиографический список

1. *Абдулатипов Р.Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России. – М.: Славянский диалог, 2000. – 655 с.
2. Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областнойпарторганизации (1917–1922). Сборник документов и материалов.–Нальчик:Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. – 324 с.
3. Государственный архив Российской Федерации(ГАРФ). Ф.Р. 1235. Оп.119. Д.68. Л.Л.3–4.
4. ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 2. Д. 188. Л.Л. 20–23.
5. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д.188. Л. 26.
6. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 188. Л. 5.
7. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 188. Л. 26.
8. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 188. Л. 26.
9. Государственный архив Ставропольского края(ГАСК). Ф.163. Оп.1. Д.433. Л.12.
10. *Зиновьев Г.Е.* Сочинения. В 22 т. Т. 15. Владимир Ильич Ульянов-Ленин. – М.,Петроград: Государственное издательство,1924. – 310 с.
11. *Кокорхоева Д.С.* Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа.1917–1944 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 2001. – 23 с.
12. Центр хранения данных Республики Северная Осетия – Алания (ЦХД РСО-А). Ф.7. Оп.1. Д.510. Л.3. Д.922. Л.1.
13. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики(ЦГА КБР). Ф.Р-8. Оп.1. Д.7. Л.11.
14. ЦГА КБР. Ф.Р-8. Оп.1. Д.13. Л.39.
15. ЦГА КБР. Ф.Р-8. Оп.1. Д.13. Л.39.
16. ЦХД РСО-А. Ф.7. Оп.1. Д.510. Л.3.



И. А. Кравец

аспирант

Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина
Rasskasov@mail.ru

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ РСФСР
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL
FRAMEWORK FOR THE ACTIVITIES
OF THE RSFSF AIR FORCE DURING THE CIVIL WAR**

В статье анализируется процесс становления организационной структуры и правового регулирования военной авиации молодой Республики Советов в годы Гражданской войны. Отмечается, что данный процесс осуществлялся на протяжении нескольких этапов. Первоначальный этап строительства регулярного Военно-воздушного флота (ВВФ) РСФСР завершился 24 мая 1918 г., когда в структуре Наркомата по военным делам было образовано Главное управление Рабоче-крестьянского Красного Военно-воздушного флота (Главвоздухфлот). К осени 1918 г. был окончен второй этап строительства Красного Военно-воздушного флота. Для руководства Военно-воздушного флота на фронтах Гражданской войны, согласно опыту деятельности Полевого управления авиации и воздухоплавания в действующей армии периода Первой мировой войны (упраздненного в

марте 1918 г.), 22 сентября 1918 г. приказом Главкома ВС РСФСР № 9 образовано Полевое управление авиации и воздухоплавания в действующей армии (Авиадарм) при штабе Реввоенсовета (РВС). На последнем этапе Гражданской войны осуществлена реорганизация аппаратов управления, в результате которой Авиадарм переформирован в штаб начальника Воздушного флота действующей Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). В оперативном отношении штаб подчинялся начальнику Полевого штаба Реввоенсовета Республики (РВСР). Автором рассмотрены вопросы, связанные с правовым регулированием комплектования Рабоче-крестьянского Красного Военно-воздушного флота, с учетом того, что в военной авиации старой армии значительную часть составляли летчики и летчики-наблюдатели из числа офицеров и унтер-офицеров. Ввиду дефицита в командных кадрах Народный комиссариат по военным делам в августе 1918 г. установил процедуру поступления на службу в Военно-воздушный флот на командные должности.

Ключевые слова: Военно-воздушный флот РСФСР; Наркомат; Воздухоплавательный Совет; Главвоздухфлот; Авиадарм; структура; военные специалисты; окружные управления Красного Военно-воздушного флота; Революционный военный совет; Коллегия.

In the article the process of formation of organizational structure and legal regulation of military aviation of the young Republic of the Soviets during the Civil War is analyzed. It is noted that this process was carried out during several stages. The initial stage of construction of the regular Air Fleet (Air Force) of the RSFSR was completed on May 24, 1918, when in the structure of the People's Commissariat for Military Affairs was formed the Main Directorate of the Workers' and Peasants' Red Air Fleet (Glavvozdukhflot). By the autumn of 1918 the second stage of the Red Air Fleet construction was completed. For the management of the Air Fleet at the Civil War fronts, according to the experience of the Field Department of Aviation and Aeronautics in the active army during the First World War (abolished in March 1918), 22 September 1918. By order of the Commander-in-Chief of the RSFSR Armed Forces No. 9 was established the Field Department of Aviation and Aeronautics in the operating army (Air Force) at the headquarters of the Revolutionary Military Council (RVS). At the last stage of the Civil War was carried out the reorganization of the control apparatus, which resulted in the Air Force was transformed into the headquarters of the Chief of the Air Fleet of the operating Workers' and Peasants' Red Army (RKKA). In operational terms, the headquarters was subordinated to the Chief of Field Staff of the Revolutionary Military Council of the Republic (RVSR). The author considered the issues related to the legal regulation of manning the Workers' and Peasants' Red Air Fleet, taking into account the fact that in the military aviation of the old army, a significant part were pilots and observers from among officers and non-commissioned officers. In view of the shortage of command staff, the People's Commissariat for Military Affairs in August

1918 established the procedure for joining the Air Force in command positions.

Keyword: Military-air fleet of the RSFSR, the people's Committee, Aeronautical Board, Glavvosduhflot, Aviadarm, structure, military experts, the district Directorate of the red VVF, the Revolutionary military Council (PBC), the Board, the order.

В 1917 г. большевики свергли Временное правительство и на II Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 26 октября объявили об учреждении Совета народных комиссаров (Совнаркома) «для управления страной». Председателем рабоче-крестьянского правительства являлся В.И. Ульянов (Ленин). В его структуру входили комитеты, в том числе Комитет по делам военным и морским, позднее – Народный комиссариат (Наркомат) по военным делам.

20 декабря 1917 г. Наркомат по военным делам приказом № 4 учредил Всероссийскую коллегию по управлению Воздушным флотом Российской Республики, на которую возлагались задачи руководства формированием авиачастей, центральных и местных органов управления Воздушным флотом, а также сохранением и сбережением авиационного имущества, подготовкой личного состава и организацией материально-технического обеспечения¹.

22 января 1918 г. на I Всероссийском воздухоплавательном съезде в Петрограде был избран Воздухоплавательный Совет, представители которого также вошли во Всероссийскую коллегию по управлению Воздушным флотом². В сложившейся ситуации Коллегия обрела статус центрального аппарата Советской России по управлению Военно-воздушным флотом: частями, учреждениями и предприятиями военной авиации и воздухоплавания страны, как на территории театра военных действий, так и в тылу. В середине января 1918 г. Коллегия вошла с ходатайством в Наркомат по военным делам о том, чтобы не расформировывать авиачасти при демобилизации

¹Пчелин И. А., Сидоров И. Т. В тени Великой державы: политика в области военной авиации // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2011. – Т. 2. – № 7. – С. 398.

²Дружинин Ю. О., Емелин А.Ю., Павлушенко М.И., Соболев Д.А. Страницы истории отечественного воздухоплавания. – М.: Русавиа, 2013. – С. 140.

старой армии и не предпринимать реформирования ВВФ без ее ведома¹.

Значительные изменения происходили и в структуре управления авиационной промышленности. 28 июня 1918 г. Совнарком объявил все авиазаводы собственностью РСФСР². Для упорядочения деятельности авиапромышленности (заводов, фабрик, мастерских) учреждено и с 1 января 1919 г. приступило к работе Главное управление авиационной промышленности (Главкоавиа) в структуре Отдела металла Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). К концу года Главкоавиа передано в ведение Совета военной промышленности, где были сосредоточены все отрасли данной специализации. Во главе находилась Коллегия из 5 членов, а структуру Главка составляли производственно-технический, административно-финансовый и организационно-статистический отделы, а также Главное технико-нормировочное бюро и испытательная станция. К концу 1920 г. в ведении Главкоавиа находились 17 авиапредприятий, прежние названия которых были упразднены и присвоена нумерация³.

Следует отметить, что после заключения Брестского мира военные летчики разделились примерно на две равные части – на красных и белых, число самолетов также было почти поровну⁴. В середине марта 1918 г. все авиачасти, перешедшие в Красную армию, получили название частей Рабоче-крестьянского Красного воздушного флота (РККВФ), личный состав которых в качестве вольнонаемных зачислялся на службу. При этом все авиаторы, принявшие решение перейти на службу в Красную армию,

¹Колесниченко И. Создание органов управления советских Военно-воздушных сил (1917–1918) // Военно-исторический журнал. – 1976. – № 2. – С. 90.

²О национализации крупнейших предприятий по горной, металлургической и металлообрабатывающей, текстильной, электротехнической, лесопильной и деревообделочной, табачной, стекольной и керамической, кожевенной, цементной и прочим отраслям промышленности, паровых мельниц, предприятий по местному благоустройству и предприятий в области железнодорожного транспорта: декрет СНК РСФСР от 28 июня 1918 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

³Генерал В. С. Михайлов. 1875–1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности / сост. Ю. В. Ильин, Л. Я. Саев, Н. В. Ильина. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 400–401.

⁴Хлопотов О. Д. История военной авиации. В 2 кн. Кн. 1. От первых летательных аппаратов до реактивных самолетов. 1903–1950 гг. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2004. – С. 63.

проходили процедуру доскональной персональной проверки специальной комиссии. К апрелю были установлены принципы организационного управления в структуре РККВФ. Центральные и окружные органы управления, а также управленческий аппарат военных авиашкол и авиапарков являлись коллегиальными, а в авиачастях устанавливалось единоначалие командира. Его избирали на общих собраниях частей из числа лучших военных летчиков или летчиков-наблюдателей (временно исполняющих должность командира). Причем выдвигались не менее трех кандидатов, один из которых утверждался вышестоящей инстанцией¹. В конце весны 1918 г. РККА имела достаточное число авиачастей, нуждавшихся в централизованном управлении. Коллегия по управлению Воздушным флотом исчерпала себя, выполнив поставленные задачи по сохранению авиации как рода войск и способствованию формированию авиачастей в системе РККА².

Первоначальный этап строительства регулярного Военно-воздушного флота завершился 24 мая 1918 г., когда в структуре Наркомата по военным делам было образовано Главное управление Рабоче-крестьянского Красного Военно-воздушного флота (Главвоздухфлот). Его возглавлял Совет в составе начальника Главвоздухфлота М.И. Соловова и двух комиссаров – К.В. Акашева и А.В. Сергеева (первый отвечал за материальное снабжение, денежную отчетность, заводские и научно-технические дела, а введении второго находились все административно-строевые и организационные сферы)³. По вопросам авиационного снабжения Главвоздухфлот подчинялся Центральному управлению снабжения (ЦУС) РККА, организованному 1 июня 1918 г. Авиашколы и другие специализированные учебные заведения с начала 1919 г. в политико-просветительной и административно-хозяйственной сферах находились в ведении Управления военными учебными

¹Колесниченко И. Создание органов управления советских Военно-воздушных сил (1917–1918) // Военно-исторический журнал. – 1976. – № 2. – С. 91.

²Греджев В. А. Правовые основы создания военной авиации РСФСР // Публичное и частное право. – 2013. – № 1. – С. 57.

³Приказ Народного комиссариата по военным делам № 385 от 24 мая 1918 г. // Сборник приказов по Народному комиссариату по военным делам 1918 г. – М., 1919. – С. 281–282.

заведениями РККА, а в специальном ведении – у Главвоздухфлота¹.

22 июля 1918 г. приказом Народного комиссариата по военным делам установлена структура Военно-воздушного флота РСФСР и система подчинения его составляющих звеньев. Верхним звеном, «руководящим технико-административным и снабжающим органом» ВВФ в целом, являлся Главвоздухфлот во главе с Советом, состоящим из начальника и двух комиссаров, которые назначались Наркоматом по военным делам. Совету отводилась руководящая роль частями и учреждениями Главвоздухфлота по всем вопросам. При этом начальник Главка разрешал организационно-административные вопросы, а комиссары отвечали за политическую сферу деятельности подведомственных управлений и учреждений ВВФ.

К среднему звену были отнесены окружные управления Красного ВВФ, в ведении которых находились все части и учреждения, входящие в состав данного военного округа и дислоцированные на его территории. Как и в вышестоящем звене, во главе окружных управлений стоял Совет с аналогичным составом и назначаемым в таком же порядке. Окружные управления подчинялись Главвоздухфлоту, но по вопросам оперативного характера находились в ведении окружных комиссариатов по военным делам.

Нижним звеном являлись все авиа- и воздухоплавательные части ВВФ, управление в которых осуществлялось на принципах единоначалия. Начальники указанных частей в зависимости от подчинения назначались Главвоздухфлотом либо окружными управлениями. В необходимых случаях этими же органами в отдельных авиа- и воздухоплавательных частях могли назначаться комиссары. Кроме того, во всех частях учреждались Технико-хозяйственные комитеты в составе трех членов. Обязанности Комитетов ограничивались контрольными функциями «без вмешательства в боевые и оперативно-распорядительные распоряжения начальников частей». В случаях, когда Комитеты усматривали незаконные действия или распоряжения руководства частей относительно технико-

¹Елисеев С. П., Нечаев В. Н., Ефремов Р. В. «Авиация переживает критический период...». Анализ деятельности Всероссийской коллегии Рабоче-крестьянского Красного Воздушного флота (по материалам протоколов заседаний, хранящихся в РГВА)// Военно-исторический журнал. – 2011. – № 8. – С. 14.

хозяйственной сферы деятельности подразделений, они докладывали об этом в зависимости от подчинения либо в Совет Главвоздухфлота, либо в Совет окружных управлений¹. Поскольку в рассматриваемое время шла Гражданская война и большая часть территории Советской России находилась под контролем белых армий, окружные управления Красного ВВФ были территориально образованы лишь в Московском и Ярославском военных округах, где удерживалась советская власть.

Между тем еще 10 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов принял Конституцию РСФСР, которая признавала обязанностью всех граждан страны «защиту социалистического Отечества» и устанавливала всеобщую воинскую повинность². На Съезде констатировалось, что «старая армия... потерпела страшный разгром в империалистической войне народов», рухнул аппарат военного управления. Поэтому каждый гражданин в возрасте от 18 до 40 лет обязан «по первому зову Советской Республики встать на ее защиту от внешних и внутренних врагов» в ряды РККА. В целях «создания централизованной, хорошо обученной и снаряженной армии» Съезд принял решение о привлечении в РККА военных специалистов «из числа офицеров бывшей армии»³. Почти через месяц Совнарком признал возможным привлечь на командные должности в РККА «честных и мужественных сынов народа из числа бывших унтер-офицеров»⁴.

Указанные законоположения приобретали существенное значение в деле комплектования Рабоче-крестьянского Красного Военно-воздушного флота, если иметь в виду, что в военной авиации старой армии значительную часть составляли летчики и летчики-наблюдатели из числа офицеров и унтер-офицеров. Поскольку в этот период Красный ВВФ испытывал дефицит в командных кадрах, Наркомат по военным делам в августе 1918 г.

¹ Приказ Народного комиссариата по военным делам № 571 от 22 июля 1918 г. // Сборник приказов по Народному комиссариату по военным делам 1918 г. – М., 1919. – С. 400–401.

² Конституция (Основной закон) РСФСР: принята на заседании V Всероссийского съезда Советов 10 июля 1918 г. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об организации Красной Армии: постановление V Всероссийского съезда Советов от 10 июля 1918 г. Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».

⁴ О призыве на обязательную военную службу лиц, служивших в войсках унтер-офицерами: декрет СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

установил процедуру поступления на службу в ВВФ на командные должности, в том числе командиров отрядов, групп, парков, специализированных школ, а также начальников окружных управлений и Главвоздухфлота. В двух последних случаях дела кандидатов на указанные должности рассматривались Высшей аттестационной комиссией РККА¹.

В связи с тем, что 2 сентября 1918 г. ВЦИК объявил Советскую Россию «военным лагерем», во главе всех фронтов и военных учреждений поставлен вновь организованный Революционный военный совет (РВС) под началом Л.Д. Троцкого. Учреждена должность Главнокомандующего всеми фронтами (Вооруженными силами РСФСР). Им назначили И.И. Вацетиса², бывшего командира Латышской стрелковой дивизии. 5 декабря 1918 г. Совнаркомом утвержден правовой статус Главкома ВС Республики³, Командующего армиями фронта⁴ и Командующего армией, входящей в состав армий фронта⁵. Подобный подход предпринят в целях построения организационно-управленческой структуры военного управления в действующей армии.

Для руководства ВВФ на фронтах Гражданской войны, по опыту деятельности Полевого управления авиации и воздухоплавания в действующей армии периода Первой мировой войны (упраздненного в марте 1918 г.), 22 сентября 1918 г. приказом Главкома ВС РСФСР № 9 образовано Полевое управление авиации и воздухоплавания в действующей армии (Авиадарм) при штабе РВС во главе с комиссаром Главвоздухфлота А.В. Сергеевым. Авиадарм находился в ведении РВС, которому в части снабжения и технического обеспечения подчинялся Главвоздухфлот⁶.

¹ Приказ Народного комиссариата по военным делам № 714 от 17 августа 1918 г. // Сборник приказов по Народному комиссариату по военным делам 1918 г. – М., 1919. – С. 522.

² Советская Республика – военный лагерь: постановление ВЦИК от 2 сентября 1918 г. // Правда. – 1918. – 4 сентября.

³ О Главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики: постановление СНК РСФСР от 5 декабря 1918 г. (положение). Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О Командующем армиями фронта: положение СНК от 5 декабря 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 4. – М., 1968. – С. 152–154.

⁵ О Командующем армией, входящей в состав армий фронта: положение СНК от 5 декабря 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 4. – М., 1968. – С. 154–157.

⁶ Колесниченко И. Указ. соч. С. 92.

Таким образом, к осени 1918 г. завершился второй этап строительства Красного ВВФ: на территории театра военных действий Гражданской войны, как и в минувшую войну, фронтowymi авиа- и воздухоплавательными частями ведал Авиадарм, а в тылу проблемы формирования частей, обеспечения их снабжения, подготовки кадров летного и технического состава возлагались на Главвоздухфлот.

На последнем этапе Гражданской войны осуществлена реорганизация аппаратов управления. 25 марта 1920 г. приказом № 447 РВС Республики Авиадарм переформирован в штаб начальника Воздушного флота действующей РККА, который в оперативном отношении подчинялся начальнику Полевого штаба РВСР. В ведении штаба начальника Воздушного флота находились все авиа- и воздухоплавательные части, штабы и учреждения ВВФ. Кроме того, было создано Управление снабжения ВВФ, а в структуре Главвоздухфлота образован учебный отдел, ведавший всеми специальными учебными заведениями Рабоче-крестьянского Красного воздушного флота¹.

После ликвидации фронтов Гражданской войны в начале сентября 1921 г. штаб начальника Воздушного флота действующей РККА включен в состав Главвоздухфлота², преобразованного с 1 апреля 1924 г. в Управление Военно-воздушными силами РККА («с задачами учебной, строевой и боевой подготовки Рабоче-крестьянских Красных Воздушных сил и снабжения специальным имуществом»), подчиненного РВС СССР³. С этого времени берет отчет организационно-правовое развитие Военно-воздушных сил СССР.

Библиографический список

¹ Дружинин Ю. О., Емелин А. Ю., Павлушенко М. И., Соболев Д. А. Указ. соч. С. 159.

² О введении в действие Положения о Главном управлении Рабоче-крестьянского Красного Воздушного флота: приказ Реввоенсовета РСФСР № 2186 от 3 октября 1921 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О реорганизации центрального аппарата Народного комиссариата по военным и морским делам: приказ РВС СССР № 446 от 28 марта 1924 г. // Реформа в Красной Армии. Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2 кн. Кн. 1 / сост. В. А. Арцыбашев, Д. И. Борисов и др. – М.; СПб.: Летний сад, 2006. – С. 129–132.

1. Греджев В.А. Правовые основы создания военной авиации РСФСР // Публичное и частное право. – 2013. – № 1. – С. 54–62.
2. Дружинин Ю.О., Емелин А. Ю., Павлушенко М. И., Соболев Д. А. Страницы истории отечественного воздухоплавания. – М.: Русавиа, 2013. – 512 с.
3. Елисеев С.П., Нецаев В.Н., Ефремов Р.В. «Авиация переживает критический период...». Анализ деятельности Всероссийской коллегии Рабоче-крестьянского Красного Воздушного флота (по материалам протоколов заседаний, хранящихся в РГВА) // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 8. – С. 3–14.
4. Колесниченко И. Создание органов управления советских Военно-воздушных сил (1917–1918) // Военно-исторический журнал. – 1976. – № 2. – С. 88–93.
5. Генерал В. С. Михайлов. 1875–1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности / сост. Ю. В. Ильин, Л. Я. Саэт, Н. В. Ильина. – М.: РОССПЭН, 2007. – 421 с.
6. Пчелин И.Л., Сидоров И.Т. В тени Великой державы: политика в области военной авиации // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2011. – Т. 2. – № 7. – С. 397–398.
7. Хлопотов О.Д. История военной авиации. В 2 кн. Кн. 1. От первых летательных аппаратов до реактивных самолетов. 1903–1950 гг. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2004. – 430 с.



С. С. Саров

аспирант кафедры гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета
имени И.Т. Трубилина
sarov.ss@ya.ru

**ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
ВСЛЕДСТВИЕ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ**

**GROUNDS FOR COMMITMENT
DUE TO UNSUFFICIENT ENRICHMENT**

В статье рассмотрены понятие и основания, возникающие из обязательств вследствие неосновательного обогащения. Характеризуется юридический факт возникновения таких обязательств. Исследуются вопросы правового значения и применения мер, способов защиты гражданских прав. Проводится анализ мнений ученых о возможных методах возврата неосновательного обогащения. Автором сделан вывод о том, что если обогащение возникает как результат реализации какого-либо из рассматриваемых юридических фактов, такого рода обогащение не является неосновательным. В качестве дополнительного признака основания возникновения кондикционных обязательств возможно выделить исполненное обязательство третьим лицом.

Ключевые слова: неосновательное обогащение; кондикция; кондикционные обязательства; правовое основание; юридический факт; гражданские права и обязанности; имущество; увеличение имущества; уменьшение имущества; ущерб.

The article deals with the concept and grounds arising from obligations as a result of unjustified enrichment. The legal fact of occurrence of such obligations is characterized. The questions of legal meaning and application of measures, ways of protection of civil rights are investigated. Opinions of scientists on possible methods of return of unjustified enrichment are analyzed. The author concludes that if enrichment arises as a result of realization of any of the considered legal facts, such enrichment is not unjustified. As an additional sign of the basis of occurrence of conditional obligations it is possible to allocate the executed obligation by the third party.

Keywords: unjust enrichment; conditioning; conditioning obligations; legal basis; legal fact; civil rights and obligations; property; increase in property; decrease in property; damage.

Keywords: legal framework, self-regulation, contractors, participants, control, members of the Association, business structures, consumers of services, regulation, arbitrable function.

Из традиционного правоотношения (лицо без установленных сделкой, законом или прочими правовыми актами оснований, получившее либо сберегшее имущество за счет иного лица, обязано вернуть последнему неосновательно полученное либо сбереженное имущество) следует определять основания возникновения кондикционных обязательств.

В связи с тем, что не определено содержание, поскольку действия сторон изначально не сбалансированы, в науке существовало мнение об отсутствии оснований возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения. В случае реализации неосновательного обогащения потерпевшая сторона извещает государство о долге перед ней лица, неосновательно обогатившегося за счет него. Государством лишь обеспечивается возвращение долга. Но это не несет в себе никаких оснований к возникновению обязательств¹. Очевидно, такая позиция ставит под сомнение как юридическую жизнеспособность кондикции, так и возмещение любого вреда.

Кондикционные обязательства следует трактовать как гражданско-правовые обязательства имущественного характера,

¹Танчук И. А. Хозяйственные обязательства. – М.: Юрид. лит., 1970. – С. 112.

если исходить из юридической сущности неосновательного обогащения. Основания возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения состоят в реализации условий, по отношению к которым в научных источниках высказываются неоднозначные мнения, особенно об их количественном выражении. В ряде случаев несколько условий соединяются в одно¹, в иных, напротив, – отдельные обстоятельства принимаются как самостоятельные условия². Различное выделение условий не нарушает факт существования двух условий неосновательного обогащения:

получение или сбережение имущества одного лица за чужой счет;

отсутствие оснований, установленных сделкой, законом или иным правовым актом.

Ученые, определяя природу рассматриваемых условий, учитывают различные подходы. Н. В. Корнилова полагает, что обогащение посредством получения имущества за счет другого лица выражается в увеличении имущества у одного лица в результате соответственного его уменьшения у другого, а обогащение в виде сбережения имущества одного лица за счет иного предполагает сохранение имущества у одного лица, которое должно было сократиться в итоге того, что иное лицо теряет соответственное имущество³. Можно заключить, что возникновение неосновательного обогащения состоит в увеличении либо сохранении имущества одного лица за счет уменьшения либо сокращения имущества у другого.

Как известно, В. А. Рясенцев применил выражения «обогащение одного лица за счет другого», «ущерб в виде сокращения имущества у иного лица», «увеличение имущества у обогатившегося лица» в качестве отдельных оснований возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения. Увеличение имущества (приобретение) и его

¹Корнилова Н. В. Понятие и условия возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения // Юрист. – 2004. – № 7. – С. 23; Дамбаров С. Д. Основания возникновения и объекты кондикционных обязательств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 9.

²Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй (постатейный) / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. – М.: Юрайт, 2003. – С. 875.

³Корнилова Н. В. Понятие и условия возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения // Юрист. – 2004. – № 7. – С. 21.

сбережение раскрывается В. А. Рясенцевым посредством общей для увеличения имущества обогатившегося и для материального ущерба у потерпевшей стороны причины, в качестве которой он выделяет действие, возможное к совершению самим потерпевшим, приобретателем либо третьим лицом¹.

Наряду с этим положения гражданско-правовой доктрины об институте неосновательного обогащения исходят из обратного, то есть основание возникновения кондикционного обязательства состоит в отсутствии правового основания к обогащению. Еще М. Гурвич писал о том, что отсутствие основания к обогащению – это фундаментальный смысл института обязательств вследствие неосновательного обязательства, его оправдание и цель, представляющий при этом главные трудности его догматической разработки и практического применения².

В этой связи целесообразно рассмотреть правовые основания обогащения, отсутствие которых и будет в свою очередь являться основанием возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения. Для практического применения такого подхода Д. В. Новаком предложен следующий алгоритм действий. Сначала следует определить, имеется ли в основе обогащения тот или иной юридический факт, порождающий правоотношение по перемещению имущественного блага. Далее, если такой юридический факт существует, необходимо установить действительность, достижимость и последующую значимость цели предоставления имущества. Положительный результат подобных действий укажет на правомерность обогащения, отрицательный – на его неосновательность³.

Н. Г. Соломина полагает, что представленный подход к пониманию сущности основания возникновения кондикционных обязательств поддерживается большинством современных ученых-цивилистов, которые рассматривают в качестве основания к обогащению правопорождающий юридический

¹ Советское гражданское право: учебник для вузов. Ч. 2 / отв. ред. В. А. Рясенцев. – М.: Юрид. лит., 1986. – С. 431.

² Гурвич М. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по Гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. – 1925. – № 2. – С. 91.

³ Новак Д. В. Кауза имущественного предоставления и ее значение в обязательствах из неосновательного обогащения // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 3. – С. 174.

факт¹. Соглашаясь с Н. Г. Соломиной, отметим, что при этом некоторые исследователи определяют правовое основание кондикционного обязательства юридическим фактом из ряда тех, что приводятся в ст. 8 ГК РФ в качестве оснований возникновения гражданских обязанностей и прав. Так, к примеру, Н. Н. Агафонова считает, что «под основаниями, за неимением которых имущественная выгода будет расцениваться как неосновательное обогащение, признаются правовые факты, приведенные в пп. 1–5, 8, 9 пункта 1 статьи 8 ГК РФ»². На это указывает и О. Н. Садиков: «Под приведенными в ст. 1102 ГК РФ основаниями следует мыслить различного рода юридические факты, дающие лицу титул на получение имущественных прав. Аналогичные юридические факты приведены в ст. 8 Гражданского кодекса»³.

Приведем пример из судебной практики. Потерпевший Л. обратился в суд с иском к Т. о взыскании с него суммы неосновательного обогащения, образовавшегося ввиду следующих обстоятельств. С ответчиком Т. был заключен договор на осуществление подрядных работ в устной форме. Оплата за выполнение работ и необходимые материалы переданы в безналичной форме в полном объеме. Ответчик Т., ошибочно предполагая устную договоренность, не имеющую юридической силы, выполнил работы лишь частично, о чем истец Л. предоставил суду все необходимые доказательства. Тем не менее юридическим фактом суд признал наличие между сторонами устного договора, явившегося основанием возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения.

В соответствии со ст. 8 ГК РФ гражданские обязанности и права возникают на основаниях, предусмотренных законом либо иным правовым актом, а также из действий юридических лиц и граждан, которые хотя и не предусмотрены законом либо такими актами, но на общих началах и с учетом смысла гражданского законодательства формируют гражданские права и обязательства. В этой связи гражданские права и обязательства возникают из договоров и прочих сделок, законодательно

¹Соломина Н. Г. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: понятие, виды, механизм возмещения. – М.: Юстицинформ, 2009. – С. 20.

²Завидов Б. Д., Гусев О. Б. Правовые проблемы ответственности, вытекающие из неосновательного обогащения // Юрист. – 1999. – № 10. – С. 58.

³Садиков О. Н. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный). – М.:Контракт; Инфра-М, 1998. –С. 707.

предусмотренных, хотя и не установленных законом, но не возражающих ему; из оснований, предусмотренных законом и прочими правовыми актами, а также из действий юридических лиц и граждан, в том числе вследствие неосновательного обогащения. Изучив обстоятельства по делу и предоставленные сторонами доказательства, суд принял решение об удовлетворении иска¹.

Таким образом, если обогащение возникает как результат реализации какого-либо из рассматриваемых юридических фактов, то это обогащение не является неосновательным, и перечень таких фактов приведен в ст. 8 ГК РФ. В качестве дополнительного признака основания возникновения кондикционных обязательств возможно выделить исполненное обязательство третьим лицом. Данный подход свойственен лишь для случаев сбережения имущества вследствие кондикции. Юридический факт возникновения кондикционных обязательств характеризуется следующими признаками:

- 1) ценность и полезность для приобретателя полученного имущества в случае навязанного неосновательного обогащения;
- 2) исполненное третьим лицом обязательство, повлекшее неосновательное сбережение имущества.

Библиографический список

1. *Гурвич М.* Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по Гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. – 1925. – № 2. – С. 88–111.
2. *Дамбаров С. Д.* Основания возникновения и объекты кондикционных обязательств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 28 с.
3. *Завидов Б. Д., Гусев О. Б.* Правовые проблемы ответственности, вытекающие из неосновательного обогащения // Юрист. – 1999. – № 10. – С. 58–62.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй (постатейный) / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. – М.: Юрайт, 2003. – 975 с.

¹ Решение Железнодорожный городской суд Красноярского края от 11 января 2017 г. // Судебные и нормативные акты РФ: офиц. сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/court/resheniya-zheleznogorskii-gorodskoi-sud-krasnoyarskii-krai/?page=11>(дата обращения: 11.12.2019).

5. *Корнилова Н. В.* Понятие и условия возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения // Юрист. – 2004. – № 7. – С. 21–25.

7. *Новак Д. В.* *Кауза* имущественного предоставления и ее значение в обязательствах из неосновательного обогащения // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 3. – С. 155–175.

8. *Садиков О. Н.* Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный). – М.: Контракт; Инфра-М, 1998. – 799 с.

9. Советское гражданское право: учебник для вузов. Ч. 2 / отв. ред. В. А. Рясенцев. – М.: Юрид. лит., 1986. – 575 с.

10. *Соломина Н. Г.* Обязательства вследствие неосновательного обогащения. – М.: Юстицинформ, 2009. – 283 с.

11. *Танчук И. А.* Хозяйственные обязательства. – М.: Юрид. лит., 1970. – 216 с.



М.М. Семенов

аспирант

кафедры гражданского права
Кубанского государственного аграрного
университета имени И. Т. Трубилина
mihail.semenoff2010@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ДОГОВОРА АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНОГО
УЧАСТКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ**

SPECIFICS OF CONCLUDING A LAND PLOT LEASE AGREEMENT FOR AGRICULTURAL PURPOSES

В статье рассмотрены особенности заключения договора аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения. Особое внимание уделено анализу максимальных и минимальных сроков договора аренды, исследовано законодательство субъектов Российской Федерации (РФ) в части их установления. Охарактеризованы особенности договора. Внесено и аргументировано предложение об определении единого положения, предусматривающего минимально допустимый срок аренды земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения – 3 года.

Ключевые слова: земли; земельный участок; сельское хозяйство; использование земель сельскохозяйственного назначения; договор; аренда; арендные правоотношения; сроки; субъект; продукция.

The article deals with the peculiarities of concluding an agricultural land lease agreement. Special attention is paid to the analysis of maximum and minimum terms of the lease agreement, the legislation of the subjects of the Russian Federation (RF) regarding their establishment is studied. The peculiarities of the agreement are characterized. A proposal to determine a single provision providing for the minimum allowable term of lease of a land plot from agricultural land - 3 years was introduced and argued.

Keywords: lands; land plot; agriculture; use of lands of agricultural purpose; contract; rent; rent legal relations; terms; subject; production.

Земли сельскохозяйственного назначения (далее – земли сельскохозяйственного назначения) имеют особую социальную и экономическую ценность, поскольку являются основой сельского хозяйства. Положения ст. 77 Земельного кодекса РФ определяют их как земли, находящиеся за чертой поселений и предоставленные для нужд сельского хозяйства или предназначенные для этих целей. Рассматриваемая категория земель широко используется в деятельности сельскохозяйственных предприятий, организаций и граждан, производящих сельскохозяйственную продукцию.

В связи с этим эффективность и рациональность использования земель сельскохозяйственного назначения – это задачи, которые стоят сегодня перед каждым физическим или юридическим лицом, использующим земли сельскохозяйственного назначения в своей деятельности. Проведение земельной реформы и последовавшие за ней коренные перемены земельного законодательства охватили огромный пласт правоотношений в области сельского хозяйства, оказав существенное влияние на изменение и становление правового режима сельскохозяйственных земель.

До настоящего времени вопрос правовой природы договора аренды земельного участка остается дискуссионным. Так, Ю.А. Басиным, В.С. Мартемьяновым аргументируется мнение, согласно которому договор аренды земельного участка является разновидностью договора имущественного найма, поскольку, по их мнению, договор разрешает долгосрочное использование земельного участка, что, в свою очередь, выступает характерной особенностью для имущественного найма¹. Е.А. Суханов¹ поддерживает данную позицию.

¹Басин Ю.А., Мартемьянов В.С. Договорное право: учебник. – М., 2002. – 401 с.

Ф.М. Раянов полагает, что договором имущественного найма определяются только отношения, касающиеся имущества, которое находится в обычном гражданском обороте. Пределами договора аренды затрагиваются обширные сферы влияния, поскольку он применяется как по поводу имущественных, так и по поводу земельных правоотношений, и имеет своей целью определение земельных отношений². Согласно позиции О.И. Крассова и Б.Ф. Ерофеева, договору аренды природных ресурсов присущи несвойственные для гражданско-правового договора имущественного найма характеристики, так как договор аренды земельного участка по своей сути имеет земельно-правовой характер, а его правовая основа представлена нормативными актами земельного законодательства³. С учетом вышеуказанных мнений ученых определим, что договор аренды земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения является возмездной гражданско-правовой сделкой, сочетающей нормы гражданского и земельного законодательства РФ, при которой не происходит смены собственника земельного участка.

Рассматривая существенные условия договора аренды земельного участка земель сельскохозяйственного назначения, отметим, что предметом договора выступает земельный участок (с учетом его уникальных характеристик), не изъятый из гражданского оборота, состоящий на кадастровом учете. Кроме того, при заключении договора аренды важны перечисленные ниже условия:

- сохранение земельного участка в надлежащем состоянии;
- соблюдение разрешенного вида использования земельного участка;
- соблюдение срока действия договора;
- размер, порядок и форма оплаты арендной платы (при отсутствии в договоре данного условия на основании ст. 654 Гражданского кодекса РФ он считается незаключенным).

На объем арендной платы оказывают влияние индивидуализирующие земельный участок условия: его местоположение, размер и кадастровая стоимость. Статьи 9 и 10

¹ Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 2. Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – 1208 с.

² Раянов Ф.М. Арендные отношения // Агробизнес. – 2001. – №8. – С.9.

³ Крассов О.И., Ерофеев Б.Ф. Вопросы аграрных отношений // Крестьянские ведомости. – 2001. – №28. – С.4–7.

Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее – Закон) регулируют арендные правоотношения собственников и арендаторов. В частности, в ст. 9 Закона урегулирована аренда земельных участков, находящихся в любой собственности, а максимальный срок арендных отношений ограничивается 49 годами. Определение минимального срока оставлено на усмотрение субъектов РФ. Далее арендатор в случае соблюдения условий договора со своей стороны имеет приоритетное право продлить договор.

Статья 10 Закона регулирует условия предоставления в аренду земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Пункт 1 ст. 10 Закона предусматривает, что это осуществляется путем проведения торгов и аукционов. Если участок предоставляется в аренду через торги, то арендная плата устанавливается по их результатам. Начальная цена аукциона устанавливается по результатам рыночной оценки (п. 14 ст.39.11 Земельного кодекса РФ). Арендная плата при аренде без торгов определяется следующим образом:

–если участок передается в аренду на основании п. 5.1 ст. 10 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения или в аренду переоформляется постоянное (бессрочное) пользование, то плата равна 0,3 % кадастровой стоимости (п. 2 ст. 3 Закона о введении Земельного кодекса РФ);

–если участок зарезервирован либо ограничен в обороте и предоставляется в аренду с множественностью лиц на стороне арендатора собственникам земельных участков, расположенных в границах территории ведения гражданами садоводства или огородничества для собственных нужд, то плата не может быть выше земельного налога (п. 2.7 ст. 3 Закона о введении Земельного кодекса РФ);

–в иных случаях размер определяется по Правилам постановления Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582¹ или

¹Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

по правилам субъекта РФ либо местного самоуправления (п. 3 ст. 39.7 Земельного кодекса РФ).

Аукцион необходимо проводить всегда, кроме случаев, когда участок можно сдать без аукциона (п. 1 ст. 39.6 Земельного кодекса РФ). Он проводится в том же порядке, что и аукцион по участкам других категорий. Договор аренды земельного участка, заключенный без аукциона, могут признать недействительным, о чем свидетельствует судебная практика¹.

Январь 2014 г. ознаменовался вступлением в силу изменений в законодательные акты, которыми регулируются земельные отношения в России. Данные изменения затронули и оборот земель сельскохозяйственного назначения, а именно – п. 3 ст. 9 Закона. По общему правилу, срок аренды такого участка может составлять от 3 до 49 лет. Если участком является сенокос или пастбище, то до 3 лет. Оленьи пастбища на Крайнем Севере можно сдать не менее чем на 5 лет (п. 3 ст. 9, п.6 ст.10 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения). При этом для договора важно учитывать как минимальные, так и максимальные сроки. Если договор заключен на срок меньше минимального, суд признает его недействительным².

Если указанный срок больше максимального или не будет указан, то договор будет считаться заключенным на максимальный срок, как следует из п.3 ст. 610 ГК РФ и также подтверждается судебной практикой³. Участки сельскохозяйственного назначения сдаются в аренду без аукциона только в определенных случаях. Порядок аренды участков сельскохозяйственного назначения без аукциона такой же, как и для участков других категорий. Он включает в себя предварительное согласование, кадастровый учет, заявление о

¹Определение Верховного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. по делу № 308-ЭС14-1222, А32-12847/201 // Кодексы и Законы РФ. URL:<https://www.zakonrf.info/suddoc/3df467d92206b4b0e9bafa0e2c63750b/> (дата обращения: 15.01.2020).

²Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 18 января 2017 г. № 06АП-7177/2016 по делу № А04-8584/2016. Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».

³Определение Верховного Суда РФ от 17 апреля 2017 г. № 308-КГ17-213 по делу № А22-4796/2015 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17042017-n-308-kg17-213-po-delu-n-a22-47962015/> (дата обращения: 15.01.2020).

предоставлении и решение о предоставлении (п. 1 ст. 39.14 Земельного кодекса РФ).

Случается, что договор заключается иначе, например, если арендатор – крестьянское (фермерское) хозяйство (КФХ) или участок – выделяется по решению Президента РФ.

Аукцион не нужно проводить, если сдается в аренду участок:

– садовый или огородный, который образован из участка, предоставленного садоводческому или огородническому некоммерческому товариществу, за исключением земельных участков общего назначения, членам такого товарищества (подп. 7 п. 2 ст. 39.6 Земельного кодекса РФ);

– на котором находится здание заявителя (подп. 9 п. 2 ст. 39.6 Земельного кодекса РФ);

– на который оформлено право постоянного (бессрочного) пользования и его переоформляют в аренду (подп. 11 п. 2 ст. 39.6 Земельного кодекса РФ);

– религиозной организации или казачьему обществу (подп. 17 п. 2 ст. 39.6 Земельного кодекса РФ);

–гражданину для сенокосения, выпаса скота, огородничества или для личного подсобного хозяйства (подп. 19 п. 2 ст. 39.6 Земельного кодекса РФ);

– юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, с которым заключено охотхозяйственное соглашение (подп. 24 п. 2 ст. 39.6 Земельного кодекса РФ);

–добросовестному арендатору на новый срок, если он подал заявление до того, как истек срок прежнего договора (подп. 31 п. 2 ст. 39.6 Земельного кодекса РФ);

–взамен изъятого для государственных и муниципальных нужд (подп. 16 п. 2 ст. 39.6 Земельного кодекса РФ);

–выделенный в счет земельной доли, на который зарегистрировано право муниципальной собственности. В этом случае дополнительно нужно соблюдать требования п.5.1 ст. 10 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения;

–юридическому лицу по указу (распоряжению) Президента РФ (подп. 1 п. 2 ст. 39.6 Земельного кодекса РФ);

–гражданам, имеющим право на участок по федеральному закону или закону субъекта РФ (подп. 14 п. 2 ст. 39.6 Земельного кодекса РФ);

–гражданам в виде «дальневосточного гектара» (подп. 34 п. 2 ст. 39.6 Земельного кодекса РФ);

–участнику свободной экономической зоны в Крыму и Севастополе (подп. 38 п. 2 ст. 39.6 Земельного кодекса РФ).

С учетом этого считаем целесообразным и актуальным рассмотреть подробнее такой проблемный момент заключения договора аренды участка сельскохозяйственного значения, как определение минимального и максимального сроков договора. Проблема, на наш взгляд, заключается в следующем. В настоящее время указанные сроки (от 3 до 49 лет) договора установлены только для участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности.

По нашему мнению, предусмотренный Законом максимальный срок аренды играет в большей степени дисциплинирующую, чем регулирующую роль, поскольку подразумевается, что за пределами установленного «максимума» должны действовать другие формы владения земельным участком. Устанавливая настолько длительный максимальный срок аренды (49 лет), законодатель, полагаем, предоставлял арендатору определенные гарантии деятельности последнего. Это делали, например, для привлечения инвестиций и обеспечения возможности последующего выкупа арендатором арендуемого участка сельскохозяйственного назначения в собственность.

Особого внимания заслуживает исследование минимального срока аренды земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения. Так, согласно одному из принципов оборота земель сельскохозяйственного назначения, необходимо сохранять целевое использование земель, что достигается путем совершения арендатором ряда действий: использования земель в соответствии с их целевым назначением, недопущения ухудшения их состояния. Сохранить и повысить плодородие земель сельскохозяйственного назначения возможно, систематически применяя агротехнические, агрохимические, мелиоративные, фитосанитарные, противоэрозионные и другие работы.

С учетом специфики земель сельскохозяйственного назначения становится очевидным тот факт, что вышеуказанные мероприятия провести за короткий промежуток времени не представляется возможным, поскольку реальные сроки их проведения исчисляются годами. Справедливо указано на это и в научной литературе. М.А. Третьякова верно утверждает, что срок аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения

находится в неразрывной взаимосвязи с особенностями отраслей в сельском хозяйстве¹.

Рассматривая региональное законодательство, выделим определенную закономерность: чем выше в конкретном субъекте РФ культура земледелия, тем выше и предусмотренный субъектом РФ минимальный срок аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения. К примеру, выделим такие минимальные сроки:

–Свердловская область –1 год;
– Омская область– срок аренды земель сельскохозяйственного назначения, которые предоставлялись под сенокосы – 11 месяцев;

–Краснодарский край варьирует минимальный срок с учетом разрешенного использования земель сельскохозяйственного назначения. Так, срок аренды земель сельскохозяйственного назначения для пашни составляет 5 лет, для садов –15 лет, виноградников– 20 лет, чайных плантаций– 30 лет.

Таким образом, ранее длительность аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения находилась во взаимосвязи с деятельностью арендатора по увеличению ее плодородия. В настоящее время складывается проблемная ситуация, при которой договор аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения может быть заключен на любой минимальный срок (в том числе и менее 1 года), в простой письменной форме, без государственной регистрации (п. 3 ст. 9 Закона – к примеру, заключение договора для сенокосения и выпаса скота). Итак, вопросы добросовестности оборота земель сельскохозяйственного назначения при заключении соответствующих договоров фактически могут стать бесконтрольными, что не способствует надлежащему соблюдению прав и обязанностей сторонами договора аренды в рассматриваемой области.

Выделим еще один отрицательный момент отмены минимально установленного срока аренды в области проведения плановых проверок. Так, указанные проверочные мероприятия должны быть проведены не чаще, чем раз в три года, а план

¹Третьякова М.А. Бухгалтерский и налоговый учет аренды земель сельскохозяйственного назначения // Бухучет в сельском хозяйстве. – 2012. – № 2. – С. 38–44.

проверок доступен в сети Интернет. С учетом этого можно заранее узнать дату проведения плановой проверки и к моменту ее начала составить краткосрочный договор аренды, «минуя» государственную регистрацию, то есть недобросовестные арендаторы имеют возможность составить такой договор буквально «в поле».

На основании изложенного мы придерживаемся позиции, согласно которой в действующем законодательстве РФ необходимо предусмотреть единое положение о минимально допустимом сроке аренды земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения – 3 года. Кроме того, полагаем, что субъекты РФ с учетом особенностей ценности земель сельскохозяйственного назначения должны обладать правом установления более длительных минимальных сроков аренды.

В завершение выделим особенности аренды земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения. Земельные участки сельскохозяйственного назначения можно передавать в аренду только для сельхозпроизводства и рыбоводства (п. 1 ст.78 Земельного кодекса РФ). Не следует указывать в договоре аренды иные цели и право или обязанность арендатора перевести участок в другую категорию земель. Поскольку суд по иску прокурора может признать такой договор ничтожным. Арендатор обязан будет вернуть участок собственнику, а собственник арендатору – задаток, о чем свидетельствует существующая судебная практика¹.

1. В соответствии со ст.9 Закона предметом договора аренды могут выступать земельные участки, которые в предусмотренном законом порядке прошли государственный кадастровый учет.

2. Договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, может быть заключен на срок от 3 до 49 лет, за исключением случаев, предусмотренных в Законе.

3. Договор аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения может предусматривать передачу арендуемого земельного участка в собственность арендатора, если истек срок аренды или до его истечения, с

¹Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 13 февраля 2012 г. по делу № А74-2768/2011. Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».

условием внесения арендатором всей обусловленной договором выкупной цены.

4. Надлежащим образом исполнявший свои обязанности арендатор по истечении срока договора аренды при прочих равных условиях обладает преимущественным правом на заключение договора аренды на новый срок.

5. Договор аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения, находящийся в долевой собственности, имеет особенности (ст. 9 Закона).

Библиографический список

1. *Басин Ю.А., Мартельянов В.С.* Договорное право: учебник. – М., 2002. – 401 с.

2. *Крассов О.И., Ерофеев Б.Ф.* Вопросы аграрных отношений // Крестьянские ведомости. – 2001. – №28. – С. 4–7.

3. *Раянов Ф. М.* Арендные отношения // Агробизнес. – 2001. – № 8. – С. 9

4. Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т.2. Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – 1208 с.

5. *Третьякова М.А.* Бухгалтерский и налоговый учет аренды земель сельскохозяйственного назначения // Бухучет в сельском хозяйстве. – 2012. – № 2. – С. 38–44.



Т. И. Славинская

аспирант кафедры гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина
t.s.lawer@gmail.com

**ЕДИНЫЙ НЕДВИЖИМЫЙ КОМПЛЕКС
С ПОЗИЦИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

**SINGLE REAL ESTATE COMPLEX
FROM THE STANDPOINT OF THE LAW
ENFORCEMENT: THEORY AND PRACTICE**

В статье исследуется понятие единого недвижимого комплекса с позиции правоприменителя. В контексте рассматриваемой темы проанализировано действующее законодательство. Автором показаны особенности применения на практике принятых норм. Утверждается, что, согласно ст. 401 Налогового кодекса Российской Федерации, единый недвижимый комплекс подлежит налогообложению. Поэтому все объекты, включенные в него, указываются собственником в заявлении на регистрацию, что необходимо для дальнейшего правильного учета объекта. В заключение в статье сделан вывод о том, что на государственном уровне целесообразно принять такие положения, чтобы регистрация единого недвижимого комплекса стала привлекательной и обоснованной мерой для правоприменителя, а не источником новых трудностей.

Ключевые слова: объект гражданских прав; недвижимое имущество; единый недвижимый комплекс; государственная

регистрация прав; единый объект; неделимость вещи; кадастровый учет; регистрация прав; правоприменитель; налогообложение.

The article investigates the concept of a single real estate complex from the standpoint of the law enforcer. In the context of the topic under consideration, the current legislation is analyzed. The author shows the peculiarities of application in practice of accepted norms. It is stated that, according to Article 401 of the Tax Code of the Russian Federation, a single immovable complex is taxable. Therefore, all objects included into it are specified by the owner in the application for registration, which is necessary for further correct accounting of the object. In conclusion, the article concludes that it is reasonable to adopt such provisions at the state level so that the registration of a single immovable complex is an attractive and reasonable measure for the law enforcer, rather than a source of new difficulties.

Keywords: object of civil rights; immovable property; single immovable complex; state registration of rights; single object; indivisibility of a thing; cadastral accounting; registration of rights; law enforcement; taxation.

Сегодня особой актуальностью в гражданском праве отличаются исследования о недвижимых вещах, что объясняется необходимостью оптимизации их оборота, особенно в связи с устойчивой тенденцией расширения перечня объектов недвижимости в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). Гражданско-правовая категория «недвижимость» в целом стабильна и объединяет объекты с учетом их естественных свойств и особых юридических признаков.

Большинство ученых единодушно признают особую значимость недвижимости, считая, что наиболее важные вопросы ее правового режима должны получать разрешение в законодательных актах. Однако, хотя законодатель и стремится урегулировать отношения по поводу недвижимых вещей наиболее подробно, приходится констатировать, что в нормах права исследуемый вопрос отражен не в той степени, как того требует юридическая практика. В частности, последние изменения гражданского законодательства не только не устранили многочисленные проблемные аспекты, связанные с недвижимым имуществом, но поставили перед наукой и практикой ряд существенных вопросов. Поэтому каждый случай расширения перечня недвижимости требует всестороннего теоретического обоснования.

В рамках реформы гражданского законодательства 1 октября 2013 г. вступили в силу поправки, внесенные в ГК РФ. Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ введена новая правовая конструкция – «единый недвижимый комплекс» (далее – ЕНК). В настоящей статье попытаемся определить, к чему данное нововведение привело и насколько оно применимо в гражданском обороте.

Некоторые авторы утверждают, что современные потребности гражданского оборота недвижимого имущества и интерес собственников определяют необходимость законодательного закрепления комплексных объектов недвижимости¹. Данную позицию отразил в принятых изменениях и законодатель.

Определение понятия «недвижимость» закреплено в ст. 130 ГК РФ. Так, к недвижимым вещам относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без соразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, иные объекты.

Из содержания статьи понятно, что наличие прочной связи с землей – основополагающий признак недвижимости. Между тем применение этого признака на практике в настоящее время может вызвать значительные трудности, поскольку с учетом всех современных технологий многие здания и сооружения в принципе могут перемещаться с одного участка на другой, сохраняя при этом целостность и назначение².

Пленум Верховного суда Российской Федерации³ в п. 38 называет два метода признания объекта недвижимостью: вещь является недвижимой ввиду своих природных свойств либо ввиду прямого указания закона в отношении того, что такой объект подчинен режиму недвижимых вещей. Это означает, что даже при целостном перемещении объекта на другое место его

¹Незнамова А. А. Особенности договора купли-продажи объекта незавершенного строительства // Юридический мир. – 2016. – № 11. – С. 29–30.

²Гражданское право: учебник / отв. ред. В. П. Мозолин. – М.: Юристъ, 2003. – С. 212.

³О применении судами некоторых положений раздела I части первой гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25. Доступ из справ. -правовой системы «Консультант Плюс».

связь с землей фактически или юридически вновь возникает. Такая точка зрения подтверждается и в специальных неюридических источниках, определяющих недвижимость как «физический участок земли и относящиеся к нему улучшения»¹.

Если рассматривать ЕНК как объект недвижимости, то очевиден тот факт, что его элементы не всегда прочно связаны с землей, а часто с учетом технологического конструктива располагаются над землей. Протяженность таких конструкций впечатляет. Например, линии электропередачи включают в себя опоры, столбы и провода. В классическом понимании к недвижимости относится каждая опора в отдельности. По новым нормам недвижимостью стала признаваться конструкция в целом, причем протяженность таких линий может составлять десятки, сотни километров. Вопрос о том, насколько данная норма востребована, нам и предстоит разобрать. В соответствии с нормами ГК РФ недвижимым данное имущество признается только после его государственной регистрации.

Позиция науки говорит нам о том, что государственная регистрация права на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости. Такая необходимость в большей степени обусловлена интересами третьих лиц, чьи права могут затрагиваться, и необходимостью обеспечения стабильности гражданского оборота. Из-за некоторой законодательной неопределенности на практике возникает множество споров относительно момента признания объекта недвижимостью. Некоторые авторы (Е.Ю. Петров, Е.С. Болтанова) считают, что для признания объекта недвижимым совершенно не требуется его государственная регистрация². Поэтому недвижимыми являются здания и сооружения до регистрации права собственности на них. Приведенная позиция не отражает интересы правообладателей ЕНК, так как ввиду сложности конструкций и наличия множества нюансов только правообладатель такого имущества докажет, что оно является недвижимым. В данном случае государственная регистрация

¹Нагаев Р. Т. Недвижимость: энциклопедический словарь. – М.: Экономика, 2008. – С. 552.

²Петров Е. Ю. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним в гражданском обороте недвижимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 22 с.

необходима для присвоения ему особого статуса объекта гражданского оборота со всеми вытекающими последствиями.

Другие авторы полагают, что недвижимость – исключительно юридическое понятие, и поэтому без регистрации прав на объект не будет распространяться режим недвижимости. Иными словами, недвижимостью могут выступать только объекты, на которые установлены и зарегистрированы все вещные права. Именно они могут участвовать в обороте имущества и быть предметом сделок¹.

Еще один важный признак ЕНК, на который необходимо обратить внимание, – его неделимость. Современная идея появления комплекса недвижимого имущества реализовалась в Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе. Планировалось, что появится новый объект, который бы отличался тем, что объединял разнородные вещи единым хозяйственным назначением². Такой комплекс должен был стать сложной вещью со специальным правовым регулированием. Как отмечает Д.А. Базаркин, «после долгих дискуссий авторы проекта ГК РФ решили конкретизировать концепцию, предложив в качестве недвижимой вещи, участвующей в обороте как единый объект, признать единый имущественный комплекс»³.

Однако не все задумки, изложенные в Концепции, были восприняты законодателем. Предполагалось, что на ЕНК должен распространяться правовой режим сложной вещи. Но на практике к единым недвижимым комплексам применяются правила о неделимых вещах. По мнению Е.В. Ельниковой, появление ЕНК сужает понятие сложной вещи. Поскольку она не охватывает все возможные варианты, которые подпадают под определение единого недвижимого комплекса, нет оснований

¹Козырь О.М. Недвижимость в новом гражданском кодексе России // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С. А. Хохлова. – М.: Изд-во Междунар. центра финансово-эконом. развития, 1998. – С. 271.

² Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе: принята на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 15 декабря 2003 г. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

³Базаркин Д.А. Правовая концепция недвижимости // ЭЖ-Юрист. – 2012. – № 15. – С. 12.

рассматривать соотношение этих понятий как общего и частного¹.

Именно нормативно закрепленная неделимость – один из определяющих признаков ЕНК. Никакая часть комплекса не может быть предметом гражданского оборота², любое взыскание обращается только на объект в целом. Раздел комплекса в натуре невозможен без его разрушения, повреждения или изменения его назначения. Однако замена одних составных частей неделимой вещи другими не влечет возникновения иной вещи, если при этом существенные свойства сохраняются.

Получается, что единый недвижимый комплекс – особый, самостоятельный объект имущественного права, который существенно изменяет правила обращения с комплексными элементами в гражданском праве. Именно по этой причине правоприменители не рискуют оформлять права на ЕНК и регистрировать их как единый объект. Прежде всего, это – большие расходы и сложная бюрократическая процедура, учитывая необходимость постановки объектов на кадастровый учет, что связано с выездом кадастровых инженеров и использованием специальной техники (оборудования), подготовкой и подачей документов на государственную регистрацию, уплатой пошлин. При любой реконструкции или модернизации объекта все надо начинать сначала.

Кроме того, с учетом большого количества судебных споров в отношении расположения таких объектов разные его части могут затрагивать разные интересы субъектов права (например, если линия электропередачи проходит через чужой садовый или дачный участок, по факту спорный). Если суд принимает решение демонтировать, перенести ту часть линии, которая затрагивает спорные интересы, необходимо переоформлять документацию на ЕНК в целом. Аналогичная ситуация возникает при технологическом присоединении, которое может изменить напряжение линии (что является ее основной характеристикой) и другие технические тонкости.

¹Ельникова Е.В. Единый недвижимый комплекс: соотношение понятий // 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства: четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов. – М.: Статут, 2014. – С. 168–169.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2016 г. № 4. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

Другая важная практическая проблема заключается в налогообложении таких объектов. Единый недвижимый комплекс в основном регулируется общими положениями и законами по аналогии. В отличие от предприятия, интересы третьих лиц при объединении объектов в ЕНК или его уничтожении не защищены и не в приоритете¹.

Согласно ст. 158 Налогового кодекса (далее – НК) РФ при реализации предприятия в целом налоговая база определяется отдельно по каждому из активов². Это означает, что каждая его составная часть подлежит отдельному подсчету. В отношении единого недвижимого комплекса правила налогообложения не в достаточной степени конкретизированы, но по общему правилу все составные части ЕНК считаются в совокупности, без возможности разделения.

Согласно ст. 401 НК РФ единый недвижимый комплекс подлежит налогообложению. Поэтому все объекты, включенные в него, указываются собственником в заявлении на регистрацию, что необходимо для дальнейшего правильного учета объекта. Включение в состав ЕНК движимого имущества фактически может привести к увеличению налогового бремени³.

Ввиду этого некоторые авторы полагают, что для налогообложения будет выгодно не регистрировать совокупность движимых и недвижимых объектов в качестве ЕНК, лучше учитывать объекты движимого имущества в качестве самостоятельных. Однако практика показывает, что существование ЕНК как единого объекта кадастрового учета выгоднее, в том числе при совершении сделок с таким объектом. К примеру, согласно ст. 403 НК РФ, налоговая база в отношении ЕНК, в состав которого входит хотя бы одно жилое помещение, определяется как его кадастровая стоимость, уменьшенная на миллион рублей. Налоговая ставка для ЕНК одна из самых

¹Турдиматов К.Ф. О соотношении категорий «предприятие» и «единый недвижимый комплекс» // Актуальные проблемы экономики и права. –2016. – №3. – С. 138–139.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 28 января 2020 г.) //Собр. законодательства Рос. Федерации. –1998. – № 31, ст. 3824.

³Шепелева П. М. Налогообложение участников внешнеэкономической деятельности: учебно-методический комплекс. – М.: Евразийский открытый институт, 2008. – 166 с.

минимальных – 0,1 процента¹. Нона практике такие сделки проходят крайне редко.

Размер налога на имущество в соответствии с нормами Налогового кодекса РФ определяется регионами России. При этом ставка налога в разных регионах может различаться. Возникает вопрос о том, что делать правообладателю ЕНК, чей объект с учетом своей протяженности располагается сразу в нескольких регионах России. Этот и многие другие вопросы, изложенные в настоящей статье, еще предстоит решить законодателю. На государственном уровне необходимо принять такие положения, чтобы регистрация ЕНК стала привлекательной и обоснованной мерой для правоприменителя, а не источником новых трудностей.

Библиографический список

1. *Базаркин Д.А.* Правовая концепция недвижимости // ЭЖ-Юрист. – 2012. – № 15. – С. 12.
2. *Гражданское право: учебник / отв. ред. В. П. Мозолин.* – М.: Юрист, 2003. – 719 с.
3. *Ельникова Е.В.* Единый недвижимый комплекс: соотношение понятий // 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства: четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов. – М.: Статут, 2014. – С. 168–171.
4. *Козырь О.М.* Недвижимость в новом гражданском кодексе России // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С. А. Хохлова. – М.: Изд-во Междунар. центра финансово-эконом. развития, 1998. – С. 271–298.
5. *Нагаев Р.Т.* Недвижимость: энциклопедический словарь. – М.: Экономика, 2008. – 1199 с.
6. *Незнамова А.А.* Особенности договора купли-продажи объекта незавершенного строительства // Юридический мир. – 2016. – № 11. – С. 29–33.
7. *Петров Е.Ю.* Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним в гражданском обороте

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 28 января 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 31, ст. 3824.

недвижимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 22 с.

8. *Турдиматов К.Ф.* О соотношении категорий «предприятие» и «единый недвижимый комплекс» // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – №3. – С. 138–142.

9. *Шепелева П.М.* Налогообложение участников внешнеэкономической деятельности: учебно-методический комплекс. – М.: Евразийский открытый институт, 2008. – 166 с.



А. В. Слюсарев

аспирант

кафедры гражданского права

Кубанского государственного аграрного университета

имени И. Т. Трубилина

slyusarev_av@bk.ru

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ НА
РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**SOME PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION
AND PROTECTION OF RIGHTS
THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY**

В статье изложены некоторые проблемы международного правового регулирования осуществления и защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности. Обоснована необходимость совершенствования правового регулирования гражданско-правовых средств, применяемых для осуществления и защиты интеллектуальных прав на международном уровне, что даст возможность эффективнее использовать гражданско-правовые институты авторского и патентного права, а также проводить борьбу с нарушителями прав на результаты

интеллектуальной деятельности. В контексте темы настоящей статьи исследованы мнения различных ученых, а также материалы международных и внутригосударственных правовых актов. Детальное внимание уделено проблемам, возникающим при нарушении исключительного права на объекты интеллектуальной собственности. Сделан вывод о необходимости внесения изменений в действующие международные акты и соглашения, регулирующие осуществление и защиту прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; объекты интеллектуальной деятельности; гражданское право; международное частное право; авторское право; патентное право; интеллектуальные права; осуществление права; защита права; правовое регулирование.

The article outlines some of the problems of international legal regulation of the exercise and protection of rights to the results of intellectual activity, the need to improve the legal regulation of civil remedies used for the exercise and protection of intellectual rights at the international level, which will enable more effective use of civil institutions of copyright and patent law, as well as to combat infringers of rights to the results of intellectual activity. In the context of the theme of this paper, the views of various scholars as well as international and domestic legal instruments are explored. Detailed attention is paid to the problems arising in violation of the exclusive right to intellectual property objects. The conclusion is made that it is necessary to make amendments to existing international acts and agreements regulating the implementation and protection of rights to the results of intellectual activity.

Keywords: intellectual property; objects of intellectual activity; civil law; private international law; copyright; patent law; intellectual rights; exercise of law; protection of law; legal regulation.

В настоящее время государство способно успешно развиваться только в случае грамотного правового регулирования осуществления и защиты прав на результаты интеллектуальной собственности. Это возможно только с соблюдением законных интересов участников рыночных отношений, их конкурентоспособности.

При этом, как справедливо отмечает В.П. Камышанский, «свобода конкуренции, как осознанная необходимость, имеет свои определенные границы. В противном случае безграничная свобода одних может превратиться в произвол по отношению к другим участникам гражданского оборота»¹. Таким образом, в

¹Камышанский В.П. Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // Власть Закона. – 2016. – № 3. – С. 15.

сфере осуществления и защиты результатов интеллектуальной деятельности особенно актуальным является преодоление проблем в международном правовом регулировании рассматриваемых вопросов, поскольку данный институт гражданского права уже давно регулируется на международном уровне.

В аспекте международного сотрудничества как предпосылки развития осуществления и защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности важно обратить внимание на тот факт, что данный институт восходит к глубокой древности. В отношении интеллектуальных прав следует отметить, что еще в Древнем мире были закреплены правила, имеющие большое сходство с современными. Так, например, за авторами было закреплено право на неприкосновенность произведения. Однако в указанный период огромного значения ни с экономической, ни с юридической точки зрения культурным трудам не придавали.

Первыми дошли до нас в сфере охраны собственности документы, которые охраняли права владельцев от посягательств третьих лиц. В частности, известна привилегия правителя в Месопотамии во втором тысячелетии до нашей эры¹.

Современный этап международного правового регулирования данного института следует отчитывать с периода, когда для защиты правообладателя, а также расширения интеллектуального и торгового сотрудничества в XIX в. между различными странами стали активно заключаться соглашения в сфере авторского права, а также международные Конвенции. В 1886 г. заключена Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений². Затем заключены иные международные договоры и конвенции, которые регулировали отношения в сфере интеллектуальной собственности.

В настоящее время в разных странах мира законодательство относительно интеллектуальных прав проходит процедуру унификации, чему способствуют многочисленные международные договоры и соглашения. При этом в

¹Вишневский А. М., Иванов Б. И., Левин А. Г. Формула приоритета. Возникновение и развитие авторского и патентного права. – Л.: Наука, 1990. – С. 6.

² Конвенция об охране литературных и художественных произведений: заключена в Берне 9 сентября 1886 г. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

соответствии с Конституцией Российской Федерации (РФ)¹ общепризнанные нормы и принципы международного права, а также международные соглашения, ратифицированные нашей страной, являются частью ее правовой системы. Данные нормы применяются к отношениям, регулируемым гражданским законодательством непосредственно.

В качестве первого элемента этой системы следует выделить основные всемирные конвенции. Действующие международные акты в сфере осуществления и защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности базируются на следующих принципах:

– принципе национального режима, в соответствии с которым все участвующие в конвенции страны должны предоставить произведениям, созданным в государствах – участниках соглашения, такую же охрану, как и авторам – гражданам своих стран;

– принципе автоматической охраны, согласно которому предоставление охраны не зависит от того, была ли соблюдена регистрация произведения (иные условия) или нет;

– принципе минимальных стандартов, который состоит в том, что законы каждого государства обязаны обеспечивать определенный базис в защите авторских прав.

Дополнительно к этим основополагающим принципам выделяют еще ряд принципов:

– независимости охраны – его суть заключается в том, что обладание и осуществление прав не зависит от существования или отсутствия охраны в стране происхождения произведения, кроме специальных случаев;

– ретроактивной охраны – состоит в охране произведения в соответствии с предусмотренным соглашением и законодательством сроков, вне зависимости от того, когда страна присоединилась к данной конвенции².

В качестве еще одной важной группы международных источников в рассматриваемой сфере надлежит выделить договоры Всемирной организации интеллектуальной

¹Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398.

²Матвеев Ю. Г. Международная охрана авторских прав. – М.: Юрид. лит., 1987. – С. 7.

собственности (далее –ВОИС), существующей при ООН. ВОИС создана во исполнение Конвенции об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности в 1967 г. Наша страна изначально ратифицировала это соглашение.

Следующим источником с недавнего времени для нашей страны является Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (соглашение ТРИПС)¹. Данный договор стал актуальным с 2012 г., после того как Россия стала участницей Всемирной торговой организации (ВТО). Соглашение было заключено в 1994 г. в Марракеше.

На современном этапе отечественные ученые склоняются к мнению о том, что соглашением предусматривается комплекс прав на различные виды интеллектуальной собственности. Однако регулирование отношений не систематично и страдает от фрагментарности. С учетом этого сделан вывод о том, что в настоящее время необходимо построить новую систему международного законодательства в рассматриваемой сфере².

Далее в числе источников можно выделить региональные договоры и соглашения. Для нашей страны наиболее актуальны соглашения и договоры в рамках Содружества Независимых Государств, а также Евразийского экономического союза.

Заключение международных договоров дает возможность обеспечить полноценную защиту прав российских авторов, исполнителей, владельцев интеллектуальных прав на территории всего мира и среди всех стран – участниц международного соглашения.

Однако и наша страна, вступая в те или иные международные соглашения, гарантирует предоставление соответствующих условий, которые предусматриваются международными соглашениями на своей территории³. Россия должна гарантировать предоставление и охрану прав на объекты

¹ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности: заключено в Марракеше 15 апреля 1994 г. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

² Дембич Д. Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) // Дни студенческой науки МГИМО (У) МИД России: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 2. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2003. –С. 41.

³ Судариков С. А. Гармонизация национального законодательства в области авторского права и смежных прав с новыми международными нормами // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2014. – № 9. – С. 41.

авторских и смежных прав иностранным авторам или правообладателям.

Рассматривая имеющиеся проблемы в международном правовом регулировании осуществления и защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности, следует отметить, что при нарушении прав отечественных правообладателей, которые признаются на территории иностранного государства, объем их субъективных прав определяется исходя из законов иностранного государства, а также положений международных договоров и соглашений. Субъективные права в данном случае законодательством РФ не определяются. При этом как Бернская конвенция, так и Римская конвенция исходят из принципа национального режима, заключающегося в том, что иностранными правообладателями, которые являются гражданами государств – участников конвенций, предоставляется защита в том же объеме, какой признается за авторами, являющимися гражданами этих стран.

Полагаем, что в условиях развития и глобализации международного рынка, в том числе и в сфере интеллектуальной собственности, необходимым является привлечение все большего числа стран к участию в данных соглашениях, чтобы автору были обеспечены равные права и возможности их защиты на территории всего мира. С нашей точки зрения, государства должны внести минимальные требования к охране авторских и смежных прав, отраженные в международных договорах и конвенциях, в законодательство своих стран. Непринятие подобных норм является неправомерным. Необходимо усилить международный контроль за исполнением странами – участницами международных договоров взятых на себя обязанностей в рамках авторских и смежных прав, провести тщательный анализ случаев их нарушения для принятия соответствующих решений.

Итак, нами рассмотрен вопрос участия России в международных соглашениях по осуществлению и защите прав на результаты интеллектуальной деятельности. Можно утверждать, что в большинстве из основополагающих конвенций и соглашений наша страна принимает участие. Однако ввиду запоздалого вступления в силу некоторых из них многим произведениям отечественных авторов не обеспечивается должная правовая защита за рубежом, как и некоторые

зарубежные произведения не получают должной правовой защиты на территории РФ.

Полагаем, что целесообразно пересмотреть положения относительно применения ряда конвенций к защите прав на произведение с даты начала участия государства в данной конвенции. На наш взгляд, произведения, появившиеся ранее данного срока, должны быть равнозначным образом защищены. Возникающие сложности при этом можно устранить путем введения отсрочки для защиты более старых произведений на определенный разумный срок. Данный срок должен быть установлен исходя из возможностей государства обеспечить защиту прав авторам и обладателям смежных прав. Государство должно стремиться обеспечить соответствующую охрану и защиту прав в наиболее кратчайшие сроки.

Библиографический список

1. *Вишневецкий А. М., Иванов Б. И., Левин А. Г.* Формула приоритета. Возникновение и развитие авторского и патентного права. – Л.: Наука, 1990. – 203 с.

2. *Дембич Д.* Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) // Дни студенческой науки МГИМО (У) МИД России: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 2. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2003. – 227 с.

3. *Камышанский В.П.* Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // Власть Закона. – 2016. – № 3. – С. 15–25.

4. *Матвеев Ю. Г.* Международная охрана авторских прав. – М.: Юрид. лит., 1987. – 222 с.

5. *Судариков С. А.* Гармонизация национального законодательства в области авторского права и смежных прав с новыми международными нормами // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2014. – № 9. – С. 41–50.

А. Р. Шагимарданов

докторант Булгарской исламской академии,
президент Ассоциации предпринимателей-мусульман
Российской Федерации
tarhankazan@yandex.ru

**ВЛИЯНИЕ ИСЛАМСКОЙ ЭТИКИ И РОССИЙСКОГО
ПРАВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ И
ПЕРСОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ-
МУСУЛЬМАН**

**INFLUENCE OF ISLAMIC ETHICS AND RUSSIAN LAW ON THE
FORMATION OF LEGAL AWARENESS AND PERSONAL CULTURE
OF MUSLIM ENTREPRENEURS**

В статье развенчаны сложившиеся в российском обществе стереотипы о генетической несовместимости права Российской Федерации (РФ) и современного исламского права применительно к предпринимательской деятельности. Современные представления о бизнесе и правовой культуре, правосознании и правовом регулировании сопоставляются с результатами компаративного анализа двух правовых систем. В контексте решаемых задач приводятся результаты эмпирического исследования предпринимателей-мусульман, демонстрирующие позитивное влияние исламской этики на успешность современных бизнесменов. Развивающееся сообщество предпринимателей-мусульман России в своей основе имеет консолидацию искренне верующих бизнесменов, ориентированных на соблюдение высоких этических стандартов шариата. Эта система ценностей тесно увязана с правовыми принципами и нормами, закрепленными в современном законодательстве России.

Ключевые слова: гражданское право; исламское право; шариат; бизнес; этика; правовая культура; предпринимательство; правовое сознание; реализация права; принципы права.

The article reveals the stereotypes formed in the Russian society about genetic incompatibility of the law of the Russian Federation (RF) and modern Islamic law as applied to business activity. Modern ideas about business and legal culture, legal consciousness and legal regulation are compared with the results of comparative analysis of the two legal systems. In the context of the tasks being solved, the results of the empirical study of Muslim entrepreneurs, demonstrating the positive impact of Islamic ethics on the success of modern businessmen, are presented. The developing community

of Muslim entrepreneurs in Russia is based on the consolidation of genuinely believing businessmen focused on observing the high ethical standards of Sharia. This system of values is closely linked to legal principles and norms enshrined in modern Russian legislation.

Keywords: civil law; Islamic law; sharia; business; ethics; legal culture; entrepreneurship; legal consciousness; implementation of law; principles of law.

Согласно данным специализированных исследований, 70 % населения России признается в том, что, по их мнению, право не позволяет достичь идеалов справедливости и добра¹.

К несчастью, правовой нигилизм процветает и в предпринимательской среде. Исторически взращенный в идеологическом противостоянии с государством и правовой системой отечественный бизнес часто руководствуется «народной мудростью»: «Не пойман – не вор», «Деньги не пахнут», «На рынке два дурака – один продает, другой покупает», «Закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло», «Что нам закон, когда судья знаком?» и т. п.

Еще больше настораживает тот факт, что отдельные нигилистически настроенные по отношению к праву предприниматели-мусульмане пытаются найти оправдание своего «законнепослушания» в исламской этике и праве. Некоторые из них искренне убедили себя в том, что ислам по своей природе не совместим со светским законом. Читают, что следование шариату исключает соблюдение требований законов государственных.

Вместе с тем наблюдается положительная динамика консолидации бизнес-сообщества вокруг чистых идей исламского права. Стремясь к духовному единству, предприниматели одновременно усиливают доверие друг к другу, снижают транзакционные издержки и находят положительные смыслы в основе своей деятельности, формировании и развитии человеческого капитала в бизнес-командах. Большинство наиболее успешных предпринимателей – представителей идеологии ислама обладают развитым правосознанием, видят

¹ Борисова П. А. Эволюция представлений о социальной справедливости в публичном пространстве современного российского общества: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2016. – С. 4.

свою религиозную практику и бизнес исключительно в гармоничном соответствии с позитивными законами.

Такого рода разнонаправленные тенденции требуют академического осмысления, обоснования и популяризации идей генетического соответствия и гармоничного взаимодействия права светской России и современного исламского права. На повестке дня – целенаправленное и научно обоснованное формирование бизнес-культуры исламского бизнес-сообщества. Считается, что под деловой культурой необходимо понимать не только собрание накопленных бизнес-сообществом ценностей и социальных норм, но и механизм упорядочивания их продуцирования. Все это опредмечивается через конкретные культурные практики, проявляющиеся в жизненных стилях, типах деловой активности, аккумулируется в социальном опыте и интегрируется¹.

Относительно межкультурного менеджмента деловая культура – это реализация культурных особенностей нации в бизнесе, в способе ведения дел. Уровень сходства и различия между культурами определяет результаты их взаимодействия и сказывается на эффективности деятельности. Ричард Льюис, известный во всем мире лингвист и специалист в области межкультурных исследований, выделяет моноактивные, полиактивные и реактивные культуры.

В отличие от моноактивной бизнес-культуры, ориентированной на достижение практического результата, полиактивные культуры (к числу которой он относит и исламскую бизнес-культуру) – это культуры, ориентированные на человека². Представителями данного типа культуры являются люди подвижные, общительные, привыкшие делать много дел сразу, планирующие очередность дел не по расписанию, а по степени относительной привлекательности, значимости того или иного дела в данный момент. Типичные представители – итальянцы, латиноамериканцы, арабы. Основные ценности – ориентация на людей при выполнении задач, свободное отношение ко времени и закону, выполнение нескольких дел одновременно.

¹ Соболева П. В. Деловая культура в условиях транснационализации социокультурного пространства: эволюция национальных моделей: автореф. дис. ... канд. культурологии. – М., 2009. – С. 9.

² Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: монография. – М.: Дело, 1999. – С. 74.

Полиактивные менеджеры гораздо более экстравертны и часто эмоциональны во взаимоотношении с людьми. Представители полиактивного типа культуры стремятся к установлению межличностных взаимоотношений, реализации семейственности и неформальных связей. Полиактивные менеджеры отличаются красноречием и умением убеждать.

Бизнес-культуры различаются по отношению к закону. Так, можно говорить о «культуре универсальных истин», которая основана на правилах, одинаковых для всех, без исключений. Это – основа социального устройства. Такую основу демонстрируют страны Западной Европы. В культуре частных истин правила нужно соблюдать в зависимости от конкретных условий и отношений между людьми, то есть существуют частные правила и законы. К каждому человеку – особое отношение, его можно любить или ненавидеть, уважать или не уважать. Это не просто «гражданин», а друг, брат, муж или ребенок. Поэтому человека можно поддержать или защитить, независимо от того, что говорят правила. Во главу угла ставятся отношения, а не закон.

В целом дифференциация бизнес-культур проводится по четырем аспектам¹:

- отношение к договору;
- отношение ко времени;
- роль руководителя;
- оценка труда и система вознаграждений.

При проведении исследования установлено, что культура универсальных истин доминирует в странах, где преобладает протестантство, которое, как известно, не знает института «прощения грехов». Культура частных истин характерна для католических стран. Люди могут согрешить и потом вымолить прощение.

Вполне понятно, что в условиях международной кооперации и глобализации экономики, усиливающейся трудовой миграции национально-географические различия в сфере этики бизнеса стираются и становятся все менее очевидны. Данная классификация может быть применена к российскому многонациональному и поликонфессиональному обществу. Вместе с тем исследования в данном направлении, безусловно, могли бы быть практически востребованными и полезными.

¹ Trompenaars F. Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business. – London: Nicholas Brealey Publishing, 2013. – 265 с.

Современная деловая культура и ее развитие немислимы вне системы социально-правовой регуляции. В этом значении перед анализом взаимного влияния имеет смысл остановиться на теоретических представлениях о правосознании и правовой культуре. Общеизвестно, что правовая культура личности, выступая субъективным фактором повышения действенности всей правовой системы, способствует повышению эффективности всех форм реализации права (при соблюдении, исполнении, использовании и применении)¹. Высокий уровень правовой культуры личности предполагает такое правомерное поведение, мотивом которого выступает глубокое внутренне осознанное убеждение в справедливости требований правовых норм, уважения к праву.

Правосознание рассматривается² как совокупность взглядов, ценностных ориентаций, выражающих личностные установки, актуализирующие отношения людей к конкретным законам и правосудию в целом. По сути, речь идет о вере человека в то, что законодательная система, позиционируемая государством как система определенных прав и обязанностей человека по отношению к обществу, государству, окружающим людям, является его личностной ценностью и основанием для определенных стратегий поведения. Психологическую основу этой области сознания составляют привычки, чувства, эмоции людей в отношении правовых явлений.

Предписания норм права оказывают воздействие на сознание личности, ее интересы, мотивы, цели, волю – на весь механизм социально-психической регуляции, и это воздействие способствует формированию определенных социальных установок, ценностных ориентаций, направленности личности, претворяясь в конечном счете в ее поведении и деятельности³. Право – это такой инструмент регулирования общественных отношений, который действует через волю и сознание людей.

¹Грачев В. С. Правовая культура как субъективный фактор реализации права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1996. – 21 с.

²Лунин С. А. Пономарев В. П. Влияние этноконфессиональной принадлежности и профессиональной направленности на особенности правосознания студентов // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 48–50.

³Лахман А. Г. Правосознание и правовое регулирование как понятия и реальность // Власть и управление на Востоке России. – 2010. – № 1 (50). – С. 181–185.

В таком тесном взаимодействии этики и права важно последовательно проводить в жизнь правовые принципы, которые своим содержанием не выходили бы за рамки базовых этических стандартов человечества, транслирующих обществу монотеистические религии в целом и ислам в частности. Так, принцип господства, верховенства закона, права во всех сферах общественной жизни должен через целенаправленную деятельность законодателя и правоприменителя формировать у обывателя и в обществе однозначное представление о соответствии закона и права. Иными словами, следует решительно бороться с феноменом так называемых неправовых законов¹, когда формально правильные нормативно-правовые акты в своем содержании и исполнении допускают нарушение базовых человеческих ценностей, в том числе постулатов мировых религий.

Священный Коран и Сунна пророка Мухаммеда дают нам верные наставления на пути развития и поощряют богоугодную торговлю и предпринимательство. Так, сура 2 аят 275 от имени Всевышнего провозглашает: «Те, которые пожирают лихву, восстанут, как восстает тот, кого дьявол поверг своим прикосновением. Это потому, что они говорили: “Воистину, торговля подобна лихоимству”. Но Аллах дозволил торговлю и запретил лихоимство. Если кто-нибудь из них после того, как к нему явится увещание от его Господа, прекратит, то ему будет прощено то, что было прежде, и его дело будет в распоряжении Аллаха. А кто вернется к этому, те станут обитателями Огня, в котором они пребудут вечно».

В суре 11 аяте 85 сказано: «О, народ мой! Полностью соблюдайте в мере и весе справедливость [будьте честными в этом], не уменьшайте людям их вещей [не обманывайте их] и не ходите по земле, сея беспорядок [совершая то, что запретил Аллах]». В суре 17 аят 35 читаем следующее: «И соблюдайте полностью меру, когда отмериваете (для других), и взвешивайте верными весами. Это [справедливость в отмеривании и взвешивании] – лучше (для вас в этом мире) и прекраснее по исходу [как итог] (в Вечной жизни)». Священный Коран осуждает чрезмерное стремление к богатству (сура 104), ростовщический

¹ См. также: Бирюков С. В., Бирюкова Т. А. Неправовой закон: проблемы его установления и применения (теоретический аспект) // Правоприменение. – 2018. – № 2 (4). – С. 16–20.

процент (сура 102; сура 3 аят 130; сура 2 аяты 275–278), определяет отношения собственности (сура 2, сура 5), контрактных обязательств (сура 2 аяты 282–283) и многое другое.

Экономические идеи изначально не были чужды исламскому праву, обстоятельно исследовались в классических трудах. Возникновение исламской экономической мысли связывают с именами таких известнейших ученых-богословов, как Аль-Газали (рубеж XI–XII вв.)¹, Ибн Хальдун² (рубеж XIV–XV вв.). Эти ученые не были экономистами, а потому экономика затрагивала в их сочинениях лишь богословские и юридические вопросы. В теории Аль-Газали экономическая деятельность рассматривалась как угодная Богу, как часть исполнения религиозного долга.

В рамках подготовки настоящей статьи проведено пилотное исследование сообщества предпринимателей-мусульман, которое может помочь в формировании наглядного представления о состоянии их вероубеждения и правосознания. Так, в процессе анонимного анкетирования случайным образом отобранной фокус-группы из 70 предпринимателей получены следующие результаты. 27 % респондентов сообщили о наличии у них специального религиозного образования, 92 % посещают мечеть раз в неделю и чаще, что демонстрирует высокий уровень религиозности у опрашиваемой группы бизнесменов. 97 % из опрошенных не разграничивают бизнес и религиозную практику, считая работу и зарабатывание денег частью своего поклонения. При этом 46 % свои достижения в большей степени относят к милости Аллаха, умаляя значения собственного труда. Для них очевидно, что достижение довольства Всевышнего противозаконными средствами немислимо.

Мотивы соблюдения религиозной практики в большей степени находятся в поле достижения личной гармонии (78 %), нежели достижения определенного социального статуса и признания (9 %). Последнее демонстрирует наличие качественной предпосылки развития социально ответственного бизнеса. Такой бизнес в основе своей ориентирован на приоритетное

¹ Абу Хамид Аль-Газали. Воскрешение наук о вере («Ихйа улум ад-Дин»). Избранные главы / пер. В. В. Наумкина. – М.: Наука, 1980. – 376 с.

² Ибн Хальдун // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/1997787 (дата обращения: 10.01.2020).

удовлетворение материальных потребностей исключительно через гармонию основанной на шариате системы ценностей бизнесмена и внешних регуляторных требований.

В повседневной деятельности наши бизнесмены, помимо законодательства, руководствуются этическими стандартами ислама. При этом среди чаще всего повторяющихся ценностей и принципов ими указаны следующие:

Соблюдение запретов шариата (риба, запретное имущество, мейсир и т. п.).

Честность, порядочность и справедливость в отношениях с партнерами.

Соблюдение принятых на себя обязательств.

Таким образом, практическая часть нашего исследования демонстрирует, что относительно молодое, но успешно развивающееся сообщество предпринимателей-мусульман России в основе своей имеет консолидацию искренне верующих бизнесменов, ориентированных на соблюдение высоких этических стандартов шариата. Система их ценностей четко коррелирует с правовыми принципами и смыслами, которые проводит в жизнь законодательство России. Так, имущественные и связанные с ними неимущественные отношения в нашей стране регулируются с опорой на основополагающие идеи (ст. 1 Гражданского кодекса РФ) справедливости, добросовестности, надлежащего исполнения обязательств, признания равенства участников регулируемых законом отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

Правосознание таких предпринимателей гармонизирует с религиозным мировоззрением. Этому способствует принципиальное соответствие основ права России и шариата. Очевидно, что соблюдение права России в данном случае дополнительно и крайне эффективно мотивировано внутренним этическим самоконтролем верующего. Для такого предпринимателя законопослушание и следование пути шариата во имя Аллаха становится неразрывным целым. Более того, бизнес-достижения предпринимателей-мусульман России вдохновляют на проведение новых исследований, которые бы доказали и наглядно популяризировали возможность успешного

ведения бизнеса в Российской Федерации в условиях гармоничного взаимного влияния светского и религиозного права.

Библиографический список

1. *Абу Хамид Аль-Газали*. Воскрешение наук о вере («Ихйа улум ад-Дин»). Избранные главы / пер. В. В. Наумкина. – М.: Наука, 1980. – 376 с.
2. *Бирюков С. В., Бирюкова Т. А.* Неправовой закон: проблемы его установления и применения (теоретический аспект) // *Правоприменение*. – 2018. – № 2 (4). – С. 16–24.
3. *Борисова П. А.* Эволюция представлений о социальной справедливости в публичном пространстве современного российского общества: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2016. – 200 с.
4. *Грачев В. С.* Правовая культура как субъективный фактор реализации права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1996. – 21 с.
5. *Ибн Хальдун* // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/1997787 (дата обращения: 10.01.2020).
6. *Лахман А. Г.* Правосознание и правовое регулирование как понятия и реальность // *Власть и управление на Востоке России*. – 2010. – № 1 (50). – С. 181–188.
7. *Лунин С. А., Пономарев В. П.* Влияние этноконфессиональной принадлежности и профессиональной направленности на особенности правосознания студентов // *Северо-Кавказский психологический вестник*. – 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 48–54.
8. *Льюис Р. Д.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: монография. – М.: Дело, 1999. – 439 с.
9. *Соболева П. В.* Деловая культура в условиях транснационализации социокультурного пространства: эволюция национальных моделей: автореф. дис. ... канд. культурологии. – М., 2009. – С. 29.
10. *Trompenaars F.* *Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business*. – London: Nicholas Brealey Publishing, 2013. – 265 с.



А. Р. Чиршьян

аспирант

Кубанского государственного аграрного университета
имени И.Т. Трубилина
tarhanluagr@yandex.ru

**ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ
ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ**

**SOURCES OF LEGAL REGULATION OF ENERGY SUPPLY RELA-
TIONS WITH USE OF RENEWABLE ENERGY SOURCES**

Анализ содержания норм, регулирующих отношения энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии (ВИЭ), позволяет судить об их межотраслевой природе. Поэтому энергетическое право на доктринальном уровне можно вполне рассматривать как комплексную отрасль законодательства и права. Возобновляемый источник энергии представляет собой вид природной энергии, существующей без вмешательства деятельности человека, которая может быть использована человеком с целью преобразования ее в полезную и пригодную без ущерба физическим или химическим свойствам такой природной энергии. Оценку эффективности правового регулирования отношений по развитию альтернативной энергетики следует определять путем сопоставления принимаемых нормативных актов и разработанных, принятых к исполнению направлениями

правовой политики в сфере использования ВИЭ. Это позволит исследовать не только источники, но и эффективность правового регулирования использования ВИЭ.

Ключевые слова: энергоснабжение; источники права; энергетическое право; энергетика; возобновляемые источники энергии; межотраслевые связи; энергоэффективность; генерирующий объект; микрогенерация; правовое регулирование.

The content analysis of norms regulating relations of energy supply with use of renewable energy sources (RES) allows to judge about their interbranch nature. Therefore, energy law on the doctrinal level can be quite considered as a complex branch of legislation and law. Renewable energy source is a type of natural energy, existing without human intervention, which can be used by a person to transform it into useful and suitable without prejudice to physical or chemical properties of such natural energy. This will make it possible to study not only the sources, but also the effectiveness of the legal regulation of RES use.

Keywords: energy supply; sources of law; energy law; energy; renewable energy sources; interbranch communications; energy efficiency; generating object; microgeneration; legal regulation.

Правовое регулирование отношений энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) имеет свои особенности и вызывает определенный интерес в юридической науке¹. Существующее в природе множество видов источников энергии повлекло за собой разнообразие возникающих при этом общественных отношений по ее использованию.

В гражданском и энергетическом праве широко представлены источники правового регулирования отношений по применению электрической энергии. Анализ содержания этих норм позволяет судить об их межотраслевой природе. Поэтому энергетическое право на доктринальном уровне можно вполне рассматривать как комплексную отрасль законодательства и права.

В литературе неоднократно высказывались мнения, согласно которым существует необходимость разработки единого энергетического кодекса, который объединил бы всё разрозненное законодательство, регулирующие различные сферы

¹ См., например: Камышанский В. П., Диденко А. А., Ксиропулос С. Г. Гражданско-правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 92. – С. 1292–1293.

использования энергии¹. Следует признать, что отношения в сфере энергетики, в том числе при использовании возобновляемых источников энергии, имеют свою специфику. Использование возобновляемых источников энергии нуждается в специальном правовом регулировании. Данное регулирование должно опираться на экологическое законодательство и учитывать его при определении правил пользования генерирующими объектами возобновляемых источников энергии.

Энергетическое право включает в себя взаимодействующие между собой группы гражданско-правовых и административно-правовых норм права. Энергетическое право взаимодействует и с таким комплексным правовым образованием, как экологическое право, которое, в свою очередь, имеет блоки гражданско-правовых и административно-правовых норм, но уже иного предметного содержания.

Полагаем, что применительно к энергетическому праву понятийный ряд, касающийся энергетических отношений, должен быть един и сконцентрирован в едином законодательном акте, посвященном сфере энергетики. При этом указанный акт не должен относиться к актам экологического законодательства. В настоящее время таким законодательным актом мог бы выступить Федеральный закон «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В законе представлено понятие энергетического ресурса, которое раскрыто через понятие носителя энергии и через определенный вид энергии. Допустимо было бы закрепление понятия возобновляемого источника энергии именно через понятие энергии, запас которой неиссякаем или которая вновь появляется с учетом определенных природных процессов.

Возобновляемый источник энергии представляет собой вид природной энергии, существующей без вмешательства деятельности человека, которая может быть использована им с целью преобразования в полезную и пригодную без ущерба физическим или химическим свойствам такой природной энергии. Применительно к энергетическому праву определенные смежные границы правового регулирования возникают при

¹Быков А. Г. О проекте Энергетического кодекса Российской Федерации // Энергетическое право. – 2013. – № 2. – С. 6.

наличии схожих норм гражданского и энергетического права. Специальные законы должны содержать правила о приоритетных нормах – о нормах, подлежащих применению в конкретной ситуации. Иными словами, должны существовать нормы, применимые не только в целом к сфере отношений в электроэнергетике, но и к возобновляемым источникам энергии, отражающим их специфику.

Обозначенные группы коллизионных норм в российском энергетическом праве пока не обладают должной четкостью и определенностью своего содержания. Коллизионное регулирование основано исключительно на конкретных практических потребностях оборота энергии. В целом необходимо согласиться с В.П. Камышанским в том, что правовое регулирование возобновляемых источников энергии в настоящее время не развито¹. Это создает препятствия для активного использования «зеленой» энергетики в различных отраслях реального сектора экономики. Важно отметить, что даже предпринимаемые попытки правового регулирования использования возобновляемых источников энергии не могут быть признаны попытками успешного совершенствования законодательства в сфере энергоснабжения и энергосбережения.

Определенный интерес для научного анализа представляет проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об электроэнергетике” по вопросам развития микрогенерации»². Согласно имеющемуся в проекте Закона определению, объект микрогенерации – объект по производству электрической энергии, установленная генерирующая мощность которого не превышает величину максимальной мощности энергопринимающих устройств потребителя и составляет 15 кВт и менее, который используется

¹Камышанский В. П. Гражданско-правовое стимулирование энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии как формы энергосбережения // Гражданское право. – 2018. – № 4. – С. 9–10;

Камышанский В. П., Диденко А. А., Марченко К. С. Понятие и источники правового регулирования энергосбережения // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 101. – С. 1428–1430.

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» по вопросам развития микрогенерации: проект Федерального закона: подготовлен Минэнерго России (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17 марта 2018 г.) // Федеральный портал нормативных правовых актов. URL: <http://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 20.01.2020).

потребителями электрической энергии на розничных рынках для производства электрической энергии в целях удовлетворения собственных бытовых и (или) производственных нужд, а также в целях продажи в порядке, установленном основными положениями функционирования розничных рынков.

Первоочередное значение микрогенерации, таким образом, состоит в обеспечении собственных потребностей в электроэнергии. Этот закон выстраивает дорогу к демонополизации рынков электроэнергии. Законом предусмотрена возможность продажи излишков произведенной электроэнергии. Однако, во-первых, дана предельно допустимая мощность генерирующих устройств (15 кВт), во-вторых, указано, что деятельность по продаже этой электроэнергии не является предпринимательской.

Такое регулирование следует рассматривать как очередную попытку малого и среднего бизнеса, вопреки интересам крупных энергетических компаний, лоббировать свои интересы, вопреки воле крупных энергетических компаний, которые не заинтересованы в расширении на энергетическом рынке объемов электрической энергии, полученной от использования возобновляемых источников энергии.

Федеральный закон «Об электроэнергетике» пока остается единственным законом, в котором содержится целый ряд положений о возобновляемых источниках энергии¹. В законе дано пространное определение понятия возобновляемых источников энергии через перечисление их видов. Согласно ст. 3 Федерального закона «Об электроэнергетике» возобновляемые источники энергии – это энергия солнца, энергия ветра, энергия вод (в том числе энергия сточных вод), за исключением случаев использования такой энергии на гидроаккумулирующих электроэнергетических станциях, энергия приливов, энергия волн водных объектов, в том числе водоемов, рек, морей, океанов, геотермальная энергия с использованием природных подземных теплоносителей, низкопотенциальная тепловая энергия земли, воздуха, воды с использованием специальных теплоносителей, биомасса, включающая в себя специально выращенные для получения энергии растения, в том числе деревья, а также

¹ Об электроэнергетике: федер. закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ (в ред. от 2 августа 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 13, ст. 1177.

отходы производства и потребления, за исключением отходов, полученных в процессе использования углеводородного сырья и топлива, биогаз, газ, выделяемый отходами производства и потребления на свалках таких отходов, газ, образующийся на угольных разработках.

Закрепленное в законе определение включает в себя и такие источники возобновляемой энергии, которые с учетом целого ряда причин, в том числе экономической целесообразности, низкого уровня научно-технического развития и богатых запасов углеводородного сырья, могут применяться только в будущем. Широкие границы предложенного определения пока не требуют выделять на доктринальном уровне сущностные признаки возобновляемых источников энергии.

Закон об электроэнергетике содержит целый ряд правовых норм, регулирующих отношения по использованию возобновляемых источников энергии. В ст. 21 Закона установлены направления государственной политики и их реализация Правительством РФ в сфере возобновляемых источников энергии.

Следует отметить, что большая часть норм Закона об электроэнергетике не регулируют прямо и непосредственно отношения энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии, содержат немало отсылочных норм к подзаконным нормативным актам. Имеющиеся же регулятивные нормы права относятся не только к возобновляемым источникам энергии, но и к регулированию отношений в сфере энергетики в целом. Данные акты не могут прямо относиться к исключительно отраслевым, но и к источникам регулирования именно отношений, регулируемых гражданским законодательством, их отнести нельзя.

Источники, регулирующие отношения в сфере энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии, зачастую служат составной частью законодательства об энергетической эффективности. Основополагающим политическим документом в сфере развития альтернативной энергетики является распоряжение Правительства РФ от 8 января 2009 г. № 1-р (в ред. от 19 июля 2019 г.) «Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе

использования возобновляемых источников энергии на период до 2024 года»¹. Учитывая наименование документа, необходимо отметить, что он не является нормативным и не содержит норм права.

В этом документе даны цели и принципы использования возобновляемых источников энергии. Следует признать, что указанное распоряжение Правительства – важный структурный элемент механизма правового регулирования. Логическая структура документа основана на блоках. В частности, первый раздел посвящен общим целям развития энергоэффективности и использованию возобновляемых источников энергии, второй – текущему состоянию электроэнергетики, качественным и количественным показателям использования возобновляемых источников энергии, третий – правовой политике и правовым целям, поскольку устанавливает цели правоприменения и правотворчества при использовании возобновляемых источников энергии.

Оценку эффективности правового регулирования отношений по развитию альтернативной энергетики следует определять путем сопоставления принимаемых нормативных актов и разработанных, принятых к исполнению направлениями правовой политики в сфере использования ВИЭ. Это позволит исследовать не только источники, но и эффективность правового регулирования использования ВИЭ.

С целью реализации указанных политических установок принят ряд нормативных актов о регулировании сферы использования возобновляемых источников энергии. К таким нормативным актам относится постановление Правительства РФ от 3 июня 2008 г. № 426 (в ред. от 27 сентября 2018 г.) «О квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии»².

¹ Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2024 года: распоряжение Правительства РФ от 8 января 2009 г. № 1-р (в ред. от 19 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 4, ст. 515.

² О квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии: постановление Правительства РФ от 3 июня 2008 г. № 426 (в ред. от 27 сентября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 23, ст. 2716.

Указанное постановление вводит понятие генерирующего объекта, функционирующего на базе ВИЭ. Основным квалифицирующим признаком является функционирование такого объекта с использованием только энергии из возобновляемых источников или из комбинированных источников. Примечателен тот факт, что генерирующий объект относится к выработке как электрической, так и тепловой энергии (пп. «а» п. 3 Правил). Такие правила относятся к административно-правовым нормативным актам и касаются порядка квалификации генерирующих объектов, внесения их в соответствующие реестры генерирующих объектов. Гражданско-правовой режим генерирующих объектов прав не определен¹. Вместе с тем их правовой режим может быть определен при помощи системного толкования пунктов Правил.

Во-первых, в приложении № 5 установлены виды возобновляемой энергии, что позволяет определить сущность возникающих отношений, которые по сути являются отношениями природопользования. Во-вторых, в постановлении (Правилах) используется сложное понятие локализации генерирующего объекта. По смыслу понятия локализации можно было бы полагать, что речь идет о месте нахождения объекта. Вместе с тем такие понятия степени локализации и вклада в локализацию говорят о том, что локализация касается связанности генерирующего объекта с Россией вообще. Иными словами, генерирующий объект может быть создан за счет частичного вложения в виде трудовой деятельности резидентов РФ, за счет материалов и оборудования, произведенных на территории РФ, за счет разработки проектной и иной документации на генерирующий объект, за счет испытаний объекта силами РФ, за счет совершения иных действий со стороны резидентов РФ, обозначенных в приложениях к Правилам.

Далее, после создания генерирующего объекта, уполномоченный орган (Минпромторг РФ) подтверждает степень его локализации². После создания объекта он един и неделим. По

¹Гришаев С. П. Правовой режим недвижимого имущества. – М.: Новая правовая культура, 2007. – С. 5.

² Об утверждении Порядка определения степени локализации в отношении генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии: приказ Минпромторга России от 24

своей гражданско-правовой сути он является единым недвижимым комплексом (ст. 133.1 Гражданского кодекса (ГК) РФ) или сооружением (ст. 130 ГК РФ)¹. Локализация объекта может определять режим права собственности на объект. Думается, что степень локализации, определенная в процентах, может означать размер доли РФ или резидента РФ в праве собственности на генерирующий объект.

Следующий акт – постановление Правительства РФ от 28 мая 2013 г. № 449 (в ред. от 27 сентября 2018 г.) «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности»². Указанное постановление содержит правила определения цены на мощность, создаваемую генерирующими объектами на основе ВИЭ. По своему существу применяется затратный метод, то есть цена на продаваемые единицы мощности ограничивается размером затрат, производимых в результате использования генерирующего объекта на основе ВИЭ.

Следует отметить, что такое административное регулирование цены не вполне видится стимулирующей мерой к использованию ВИЭ. Представляется более правильным подход, при котором допускалось бы свободное установление цены, ограничиваемое, напротив, лишь долей рынка электроэнергетики с использованием ВИЭ. На первых порах такое свободное регулирование цены позволило бы установить высокую цену на мощность и энергию для эксплуатантов источников ВИЭ, что сделало бы сферу привлекательной для инвестиций, как внешних, так и внутренних.

Далее, по мере развития данной отрасли реального сектора экономики, можно вводить конкретные ограничивающие меры, в том числе реализовать затратный метод определения цены. В настоящее время, думается, такое регулирование не отвечает

сентября 2018 г. № 3788 (зарегистрирован в Минюсте России 22 октября 2018 г. № 52487). Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

¹Бевзенко Р. С. Возникновение права собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество: комментарий к ст. 219 ГК РФ // Вестник гражданского права. – 2019. – № 3. – С. 137–139.

² О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности (вместе с «Правилами определения цены на мощность генерирующих объектов, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии»); постановление Правительства РФ от 28 мая 2013 г. № 449 (в ред. от 27 сентября 2018 г.). Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

потребностям энергетического рынка и представляет собой результат копирования идей из электроэнергетики, основанной на традиционных источниках энергии.

Вместе с тем государственное регулирование цен на оптовом и розничном рынках на уровне закона получило закрепление в п. 2 ст. 23.1 Закона об электроэнергетике. Стимулирующим моментом служит то обстоятельство, что установлена надбавка в отношении цен оптового рынка для электроэнергии, произведенной на функционирующих посредством использования ВИЭ квалифицированных генерирующих объектах.

В целом можно заключить, что законодательство и нормативно-правовая база регулирования энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии находится в неразвитом состоянии. В настоящее время целесообразно говорить только о зарождении комплексного правового института в энергетическом праве, регулирующего отношения с использованием возобновляемых источников энергии.

Библиографический список

1. *Бевзенко Р.С.* Возникновение права собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество: комментарий к ст. 219 ГК РФ // Вестник гражданского права. – 2019. – № 3. – С. 137–153.
2. *Быков А.Г.* О проекте Энергетического кодекса Российской Федерации // Энергетическое право. – 2013. – № 2. – С. 6–8.
3. *Гришаев С.П.* Правовой режим недвижимого имущества. – М.: Новая правовая культура, 2007. – 382 с.
4. *Камышанский В.П.* Гражданско-правовое стимулирование энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии как формы энергосбережения // Гражданское право. – 2018. – № 4. – С. 9–12.
5. *Камышанский В.П., Диденко А.А., Ксиропулос С.Г.* Гражданско-правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 92. – С. 1292–1305.

6. Камышанский В.П., Диденко А.А., Марченко К.С. Понятие и источники правового регулирования энергосбережения // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 101. – С. 1428–1440.

Раздел



Рецензии. Критика

М.В. Бандо

доцент

кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета,
кандидат юридических наук
mikban@yandex.ru

РЕЦЕНЗИЯ

**ДОБРАЧЁВ Д.В. ДЕНЕЖНЫЙ ДОЛГ
И УБЫТКИ В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЯ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ. М.: ИНФОТРОПИК МЕДИА, 2018. 472 С.**

В настоящее время изучение вопросов, связанных с правовым регулированием денежных обязательств, является чрезвычайно актуальным. С одной стороны, в содержание огромного количества гражданско-правовых отношений включается денежное обязательство. С другой стороны, абсолютное большинство имущественных правоотношений потенциально могут трансформироваться или иным образом послужить основанием возникновения денежного обязательства. Исследование таких вопросов на системной основе, комплексное рассмотрение денежных обязательств различной правовой природы и генезиса, а главное, выявление их сходств, различий и взаимосвязей представляется крайне важным. Указанным вопросам посвящена вышедшая в 2018 г. объемная, содержательная монография Д.В. Добрачёва под названием «Денежный долг и убытки в контексте динамики изменения обязательств».

Название монографии, полагаем, несколько уже ее содержания. На самом деле автор не ограничивается динамикой денежных обязательств, хотя и уделяет ей существенное внимание.

Монография состоит из введения, десяти глав и заключения. Структура в целом определена удачно. Правда, при первом знакомстве с монографией может возникнуть ощущение некоторой искусственности размещения материалов о разных проблемах гражданского права под одной обложкой. Может показаться, что перед нами не монолитное произведение, а сборник статей об отдельных проблемах современной

цивилистики, по тем или иным причинам заинтересовавших автора (в чем, в принципе, с учетом высокого качества содержания каждой из глав нет ничего плохого).

Вместе с тем в работе присутствует система. Сначала Д.В. Добрачёв объясняет читателю свой подход к категориям денежных обязательств, денежного долга, убытков и процентов (главы 1–4). Следующий логический блок работы посвящен различным правовым формам динамики денежных обязательств, связанных с изменениями в субъектном составе правоотношения, а также с изменением содержания правоотношения (главы 5–7). В третий блок монографии включены рассуждения о некоторых аспектах денежных обязательств при банкротстве (главы 8–10). Таким образом, при невозможности охватить в работе абсолютно все аспекты проблемы книга знакомит читателя с особенностями денежных обязательств как таковых, регулированием их динамики в состоянии относительной «нормы», денежными обязательствами, отягощенными банкротством.

Следует отметить обстоятельство автора при изложении материала: приводятся подходы, существующие в отечественной доктрине, а по целому ряду проблем – и в зарубежной, анализируется соответствующая судебная практика. Д.В. Добрачёв с уважением относится к высказанным в литературе суждениям, ведет научную дискуссию корректно и аргументированно. При этом автор не ограничивается простым изложением различных позиций (хотя рецензируемая монография может быть интересна и с точки зрения ознакомления с различными существующими в доктрине подходами), а формулирует собственные аргументированные выводы. Ряд таких суждений заслуживает безусловной поддержки. Вполне обоснован подход автора, согласно которому «денежным средствам не должно приписываться излишнее нормообразующее влияние не содержание всех обязательств...» (с. 11). Действительно, далеко не все особенности того или иного денежного обязательства предопределены именно его денежным характером. Гораздо большее значение имеет конкретное основание возникновения обязательства. Д.В. Добрачёв приходит к обоснованному выводу о возможности по некоторым аспектам правового регулирования применять к денежному долгу и убыткам одинаковые нормы. Так, в работе сделан вывод о возможности применения к убыткам ответственности за пользование чужими денежными средствами (ст. 395

Гражданского кодекса Российской Федерации¹), а также о возможности уступки права требования в отношении убытков при определенных условиях. Вывод о возможности применения ст. 395 ГК РФ к убыткам является остро дискуссионным. В частности, автору могут возразить, что это – двойная ответственность, поскольку ответственность, предусмотренная ст. 395, по природе близка обязательству возместить убытки, что подчеркивается и в п. 2 ст. 395 ГК РФ.

Возможным представляется и возражение в отношении того, что природа процентов с учетом ст. 395 однородна правовой природе неустойки. Пункт 4 ст. 395 ГК РФ может быть истолкован даже так, что проценты, согласно ст. 395, представляют собой законную неустойку за нарушение денежного обязательства, установленную на случай отсутствия договорной неустойки. А неустойка, по общему правилу, по отношению к убыткам носит зачетный характер. Эти возможные контраргументы следует принимать во внимание, но они не имеют определяющего значения, поскольку выступают в качестве сугубо догматических построений.

Гораздо важнее то обстоятельство, что «...меры ответственности в гражданском праве характеризуются компенсационной (восстановительной) функцией»². Меры гражданско-правовой ответственности должны быть направлены на наиболее полное возмещение. Такое возмещение невозможно в ситуации, если лицо, обязанное возместить убытки, не перечисляет денежные средства, и в результате кредитор лишается возможности извлекать их экономическую ценность: получать проценты по депозиту, использовать в качестве оборотных средств в предпринимательской деятельности для получения прибыли и т.д. Кроме того, должник, если у него имеются соответствующие денежные средства, но он их не уплачивает, получает возможность извлекать доход из своего незаконного поведения, что не допускается ст. 1 ГК РФ. Таким образом, предложение Д.В. Добрачёва, несмотря на дискуссионность, заслуживает поддержки.

Вместе с тем автора нельзя упрекнуть в сугубо прокредиторском подходе. Д.В. Добрачёв выявляет умеренно

¹ Далее – ГК РФ, ГК.

² Гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. Б.М. Гонгало. – М.: Статут, 2016. – С. 318.

прокредиторский подход в современном законодательстве и судебной практике (с. 35). Оставляя открытым вопрос о правильности этого вывода¹, предположим, что он отражает позицию самого автора, его представления о должном. И эту позицию следует, безусловно, поддержать. Причем подход Д.В. Добрачёва именно *умеренно* прокредиторский. Немало обоснованных и взвешенных суждений автора можно признать вполне «продолжниковыми». Таковы рассуждения о новации долга по срочным и просроченным процентам по кредиту в заемное обязательство (с. 331–333). В работе справедливо отмечается, что в такой ситуации, поскольку новированное заемное обязательство может предполагать уплату процентов на всю сумму, новация вступает в противоречие с запретом анатоцизма.

Главы об отдельных аспектах денежных обязательств при банкротстве содержат обстоятельный анализ соответствующей судебной практики, имеющей важное значение, и сами по себе могут представлять существенный интерес для практикующих юристов. Правда, стиль, в котором написаны эти главы, несколько выбивается из общего монографического характера работы и, скорее, напоминает статью, посвященную научно-практическому анализу судебной практики.

Некоторые суждения автора вызывают вопросы и сомнения в порядке научной дискуссии. Так, Д.В. Добрачёв на странице 6 правильно отмечает, что «главным квалифицирующим признаком денежного обязательства является обязанность по уплате денег» (здесь и далее курсив мой. – М.Б.). Однако далее, раскрывая содержание данной обязанности, автор пишет: «Таким образом, содержанием денежного обязательства является обязанность должника перенести на кредитора собственность на денежные знаки...». На странице 7 работы находим определение денежного обязательства: «...это правоотношение, в котором одно лицо, кредитор, вправе требовать от другого лица, должника, уплаты

¹ Автор настоящей рецензии не склонен разделять данный подход, специальных исследований по этому поводу не проводил. Но те области цивилистики, которые являлись предметом авторского внимания, показывают, что современному правопорядку в целом, увы, еще очень далеко до выработки сбалансированного умеренно прокредиторского подхода. «Перекосов» в ту или иную сторону пока достаточно.

определенной или определяемой денежной суммы, а должник обязан совершить платеж».

Не вполне ясно, что следует понимать под переносом собственности на денежные знаки, особенно применительно к денежным обязательствам. Соответствующая обязанность в большинстве случаев может быть исполнена и посредством безналичного платежа. Даже повседневные потребительские сделки, вплоть до пассажирской перевозки городским транспортом общего пользования, все чаще допускают оплату безналичными деньгами. Представляется, что безналичный платеж не предполагает перенесения права собственности на денежные знаки. Как отмечается в доктрине, «...безналичные денежные средства ГК вещами не признает, а зачисляет в категорию иного имущества»¹. С моей точки зрения, безналичные деньги представляют собой права требования, которые правопорядок, благодаря существованию банковской системы и соответствующего регулирования, считает более надежными и создает особую систему регулирования оборота этих прав, отличную от общего регулирования цессии. Поэтому обязательство совершить безналичный платеж – это не обязанность перенести право собственности. Речь в таких ситуациях идет о необходимости с помощью особых расчетных сделок изменить размер обязательств банка перед кредитором. Вместе с тем в широком экономическом смысле можно говорить и о собственности на денежные средства. Впрочем, указанные вопросы не являлись предметом специального рассмотрения для Д.В. Добрачёва.

Дискуссионным остается и вопрос о квалификации в работе возмещения убытков, заменяющего исполнение в натуре, особенно если такая замена регламентируется соглашением сторон, в качестве вторичного обязательства, являющегося, насколько можно понять суждения автора, исключительно мерой ответственности (с. 410–411). Во-первых, с учетом важности вывода слишком мало внимания уделено обоснованию собственно авторской позиции по этому вопросу. Во-вторых, вывод автора можно понять так, что если стороны сами договариваются о замене неденежного исполнения денежным, то это должно квалифицироваться как ответственность. Но ведь

¹ Указ. соч. С. 207 (автор главы – М.М. Валеев).

если стороны договорились прекратить какое-то обязательство, то оно не может быть нарушено. Где же основания для ответственности? Во всяком случае, суждения Д.В. Добрачёва в этой части заслуживают как минимум более подробной аргументации.

Имеются и недостатки редакционно-технического характера. Так, текст, посвященный цессии, на страницах 373, 414 и далее, частично совпадает, видимо, вследствие технического сбоя, при наборе или верстке книги.

Несмотря на отмеченные дискуссионные моменты, в целом монография Д.В. Добрачёва – это интересная книга об актуальных проблемах современного гражданского права. Автору удалось главное: последовательно обосновать на страницах книги свой подход к денежным обязательствам, показать особенности денежных обязательств, связанных с их предметом, и особенности, определяемые принадлежностью к категориям денежного долга или к ответственности. Данная книга может быть интересна и полезна широкому кругу практикующих юристов, специалистам в области банкротства, аспирантам, студентам, желающим глубже изучить соответствующие вопросы, преподавателям юридических вузов и представителям юридической науки, особенно интересующимся вопросами, связанными с денежными обязательствами.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВЛАСТЬ ЗАКОНА»

1. Подписанная заявка от каждого автора и текст статьи в формате Microsoft Word в электронном виде направляются в редакцию журнала по **e-mail: vzlaw@yandex.ru** для проверки на соответствие формальным критериям.

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт **Times New Roman**, размер шрифта – **14**, межстрочный интервал – **одинарный**, абзацный отступ – **1,25 см**, поля сверху, снизу, слева, справа – **2 см**, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Объем статьи должен быть **не менее семи**, но не более **15** страниц – для аспирантов и соискателей; **20** страниц – для авторов, имеющих степень кандидата или доктора наук (при интервале 1,5).

4. Количество авторов одной статьи не должно превышать трех человек.

5. Научная статья проходит рецензирование согласно Положению о порядке рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в научном периодическом издании «Власть Закона» (утверждено решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года). Оригиналы заявки и статьи в распечатанном виде, подписанные автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович).

6. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- индекс УДК;
- заглавие статьи на русском и английском языках;
- фамилии и инициалы автора(-ов) на русском и английском языках;
- должность и место работы автора(-ов) на русском и английском языках;
- аннотацию на русском языке, выполненную по требованиям журнала.

Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ необходим качественный перевод аннотации и названия статьи на английский язык, с соблюдением грамматических и орфографических правил. Перевод с помощью компьютерных программ и сайтов не допускается. Аннотация должна быть информативной (не содержать общих слов), оригинальной, содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования), структурированной (следовать логике описания результатов в статье), компактной (укладываться в объем от 50 до 100 слов);

- не менее 10 ключевых слов на русском и английском языках;

– библиографический список. В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее семи источников, имеющих автора. Федеральные и иные законы **не приводят** в библиографическом списке. Самоцитирование автора допускается в объеме не более 10 % от общего количества цитирования источников из библиографического списка. Ссылки на электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-

правовые акты приводят в постраничных (подстрочных) сносках и в библиографический список **не выносят**.

7. Все ссылки в статье на литературу и другие источники должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки в тексте статьи – подстрочные и постраничные, вынесенные из текста вниз полосы документа (в сноску), шрифт ссылок – **Times New Roman**, размер шрифта – **12**, **одинарный** межстрочный интервал.

8. После проверки подписанные автором(-ами) оригиналы статьи и всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович). Документы в распечатанном виде (на бумажном носителе) должны полностью соответствовать электронной версии.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Уведомляем Вас о возможности
приобретения научно-практического журнала

«Власть Закона»

в интернет-магазине: www.niiprsp.ru

Стоимость продукции:

КВАРТАЛ (ОДИН ВЫПУСК) – 400 РУБ.

ПОЛУГОДИЕ (ДВА ВЫПУСКА) – 700 РУБ.

ГОД (ЧЕТЫРЕ ВЫПУСКА) – 1100 РУБ.

С уважением, редакция журнала!



